

ЦАРИЦЫНО

АРХЕОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-
ЗАПОВЕДНИК «ЦАРИЦЫНО»

THE STATE HISTORICAL,
ARCHITECTURAL, ART,
AND LANDSCAPE
MUSEUM-RESERVE TSARITSYNO

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

TSARITSYNO: ARCHAEOLOGY OF MODERN TIME

Moscow
2008

ЦАРИЦЫНО: АРХЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Москва
2008

Печатается по решению
научно-методического совета ГМЗ «Царицыно»

Руководители проекта:
О.В. Докучаева, Н.А. Кренке

Оформление переплета: Граффити с изображением солнца на стене Большого
Дворца в Царицыно; Идол богини Лады на капище языческой общины
«Коляда вятичей»

Царицыно: археология современности / Кренке Н.А., Александрова О.И.,
Ершов И.Н., Леонова Е.В., Нефедов В.С. : Государственный историко-архи-
тектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно» ;
Институт археологии РАН. – М., 2008. 208 с.: ил. — ISBN 978-5-903829-04-0

Вниманию читателей представляются материалы археологических исследований «современности» Царицынской экспедиции Института археологии РАН 2003–2006 гг. на территории Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно». Это попытка увидеть людей, посещавших парк в XIX–XX вв., через призму археологии и эпиграфики. Стены дворца, сохранившиеся надписи, монеты и гильзы, оброненные возле пруда, рассмотренные в хронологическом порядке, позволили сделать исследователям интересные наблюдения относительно изменений, происходивших в обществе.

Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

ISBN 978-5-903829-04-0

© Государственный историко-архитектурный,
художественный и ландшафтный
музей-заповедник «Царицыно», 2008
© Институт археологии РАН, 2008
© Коллектив авторов, 2008

I. АРХЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Изучение археологическими методами объектов недавнего прошлого, отстоящего от момента раскопок не более чем на несколько десятилетий, давно перестало быть эпатажем, шокирующим научное сообщество. Наиболее интенсивно это направление археологии развивалось в США, что не в последнюю очередь было связано с повышенным вниманием, проявляемым обществом к короткой истории населения европейского происхождения в этой стране. В российской археологии эта тенденция, хоть и в меньшем масштабе, проявилась в исследовании памятников русских первопроходцев в Сибири в XVII–XIX вв. (*Артёмьев А.Р.*, 1999; 2005; *Алексеев А.Н.*, 1996; *Гоков А.В.*, 1989; *Черная М.П.*, 2002; 2007).

В последние десятилетия реставрация поздних архитектурных объектов обычно сопровождается археологическими работами. В российской археологии это направление наиболее ярко представлено в Санкт-Петербурге, где активно исследуются дворцы и культурный слой города XVIII–XIX вв. (*Иоаннисян О.М.*, *Зыков П.Л.*, 2003; *Иоаннисян О.М.*, *Торшин Е.Н.*, *Жерве А.В.*, *Френкель Я.В.*, 2002; Археологическое изучение Санкт-Петербурга..., 2005).

Изучение культуры современных аборигенных народов также неизбежно провоцировало интерес к памятникам, оставлен-

ным их предками, жившими несколько поколений назад (*Боброва А.И.*, 1984; 2004; *Молодин В.И.*, 2002; *Шутова Н.И.* 1992; *Мурашко О.А.*, *Кренке Н.А.*, 2001).

Неподдельный интерес публики к объектам относительно недавнего прошлого вполне понятен. Разглядывая вещи эпохи своей молодости, принадлежавшие дедушкам и бабушкам, люди видят в них отражение самих себя. Вещи являются символами времени. Археология нацелена на фиксацию изменений «мира вещей» и выявление признаков этих изменений. Преимущество археологии заключается в ее лапидарной меткости, которую можно сравнить с прозрениями поэта.

Отложения эпохи советского периода, особенно периода «застоя», действительно оправдывают метафоры, данные стране поэтом Николаем Клюевым: «бетонный узел», «бетонные отеки», «бетонный череп» (*Клюев Н.*, 1990). Редкий шурф в Москве обходится без кусков и блоков бетона, смешанных с материковым суглинком. Эти отложения советского времени покрывают естественный рельеф, плодородную пашню. Культурный слой, накопившийся в эпоху горбачевской перестройки, опознается по тому, что стеклянные бутылки из-под пива сменяются алюминиевыми банками. Россия Ельцина ассоциируется с появлением в отложениях мусора пластиковых бутылок и скорлупы фисташек, деталей игрушек датской фирмы «Lego».

Роль археологического изучения современности двоякая. С одной стороны, она несет чисто методическую направленность: научиться интерпретировать археологический источник, используя «подсказки». Эту задачу решает этноархеология: ее последователи, «держа в уме» памятники каменного века, не только

раскапывают субсовременные объекты, но и наблюдают за поведением живых людей (*Binford L.R.*, 1978; *Yellen J.E.*, 1977). Библиографические сводки на данную тему насчитывают тысячи названий. Например, библиография, составленная Н. Давидом (*Nicholas David*) в 2004 г. и размещенная в Интернете, учитывает около 2000 работ по этноархеологии (<http://www.ucalgary.ca/~ndavid/Homepage/ethnarkybib.pdf>).

С другой стороны, остатки недавнего прошлого могут исследоваться «ради них самих». В этом случае археологическому изучению подвергаются стоянки пропавших арктических экспедиций, места сражений Второй мировой войны, городские кварталы, крестьянские жилища и президентские дачи. Различные аспекты возможных направлений развития «поздней археологии» были детально рассмотрены на «круглом столе», организованном редакцией журнала «Российская археология» (Археология позднего периода истории..., 2005). Характерно, что «интересы» поздней археологии уже нашли отражение в действующем законодательстве России по культурному наследию.

В Москве археологическое изучение культурного слоя XVIII–XX вв. проводилось на многих объектах «новостроечной археологии», в первую очередь там, где сохранились архитектурные остатки (*Векслер А.Г.*, 2006). Целенаправленное изучение жилых объектов XX в. велось, пожалуй, лишь в одном месте – исследование в заповеднике «Коломенское» крестьянской усадьбы Квашниных в с. Дьяково. В 1988 г. здесь был раскопан двор с постройками, проведены обмеры дома 1914 г., собран материал для «устной истории» и на этой основе восстановлена история усадьбы в XX в., прослежены судьбы членов крестьянской семьи (*Кренке Н.А.*, 2008).

Притягательность поздней археологии состоит в том, что она часто предельно «исторична». Так, в Музее истории Москвы с 1964 г. хранилась непонятая находка: плоская костяная подвеска с двумя цифрами на одной стороне и вырезанным крестом – на другой. Позднее были найдены еще три аналогичные подвески. Лишь случайно, в ходе сбора этнографических данных, удалось понять истинное назначение этих предметов. Оказалось, что подвески – это медальоны московского Воспитательного дома, с представленными на них номерами младенцев и датой их по книге поступления (*Ладыченко А.О.*, 2004). Таким образом, все находки обрели имена владельцев, отмеченных в архивных документах.

Другой пример – комплексное исследование исторического ландшафта. В этом случае руинированные объекты XIX–XX вв. исследуются методами археологии. Параллельно производится сбор и анализ устного исторического предания (*Чернов С.З.*, 2005). Лишь так зачастую открывается возможность проследить историческую традицию на всем протяжении ее существования, «заглянуть» в более ранние эпохи, локализовать на местности сведения письменных источников XV–XVII вв.

Представленные в настоящей книге материалы – это попытка увидеть людей, посещавших парк Царицыно в XIX–XX вв., через призму археологии и эпиграфики. Стены дворца, сохранившие надписи, монеты и гильзы, оброненные возле берега пруда, рассмотренные в хронологическом порядке, как выяснилось, позволяют сделать некоторые наблюдения относительно изменений, происходивших в обществе. Эти археологические данные могут рассматриваться как независимый и заслуживающий внимания исторический источник.

Полевые исследования выполнялись сотрудниками Царицынской экспедиции Института археологии РАН в 2003–2006 гг. Разделы текста написаны следующими авторами: О.И. Александрова – VII; И.Н. Ершов – II, III, V, VI, VII; Н.А. Кренке – I, IV, VI, VII, VIII; Е.В. Леонова – VI, VII; В.С. Нефедов – II, III, VII; Специальные приложения подготовлены О.В. Двуреченским (ГИМ) и О.Г. Ким (Моспроект 2, мастерская 17); иллюстрации – О.И. Александровой, Е.В. Леоновой и В.А. Раевой.

Благодарности: организационную помощь, способствовавшую успешному завершению работ, оказали директор музея «Царицыно» А.С. Безруков, заместитель директора по научной работе О.В. Докучаева и заведующий центром истории «Царицыно» В.В. Егорычев; зам. Генерального директора Мосводостока Р.Р. Зильберман, зам. начальника Москомнаследия А.Г. Векслер. В своей работе мы всегда опирались на поддержку коллег: члена-корреспондента РАН Н.А. Макарова (директор ИА РАН), докт. ист. наук Л.А. Беляева (зав. сектором археологии Москвы ИА РАН), канд. ист. наук А.В. Энговатовой (зав. отделом охранных раскопок ИА РАН).

II. НАДПИСИ НА СТЕНАХ БОЛЬШОГО ДВОРЦА

Надписи Нового и Новейшего времени, нанесенные частными лицами на твердые поверхности, в том числе на стены архитектурных сооружений, редко становятся предметом специального исследования. Иногда их публикуют в добавление к петроглифам или граффити более ранних эпох в качестве курьеза или в тех случаях, когда возраст надписи вызывает сомнения (Галанин А.А., Смирнов В.Н., Глушкова О.Ю., 2006; Дэвлет М.А., 1982; *Faustino de Carvalho A., Zilhao J., Aubry T.*, 1996). Вместе с тем они представляют собой самостоятельный эпиграфический источник, который может быть использован различными гуманитарными науками (история, социология, социальная психология и др.), не говоря уже о таких прикладных дисциплинах, как генеалогия и краеведение¹.

Надписи и рисунки второй половины XIX – начала XXI в. на стенах Большого дворца зафиксированы сотрудниками Царицынской экспедиции в августе 2005 г., непосредственно перед началом реконструкции здания. Одной из причин фиксации надписей послужило предположение о том, что в результате реконструкции

¹ В последние годы наблюдается большой общественный интерес к собиранию и изучению современных надписей на городских сооружениях. Об этом свидетельствует множество сайтов в Интернете, монографии о современных граффити (см.: <http://astore.amazon.com/graffitivideo-20>; Macdonald N., 2001).

этот уникальный исторический источник окажется практически утраченным. Так и случилось: в 2006 г. белокаменные детали стен Большого дворца были полностью зачищены и побелены, надписи на них уничтожены.

Следует отметить, что надписи находились и на других постройках Царицына. В частности, ими был покрыт пьедестал не сохранившейся статуи в парковой беседке «Храм Цереры» («Золотой сноп»). Возможно, самая ранняя из них – «W. Winter» 1909 г. Тем не менее корпус надписей на Большом дворце, зафиксированных в 2005 г., является самым многочисленным и информативным на территории дворцово-паркового комплекса. Настоящий раздел посвящен его полной публикации и анализу.

Надписи фиксировались на белокаменных деталях южной (без юго-западной части) и восточной стен Большого дворца (рис. 4), на высоте до 2,5–3,5 м от его гранитного цоколя, то есть на уровне первого этажа здания. Обследование остальной части периметра дворца признано нецелесообразным, поскольку там стены были полностью вычищены или обновлены во время реставрации конца 1980-х годов, что повлекло полную утрату надписей, сделанных до 1991 г. Фиксация на уровне второго этажа, где надписи также присутствовали в большом количестве (особенно на южной стене), не проводилась из-за отсутствия специального оборудования.

На обследованном участке периметра дворца, почти не затронутым реставрацией конца 1980-х годов, мы стремились зафиксировать все надписи, независимо от времени их нанесения, за исключением нечитаемых обрывков. К сожалению, надписи, нанесенные с 1980-х годов и позже, были зафиксированы менее

тщательно, чем более ранние. С другой стороны, более ранние надписи в некоторых местах не сохранились, в том числе были стерты или удалены вместе с белокаменными блоками при реставрации (наиболее протяженные такие отрезки стен отмечены на *рис. 4*). Поэтому изучаемая выборка в целом остается случайной и статистически достоверной. Она включает 296 надписей и изображений, многие из которых сохранились фрагментарно (см. *Каталог*).

По способу нанесения надписи и немногочисленные рисунки делятся на несколько групп: вырезанные или прочерченные ножом или гвоздем (185 экз.), выбитые острым инструментом типа гвоздя или долота (12 экз.), написанные масляной краской (24 экз.), простым (61 экз.) или цветным (3 экз.) карандашом, черной тушью (4 экз.), фломастером или маркером (6 экз.), углем (2 экз.) (*рис. 6*). Глубоко прорезанные, а также выбитые надписи, исходя из их датировок и стилистических особенностей, характерны для периода до 1980-х годов, нанесенные простым карандашом почти не встречаются после 1970 г., написанные фломастером датируются временем после 1990 г. Остальные способы практиковались постоянно или отмечены в единичных случаях. Размеры букв в надписях варьируются от миниатюрных, менее 1 см, до очень больших, высотой около 20 см. Одна из надписей достигает высоты человеческого роста (*Каталог*, № 294).

Во время работ Царицынской экспедиции возле Большого дворца в 2005 г. были обнаружены предметы, которые с высокой вероятностью могли являться орудиями для нанесения надписей. Это винтовочная или пулеметная гильза второй четверти XX в. со вставленным в нее огрызком простого карандаша, найденная

в раскопе 1 (*рис. 1*), и перочинный нож 1970–1980-х годов с пластмассовой рукояткой, поднятый у центрального южного входа во дворец.

Содержание подавляющего большинства надписей более или менее однообразно – это фамилии и/или имена либо только инициалы, иногда прозвища, а также даты. Датированные надписи, как правило, содержат год, месяц и число, реже только некоторые из этих сведений; в единичных случаях к ним добавлены часы и минуты (*Каталог*, № 80, 276). Содержание такого рода надписей исчерпывается этой информацией. Они отмечают факт пребывания одного или нескольких человек в данном месте и, зачастую, в данное время, то есть их можно назвать мемориальными. Таких надписей выявлено около 220 (включая отдельно нанесенные даты, которые иногда могли быть обрывками не полностью сохранившихся надписей) или более 70% общей совокупности. Мемориальные надписи характерны для всего периода, но с 1980-х годов встречаются реже. Почти все датированные надписи входят именно в эту основную группу «мемориальных».

Датированных надписей насчитывается не менее 150; на 137 удалось прочитать год. Самая ранняя из них нанесена в 1866 г., самая поздняя – в 2002 г. Распределение датированных надписей по месяцам показывает, что подавляющее большинство (около 80%) сделано в теплое время года, с мая по октябрь.

На диаграмме хронологического распределения датированных надписей (*табл. 1*) учтено 137 дат с точностью до года, что составляет 47% изучаемой совокупности. Этот статистический показатель надо признать достаточным для определения динамики нанесения всех надписей и изображений, выявленных на стенах

Большого дворца. Анализ диаграммы позволяет сделать несколько важных выводов.

Диаграмма демонстрирует довольно четкое деление надписей на две хронологические группы: до и после первой половины 1980-х годов. Каждая из них имеет, в общем, вид графика нормального распределения (первая группа – полного, вторая – его левой, возрастающей части). Очевидно, эти хронологические группы следует рассматривать как два разных явления.

Первая хронологическая группа содержит в левой части диаграммы длинный, слабо выраженный «шлейф» 1866–1930 гг. (12 надписей), весьма точно соответствующий «дачному» периоду истории Царицына. Несомненно, надписи в это время наносились изредка, эпизодически. Их количество резко возрастает с начала 1930-х годов, достигает максимума в первой половине 1950-х годов и постепенно снижается к середине 1980-х годов. Следует отметить два промежуточных угнетения этой кривой, которые не могут быть случайными. Первое из них относится к 1940-м годам и, очевидно, связано с Великой Отечественной войной. Точнее, в основном с такими событиями, как мобилизация и добровольный уход части местных жителей на фронт, эвакуация осени 1941 г., нескорая демобилизация фронтовиков после Победы, а также, вероятно, с гибелью некоторых из них на войне. В то же время обращает на себя внимание сравнительно большое количество надписей лета–осени 1941 г. (4 экз.) и 1945–1946 гг. (8 экз.), о чем подробнее будет сказано ниже. Значительно труднее объяснить сильный «провал» диаграммы в первой половине 1970-х годов. Возможно, он связан с усилением административного контроля на территории Царицына в этот короткий период, что не позволяло делать много надписей.

Частичная реставрация Большого дворца, проведенная в конце 1980-х годов, существенно не отразилась на динамике нанесения надписей. Их количество достигло минимума раньше, в первой половине десятилетия, что было связано, вероятно, с демографическими и социологическими причинами, а также строительными работами на территории дворцового комплекса. Во второй половине 1980–1990-х годов наблюдался постоянный и равномерный рост количества надписей (вторая хронологическая группа). По-видимому, он связан с организацией в 1984–1987 гг. Царицынского музея-заповедника и соответственно с возrastавшим год от года притоком посетителей на его территорию. Резкое «падение» диаграммы в первые годы XXI в. вызвано усилением мер безопасности в центральной части музея-заповедника, в том числе регулярным милицейским патрулированием периметра дворца, свидетелями чего были авторы настоящей книги во время работы экспедиции.

Интересно отметить, что хронологическое распределение датированных надписей в общих чертах совпадает с динамикой выпадения монет второй половины XIX – начала XXI в. в Царицынском парке, в том числе вокруг Большого дворца (см. раздел III). Независимо от интерпретации этого факта, он подтверждает предположение о том, что хронологию датированных надписей правомерно рассматривать как хронологию всей их совокупности.

Итак, все выявленные надписи распадаются на две основные хронологические группы: до и после первой половины 1980-х годов. Подчеркнем, что это деление не только статистическое. Оно хорошо прослеживается в содержании и стилистике текстов и изображений. Поэтому даже не датированные надписи, как пра-

вило, довольно легко отнести к первой или второй хронологической группе. Кроме того, при датировке учитывались сохранность и случаи наложения одной надписи на другую, а также их присутствие на участках стен или отдельных блоках, замененных или вычищенных при реставрации конца 1980-х годов. Дальнейшую характеристику и анализ материала целесообразно проводить по выделенным группам.

Надписей и изображений первой хронологической группы насчитывается приблизительно 210–220. Доля «мемориальных» среди них значительно больше, чем для выборки в целом – свыше 90%. Многие из них, особенно относящиеся к периоду до 1970-х годов, выполнены аккуратно, иногда художественно, причем для их нанесения зачастую требовалась большая затрата сил и времени. Последнее главным образом относится к глубоко прорезанным и выбитым надписям, практически каждую из которых можно датировать временем не позднее третьей четверти XX в. Многие надписи этого периода, написанные масляной краской или карандашом, также отличаются тщательностью, иногда изящностью исполнения. Очевидно, значительная часть авторов (хотя далеко не все) заботилась о том, чтобы надписи, обозначающие присутствие их, а иногда также их спутников в этом месте и в данное время, выглядели красиво и в определенном смысле «фундаментально». Они сознательно стремились к тому, чтобы эти мемориальные маркеры присутствия сохранялись для обозрения очень долгое время.

Сказанное особенно ярко иллюстрируют примеры надписей, сделанных четкими печатными буквами, «чертежным» почерком (не позднее 1960-х годов: *Каталог*, № 6, 34, 44, 57, 68,

71, 91, 124, 183, 190) или шрифтом, напоминающим античный «инициал» (по-видимому, не позднее 1950-х годов: *Каталог*, № 5, 37, 116, 152, 180). Отметим две надписи 1920–1930-х (?) годов, изящно написанные масляной краской, почерком в стиле модерн (*Каталог*, № 24, 29), а также несколько карандашных и резных, сделанных каллиграфической прописью или курсивом (не позднее 1950-х годов: *Каталог*, № 14, 28, 103, 147, 160, 171, 177). Зафиксировано и множество других аккуратно выполненных надписей первого периода (см. *Каталог*).

Вместе с тем среди надписей первой хронологической группы есть немало нанесенных небрежно, довольно «корявым», в том числе детским почерком. Они встречаются уже в конце XIX – начале XX в. (*Каталог*, № 7, 93, 150 и др.) и становятся особенно многочисленными в 1960–1970-е годы. В 1970-х годах они почти полностью сменили «аккуратные».

Из сказанного следует, что между надписями «дачного» периода (до 1930 г.) и последующего времени (по крайней мере, до 1971 г.) в целом не наблюдается никаких существенных различий ни в способах нанесения, ни в стилистике. Даже такой, казалось бы, архаичный признак, как разделение в дате числа и месяца горизонтальной чертой, регулярно встречается на протяжении всей первой половины XX в., а затем снова появляется в надписи 1977 г. (*Каталог*, № 114).

Несколько стилистических новшеств возникло, насколько можно судить, все же после 1930 г. Современное начертание даты, когда месяц пишется арабскими цифрами и отделяется от числа точкой, присутствует с конца 1930-х годов (*Каталог*, № 146). «Классическое» начало надписей мемориального характера: «Здесь

был(и)...» встречается со второй половины 1940-х годов (*Каталог*, № 45, 47). С конца 1940-х – начала 1950-х годов начинают распространяться коллективные надписи, содержащие имена или инициалы 2–3 человек (*Каталог*, № 47, 97, 124 и др.). Правда, самая ранняя из них датирована 1910 г. (*Каталог*, № 34), но затем они долго не встречаются. Некоторые надписи 1930–1960-х годов заключены в прямоугольные рамки (*Каталог*, № 10, 27, 31, 49, 58, 60 и др.). Эти изменения несколько не нарушают картину полной преемственности традиции нанесения надписей на протяжении всего периода в целом, скорее демонстрируют ее развитие в определенных деталях.

Особенно отметим такое явление, как серии индивидуальных «мемориальных» надписей, оставленных одними и теми же людьми на одних и тех же участках стен дворца, как правило, в один и тот же день, но в разные годы (в том числе с разницей в 10 лет). Таковы надписи Станислава Теняева (*Каталог*, № 39, 48, 49) и Н. Бобкова (*Каталог*, № 183, 188, 190) 1930–1940-х годов, В. Вихрова и Н. Лебедева 1954 и 1964 г. (*Каталог*, № 60–63), Николая Семенкова 1955 и 1959 г. (*Каталог*, № 110), Тимофеева 1960 и 1970 г. (*Каталог*, № 142, 149). Выполненные красиво и тщательно, они, несомненно, были рассчитаны на долговременное восприятие. Возможно, авторы являлись местными жителями и увековечивали себя на «своих» местах стен дворца в некие важные для них дни, в том числе в дни рождения (юбилеи).

Необходимо еще раз упомянуть о довольно многочисленных надписях, датированных первыми месяцами Великой Отечественной войны (*Каталог*, № 103, 120, 158, 189) и 1945–1946 гг. (*Каталог*, № 8, 9, 29, 81, 159, 179, 229, 293). По-видимому, боль-

шинство из них отмечает такие важнейшие для авторов события, как, с одной стороны, отправка на фронт или отъезд в эвакуацию, с другой стороны, послевоенное возвращение домой.

Некоторые «мемориальные» надписи сопровождаются рисунками, точнее, символами, обозначающими принадлежность автора к определенной профессиональной группе. Пятиконечная звезда под надписью В. Нек(расова) (?) 22 августа 1941 г. (*Каталог*, № 103), несомненно, означает призыв автора на фронт. Схематичное изображение герба СССР (кокарды?) под недатированной надписью Иванова (*Каталог*, № 121) может быть связано с его службой в армии или железнодорожных войсках. Якоря под надписями 1964 г. уже упоминавшихся друзей В. Вихрова и Н. Лебедева (*Каталог*, № 61, 63) отмечают их, по-видимому, совместную службу на флоте или возвращение с этой службы. Труднее интерпретировать рисунок двухъярусной пирамиды (форменный головной убор?), в который заключена надпись Рубцова 1940 г. (*Каталог*, № 200) (рис. 5).

Имеются изображения, которые никак не связаны с надписями. К первому периоду относятся два из них: «старинный» свиток (*Каталог*, № 11) (рис. 5) и погрудный профиль человека, повернутый влево (*Каталог*, № 127).

Кроме собственно «мемориальных» в первую хронологическую группу входит несколько надписей иного характера. Это короткие тексты, в которых имена, фамилии и даты либо отсутствуют, либо составляют только часть информации. Среди них отчет о важном для автора событии, вероятно, связанном с Царыцыным («...осветили икону...», *Каталог*, № 109), стихи (?) о Большом дворце («...этот замок знаменитый...», *Каталог*, № 89),

выражение эмоций («Это счастливая зима 1976/1977», *Каталог*, № 222), развернутые и тоже эмоциональные сведения о себе («Здесь были клевые девочки из... Плеханов(ского института?)» – *Каталог*, № 78), некий лозунг («Да будет...» – *Каталог*, № 175). К сожалению, почти все надписи такого рода плохо сохранились. Можно предположить, что самые ранние из них относятся к 1930–1950-м годам.

Интересно, что в надписях первой группы почти не встречаются прозвища или клички. Таких примеров всего два (*Каталог*, № 27, 87), один из них датирован 1963 г. Очевидно, подавляющее большинство авторов не желало, чтобы их прозвища, даже если они были обычны в общении с друзьями и знакомыми, фигурировали на стенах дворца².

Следует обратить внимание и на тот факт, что нецензурные надписи и изображения в первой хронологической группе совершенно отсутствуют. Складывается впечатление, что нанесение всевозможной похабщины на стены Большого дворца было до 1980-х годов строго табуировано общественным мнением.

Данные о географическом происхождении авторов крайне немногочисленны. Изредка надписи содержат названия городов: Ош в Киргизии (*Каталог*, № 15, 94), Ростов-на-Дону (*Каталог*, № 203). Первые две из них, вероятно, оставлены солдатами срочной службы, проходившими ее в окрестностях Царицына. К этой же

² Распространенность прозвищ у жителей Царицына уже в период Гражданской войны иллюстрируется уникальным источником. В 1962 г. в стене Большого дворца был найден клад, состоящий из 36 монет 1730–1910-х годов, а также бумажных денег Николая II и Временного правительства. Ценности сопровождалась запиской: «Приду после войны. 1919 г. На, возьми, Боб, от Щарда». Клад хранится в Отделе нумизматики ГИМ (Векслер А.Г., Мельникова А.С. Московские клады. М., 1988. С. 238, № 397).

группе можно условно отнести цитированный выше текст, написанный студентками Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (*Каталог*, № 78). Вероятно, остальным авторам не было необходимости указывать место своего жительства (учебы).

В связи с вопросом о «приезжих» стоит рассмотреть надписи, выполненные латиницей. Их насчитывается 7, включая самую раннюю из датированных, 1866 г. (*Каталог*, № 19). Она, как и некоторые другие (*Каталог*, № 55, 194), содержит только инициалы автора. Особый интерес представляют надпись 1935 г. на испанском языке (*Каталог*, № 165) и аналогичная (*Каталог*, № 160), которые относятся к периоду демократической революции в Испании (1931–1936 гг.) до начала гражданской войны в этой стране. Они могли быть оставлены испанскими социалистами (коммунистами) или их детьми, приехавшими в СССР после установления дипломатических отношений с революционным правительством Испании в 1933 г. Еще одна надпись, 1940 г. (*Каталог*, № 136), хотя и выполнена латинскими буквами, содержит фамилию и инициалы вполне «русского» типа: «B.N. Stessin» (рис. 7). В тоже время надо отметить, что данная фамилия распространена в США, Германии, Франции.

Авторов «латинских» надписей вряд ли стоит однозначно считать иностранными туристами. До революции среди состоятельных жителей Москвы было много иностранцев, особенно немцев, и кое-кто из них снимал дачи в Царицыно. Во время Первой мировой войны там нашли пристанище некоторые граждане воюющих с Россией государств, высланные из Москвы и окрестных населенных пунктов (*Баранова А.А.*, 2005. С. 65). В 1920–1930-х годах на царицынских дачах жило несколько иностранных деяте-

лей Коминтерна, оставались и дореволюционные дачники немецкого происхождения (Сергеев И.Н., 2006. С. 232–235).

По нашему мнению, анализ надписей первого периода позволяет предположить, что большинство из них было оставлено местными жителями, начиная с царицынских дачников и их потомков, и только небольшая часть связана с деятельностью приезжих посетителей парка, в том числе прибывших из Москвы или (с 1960 г.) ее отдаленных от Царицына районов.

Гораздо больше материала по изучению половозрастного состава авторов. Выявлено 105 надписей первого периода с сохранившимися именами/фамилиями, для которых определяется мужская или женская принадлежность. На 76% из них присутствуют только мужские имена/фамилии, на 19% – только женские, на 5% – пары тех и других. Последние, вероятно, можно считать отражением романтических чувств их авторов. Уже эти данные показывают, что участие дам (даже косвенное) в изучаемом явлении было как минимум в два раза меньше их доли среди населения. Кроме того, необходимо учитывать, что далеко не все «женские» и тем более «парные» надписи сделаны представительницами прекрасного пола. Собственно «женских» надписей, в том числе нанесенных женским почерком, насчитывается не более 10–15% от общего количества. Они появились в 1930-х годах (Каталог, № 147, 160; примечательно, что одна из них написана латиницей), но до середины 1950-х представляли собой исключительно редкое явление. Примечательно, что самая ранняя датированная «парная» надпись (Каталог, № 79) относится только к 1962 г.

Приблизительный возраст авторов можно определить далеко не всегда и только по косвенным данным. В первую очередь к ним относятся: абсолютное преобладание уменьшительных имен, в том числе с сокращенными до инициала фамилиями (например, «Ваня К. Валя К. Петя К. Толя К.» – *Каталог*, № 106), и распространенность детского и «школьного» почерков. Поэтому не вызывает сомнения, что в первый период, как и в современную эпоху, нанесением надписей на стены дворца занимались в основном дети и молодежь. Вероятно, в «дачный» период участие в этом взрослых было большим, чем позднее, но и среди дореволюционных надписей, несомненно, есть детские (например, «*наша* Вошанкинъ» – *Каталог*, № 207).

Надписей и изображений второй хронологической группы (с 1980-х годов) зафиксировано около 80. Следовательно, интенсивность процесса их нанесения на стены дворца в среднем не снизилась по сравнению с предыдущим периодом. Вместе с тем доля датированных надписей уменьшается: во второй группе их менее 30%, тогда как в первой более 50%. Этот важный показатель свидетельствует о том, что авторы стали гораздо чаще обращаться не в будущее, к потомкам, а к современникам, в актуальную действительность. На то же указывает небрежность подавляющего большинства надписей второй группы, отсутствие среди них тщательно и глубоко прорезанных или выбитых, то есть рассчитанных на демонстрацию в течение длительного времени.

Надписей 1980-х годов, особенно первой половины десятилетия, судя по всему, очень мало. Возможно, это связано с рядом событий, происходивших на территории ансамбля: прокладкой

линии метро, полным осушением прудов и началом реставрационных работ, что в совокупности делало посещение Царицына малопривлекательным. Очевидно, были и причины социологического характера (см. ниже). Выделяется серия так называемых дембельских надписей 1984–1987 гг., оставленных солдатами из Баку и Сумгаита (*Каталог*, № 115, 132, 148, 217, 219) (рис. 7), которые, надо полагать, служили в строительных войсках и работали в Царицыно.

Надписи второй группы гораздо разнообразнее, чем более ранние, и в основном сильно отличаются от них по содержанию. К «мемориальным» можно отнести около 40%. От «мемориальных» надписей первого периода их отличает отсутствие фамилий, полных имен, инициалов и сравнительно редкие датировки. Обычно они состоят из одного или нескольких уменьшительных имен, иногда рядом с именем ставилась первая буква фамилии (такое нередко встречается и в надписях первой группы). Часто используются жаргонные формы имен, прозвища или клички (например, «Здесь были Орк, Кот, Квач, Санек, Кузьмич, Стас» – *Каталог*, № 282), чего почти не наблюдалось ранее. Одна из немногих «мемориальных» надписей, явно продолжающих старую стилистическую традицию, датирована 1987 г. (*Каталог*, № 248). Почти все остальные, очевидно, с этой традицией не связаны.

Новую разновидность надписей составляют «любовные» (12%), то есть такие, в которых романтические чувства выражены напрямую, с помощью слов «я тебя люблю», «любовь» (*Каталог*, № 3, 246, 251, 259 и др.), обрамлением своего имени и/или имени партнера рисунком сердца (№ 233, 241) и другими однозначными

приемами³. По-видимому, среди их авторов были не только юноши, но и девушки (например, *Каталог*, № 233).

Довольно многочисленны надписи и изображения, оставленные представителями различных молодежных течений и группировок (23%). Это металлисты (*Каталог*, № 213, 215, 274, 277), пацифисты (*Каталог*, № 230, 236, 237, 264), рэйверы (*Каталог*, № 243), рэпперы (*Каталог*, № 212) и их противники (*Каталог*, № 275, 278), скинхеды (*Каталог*, № 279), фанаты московского «Динамо» (*Каталог*, № 227, 240) и музыкальной группы «Helloween» (*Каталог*, № 276), язычники (*Каталог*, № 211)⁴.

Рисунки, представляющие собой символы молодежных движений (в основном пацифики), иногда сопровождают тексты или присутствуют отдельно. Не исключено, что цитированную выше надпись (*Каталог*, № 282), в которой упоминается кличка Орк, нанесли толкиенисты, о деятельности которых в Царицынском парке хорошо известно, хотя ее авторами могли быть панки или молодые люди, не ориентированные на определенное течение.

Несколько надписей такого рода содержат демонстративные выражения восторга по поводу пристрастий своей группировки или энергичную брань в адрес соперников (*Каталог*, № 274, 275, 278). Судя по всему, они были сделаны одними и теми же

³ Не случайно, что Царицынский ансамбль, будучи очень красивым и романтичным, в последние 10–15 лет стал одним из самых излюбленных мест свадебных гуляний. Кто-то из молодоженов (несомненно, мужчина) даже умудрился потерять (выбросить?) свое обручальное кольцо, найденное в 2005 г. в раскопе 2 у южной стены Большого дворца.

⁴ Еще одна надпись, оставленная язычниками, появилась в сентябре 2005 г. на постаменте статуи в беседке «Храм Цереры». Она нанесена губной помадой (!), содержит текст «Именем Перуна Бога нашего» и рисунок двух свастик и молний. Невольно возникает ассоциация с надписью № 279.

людьми – группой активных металлистов, написавшей также текст № 277. В нем, единственном из надписей второго периода (!), указаны полные фамилии авторов, которые явно никого не боялись.

К этой группе примыкает трехстрочный текст огромного размера, представляющий собой поэтическую цитату на английском языке (*Каталог*, № 294). Это неточная цитата первых строк песни «Don't Fear The Winter» (1988 г.) немецкой группы «Rage», принадлежащей к направлению heavy metall. Точный текст выглядит так: «Autumn – the time of darkness and decay // Life's running shorter day by day // Winter – has gripped the land in cold caress»⁵. Вопрос «Да?» в конце надписи как бы приглашает читателя разделить музыкальные вкусы и настроение автора.

Стоит отметить надписи, которые содержат местные номера телефонов (*Каталог*, № 92, 198), хотя они могут относиться и к 1970-м годам, а также упоминание Екатерины II с ее схематичным профилем (*Каталог*, № 286), несомненно, навеянное историей Царицына (*рис.* 7). Эта надпись 2002 г. является самой поздней из датированных. Кроме того, есть несколько довольно загадочных текстов, написанных латиницей (*Каталог*, № 280, 281, 291), и крупный рисунок улыбающегося солнца, очень красиво выполненный цветными карандашами (*Каталог*, № 296).

Появляются надписи и изображения откровенно непристойного содержания: матерные слова и порнографические рисунки (*Каталог*, № 226, 242, 266, 285, 295). Их присутствие на стенах дворца весьма симптоматично, однако обращает на себя внимание их незначительная доля в общей массе надписей второго периода (6%).

⁵ Авторы благодарят за помощь сотрудницу Царицынской экспедиции С.Б. Григорян, разыскавшую этот текст в Интернете.

Географические названия, как и в первый период, упоминаются очень редко, если не считать Баку и Сумгаит в «дембельских» надписях 1980-х годов. Кроме них, это ближайший к Царицыну район Орехово (*Каталог*, № 264), пос. Развилка Московской области на Каширском шоссе (*Каталог*, № 252), г. Обнинск Калужской области (*Каталог*, № 214) и «Злата Прага» (*Каталог*, № 235, на чешском языке). По-видимому, подавляющее большинство надписей второй группы было сделано москвичами, которым не имело смысла акцентировать место жительства. Рискнем предположить, что в основном это были жители микрорайонов, расположенных рядом с музеем-заповедником.

Рассмотрение надписей второго периода гораздо более явно, чем первого, показывает, что их авторами были дети и молодежь. Полагаем, этот вывод не нуждается в дополнительных аргументах.

Только мужские или только женские имена/фамилии содержатся примерно в равном количестве надписей второй группы: соответственно, в 18 и 15; еще 4 являются «парными». Конечно, это не отражает точного соотношения авторов по признаку пола, но свидетельствует о том, что девушки стали принимать гораздо большее участие в изучаемом явлении, чем в предшествующий период. Сделанные ими надписи исключительно «мемориальные» и «любовные». Однако и среди их авторов молодые дамы уступают представителям сильного пола.

Подведем основные итоги наших наблюдений.

Можно с уверенностью утверждать, что практика нанесения надписей на стены Большого дворца с начала 1930-х годов являлась неотъемлемым и важным элементом местной молодежной субкультуры. Причем ярко выраженной мужской субкультуры, до 1950–1960-х годов практически не допускавшей в свою среду девушек и не поощрявшей публичного выражения романтических чувств.

Распространение с середины 1950-х годов надписей, сделанных представительницами прекрасного пола, и появление вскоре «парных», то есть почти «любовных», характеризует постепенную трансформацию этой субкультуры, связанную с эмансипацией женщин и соответствующими изменениями в психологии мужчин, особенно среди молодого поколения. Немного раньше (видимо, сразу после Великой Отечественной войны) заявила о себе мода на коллективные надписи, примерно до 1990 г. состоявшие из 2–3 имен. С конца 1980-х годов эти тенденции стали бурно развиваться и определять содержание значительного числа надписей.

Несомненно, до 1980-х годов Большой дворец в местной молодежной среде не только играл роль главного центра притяжения, но и обладал статусом своего рода сакрального объекта⁶. Нанесение на нем «мемориальных» надписей члены сообщества считали очень важным и престижным. При этом использовались практически только «нормативные» имена, полные фамилии, а также инициалы. Жаргонных форм имен, прозвищ и кличек поч-

⁶ Этот вывод подтверждается также наличием легенд о Большом дворце, бытовавших у местных жителей в XX в.

ти не употребляли. Осквернение стен дворца бранными словами категорически не допускалось.

Начало традиции увековечивать себя на стенах Большого дворца положили дореволюционные дачники и их прямые потомки, зачастую имевшие хорошее образование. Именно ими в первой четверти XX в. были заложены устойчивые «культурные стандарты» надписей. Многие из дачников не получили в 1920-х годах московскую прописку и стали постоянными жителями Царицына (с 1918 г. – пос. Ленино). Никакие перемены, произошедшие в составе населения поселка до 1960-х годов и даже позже, не оказали на эту традицию существенного влияния: почти не менялись ни содержание, ни стилистика надписей. Новые авторы ориентировались на произведения своих предшественников и в конечном счете на надписи «дачного» периода. В конце 1960-х – 1970-е годы стиль надписей в целом стал деградировать, а их число – сокращаться, что указывает на упадок традиции. Вероятно, это было вызвано включением района в состав Москвы в 1960 г. и последовавшим уменьшением удельного веса «старожилов» среди местного населения. Тем не менее характер надписей до 1980-х годов оставался таким же, как и в конце XIX – начале XX в., то есть «ядро» традиции не претерпело изменений. По-видимому, ее носителем продолжала оставаться местная молодежь.

Надписи 1980–2000-х годов демонстрируют практически полный разрыв с традицией предшествующего времени. Причин такого разрыва можно назвать несколько.

Во-первых, последнее поколение местной молодежи, которое еще сохраняло старое отношение к надписям на Большом дворце и к самому дворцу, сошло со сцены в конце 1970-х – 1980-х

годах. Во многом это было связано с массовым жилищным строительством в ближайших микрорайонах и заселением их огромным количеством новых жителей. Тогда же произошло выселение из Хлебного дома коммунальных квартир, существовавших с первых лет советской власти, и окончательная ликвидация частных владений на территории дворцово-паркового комплекса, в том числе бывших дач конца XIX – начала XX в. Поэтому следующее поколение уже не имело возможности получить по наследству и усвоить прежние стереотипы. Во-вторых, в связи с коренными экономическими и политическими изменениями в стране новое поколение приобрело другие интересы, быстро сформировало соответствующие им мировоззрение и систему коммуникации. Именно их молодежь и стала отражать на стенах дворца. В-третьих, в результате прокладки через Царицыно Горьковско-Замоскворецкой линии метро и организации музея-заповедника в 1980-х годах туда хлынула масса посетителей из других районов Москвы. Для них Большой дворец едва ли был чем-то священным, как, например, Стена Цоя на Арбате, а являлся лишь очередной интересной достопримечательностью.

Таким образом, в 1980-е и особенно в 1990-е годы в массовом сознании молодых посетителей парка произошла «десакрализация» образа Большого дворца. Соответственно надписи на его стенах почти перестали отличаться от таковых в других местах города и его окрестностей. Вместе с тем дворец продолжал оставаться мощным центром притяжения для местной и, отчасти, приезжей молодежи, а также очень важной «площадкой» для обозначения присутствия и выражения взглядов и чувств. Об этом свидетельствует в первую очередь общее количество надписей по-

следних 20 лет, на фоне которого бросается в глаза почти полное отсутствие нецензурных и бессмысленных. Самая многочисленная группа надписей нанесена молодежью и детьми, желавшими только отметить на стенах дворца. Среди авторов с более сложной мотивировкой особенно ярко проявили себя влюбленные, а также металлисты и пацифисты.

№ п/п	Текст надписи	№ пункта	Архитектурная деталь; высота над цоколем дворца	Способ нанесения	Особенности	Датировка
1	МВ 10 / X-31	1	Капитель декоративной колонны слева от оконного проема, 3 м	Вырезана	Крупная, печатные буквы	Точная
2	1910 / X31 г МАЗЖОРИН	2	Левая сторона того же оконного проема, 1,4 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная
3	ОЛЯ. З. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ	2	Там же, 1,55 м	Прочерчена	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Не ранее 1980-х годов
4	Н.Г.	3	Нижняя часть декоративной колонны, 0,55 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
5	П.Г.	3	Там же, 0,45 м	Прочерчена	Крупная, «уставные» буквы, двойными линиями	До 1980-х годов
6	ОЛЕГ В.Ю. ВИКТОР И.К. 8.10.69.	4	Простенок между выступом башни и декоративной колонной, 1,8 м	Вырезана	Некрупная, печатные буквы, «чертежный» почерк	Точная

7	НОВАКЪ	5	Декоративная колонна, 0,65 м	Вырезана	Некрупная, небрежная, печатные и курсивные буквы	До 1920 г.
8	1946 Г.С.	5	Там же, 0,65 м	Вырезана	Некрупная, печатные буквы	Точная
9	1946	5	Там же, на соседней декоративной колонне, 0,6 м	Прочерчена	Крупная, аккуратная	Точная
10	Тананикин В. Краснослов Т. Праскура В. 7 / II-1970 г.	6	Левая сторона ниши оконного проема, 1,05 м	Прочерчена	Мелкая, небрежная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная
11	Схематичный рисунок свитка	7	Декоративная колонна, 1,05 м	Вырезана	Крупная	Вероятно, до середины XX в.
12	КРИТ МИША	8	Слева от ниши и в нише ложного оконного проема, 0,85 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
13	[.....] [....] 1953 года 12 / IV весна	9	Декоративная колонна, 1,05 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	Точная
14	А.П. 1880.	9	Там же, 0,85 м	Вырезана	Крупная, изящная, курсив	Точная
15	[Киргизская] ССР г. Ош	9	Там же, 0,75 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Не позднее 1980-х годов
16	Юра	9	Там же, 0,55 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов

17	Явнш Халь 67 КМИ	10	Простенок между декоративными колоннами, 0,8 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная, 1967 г.
18	Т.К.	11	Декоративная колонна, 1,85 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
19	M.D.[.] 1866.	11	Там же, 1,2 м	Выбита, затем вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
20	[....]КОВ П.И. [.]/х 31 г	11	Там же, 1,2 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
21	КО.СТ..ЯБ. 19.VIII-[5]1 года	11	Там же, 1,1 м	Вырезана	Мелкая, небрежная, печатные буквы	Точная
22	П.Б. 19 VIII-51 года	11	Там же, 0,7 м	Вырезана	Аналогична предыдущей	Точная
23	Г.В. VII/26 год	11	Там же, 0,7 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
24	ФИНИКОВ. [data]	11	Там же, 0,75 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы, почерк в стиле модерн, буква «о» и точка приподняты над строкой	1918–1920-е годы
25	КАРЦЕВСКИЙ 191 / VIII33	11	Там же, 0,55 м	Вырезана	Крупная, небрежная, пе- чатные буквы, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная

26	МАЯ АРИФ 1956	12	Декоративный выступ башни, 0,9 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
27	САНЯ Г. 1963.8.29 ГРАД. КЛЯП.	13	Левая сторона оконного проема, 0,45 м	Вырезана	Некрупная, небрежная, в основном печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная
28	1966 г. В.Г.	14	Декоративный наличник над левым углом того же оконного проема, 3,1 м	Масляная краска	Крупная, изящная, пропись	Точная
29	Ковязин Н.В. 1946 г. 24 / VIII	15	Декоративная колонна, 1 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы, изящный почерк, близок к стилю модерн	Точная?
30	Коф. Трашкин	15	Там же, 1 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
31	Макаров. В.В. 1961	15	Там же, 1 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная
32	КИ	15	Там же, 0,9 м	Прочерчена	Крупная, печатные буквы	До 1980-х годов
33	Г.А.Н. 8 VI 62 г.	15	Там же, 0,9 м	Вырезана	Некрупная, небрежная, в основном печатные буквы	Точная

34	Г.Е.23.V.10.Г.Д.	15	Там же, 0,85 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	Точная
35	Анхоткин Е [.....] [.....] 21/XI 52	15	Там же, 0,9 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
36	22 Г.И. 1925/V22 г.	15	Там же, 0,75 и 0,55 м	Вырезана	Крупная (инициалы), аккуратная, печатные буквы	Точная
37	АА	15	Там же, 0,6 м	Вырезана	Крупная, «уставные» буквы, изящный почерк	Вероятно, не позже 1920-х годов
38	К.М	15	Там же, 0,55 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
39	ТЕНЯЕВ СЛАВА [дата]	15	Там же, 0,6 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Вероятно, ок. 1940 г.
40	Тушканов В.И. 12/X-60 г.	16	Простенок между декоративными колоннами, 0,7 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
41	[.....] [.....] 2[.] / [.] 1964 г.	16	Там же, 0,4 м	Простой карандаш	Некрупная, курсив или пропись	Точная
42	Порахин Лёня 18/V-53 г. Л.П.	17	Декоративная колонна, 1,05 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись («Л.П.» – печатные)	Точная
43	ВТ 1/VI	17	Там же, 1,05 м	Выбита	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов

44	Петр. КИСЕЛЕВ. 1921/IX40	17	Там же, 0,7 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	Точная
45	Здесь [инициалы] 20/[.]-48 г. [.....] [.....] [.....]	17	Там же, 0,9 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	Точная
46	КОЛЯ	17	Там же, 0,9 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
47	Здесь были 23/V-50 г. Витя Б. Гена С. Витя Р.	17	Там же, 0,6 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	Точная
48	ТЕНЯЕВ СТАНИСЛАВ	17	Там же, 0,6 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Вероятно, ок. 1940 г.
49	ТЕНЯЕВ СТАНИСЛАВ 22.[.] 1940 г.	18	Простенок между декоративным выступом башни и стеной, перпендикулярной южному фасаду, 0,7 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная
50	ТАНЯ. В.	19	Западный край центральной стены южного фасада, 1,5 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
51	АЗАРЕН- КОВ. П. 1955 г. [число]	20	Левая сторона оконного проема, 1,2 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная

52	М.В.С.	21	Правая сторона того же оконного проема, 1,15 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
53	САДИКОВ С.	21	Там же, 1,05 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
54	КОЛОТИЛИН	21	Там же, 0,95 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
55	L.C.E	21	Там же, 0,7 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
56	В.Ы Е.Б[?]	22	Левая часть простенка между оконными проемами, 1,7 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
57	Корунков	22	Там же, 0,75 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	До 1980-х годов
58	ВОДОЛАЗСКИЙ САША 6/VІ-1959 г.	22	Там же, 0,6 м	Прочерчена	Некрупная, аккуратная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная
59	Г.Ю. 19/XІ 67	23	Правая часть того же простенка, 0,7 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
60	Лебедев А 9/V-54 г.	23	Там же, 0,85 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная

61	Лебедев А [Рис. 30/VІ 64 якоря]	23	Там же, 0,7 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы, под № 60, почерк тот же	Точная
62	9/V-54 г. Вихров В	23	Там же, 0,55 м	Вырезана	Аналогична № 61, но почерк другой	Точная
63	30/6-64 г. Вихров В. [Рис. якоря]	23	Там же, 0,55 м	Вырезана	Аналогична № 62, слева от нее, почерк тот же	Точная
64	1959	23	Там же, 0,7 м	Вырезана	Крупная, небрежная	Точная
65	ССА	23	Там же, 0,55 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
66	В.Михг.	24	Левая сторона оконного проема, 1,5 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
67	1976 г 1/V И.В. Р.С. Ю.С.	24	Там же, 1,35 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
68	ГС	24	Там же, 1,3 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	До 1976 г.
69	Сизова Лена Кузьмина Надеа 7/VІІ-58 г.	25	Над тем же оконным проемом, в нише, 2,1 м	Тушь	Некрупная, пропись, женский почерк	Точная
70	ЖЕНЯ	26	Левая часть простенка между оконными проемами, 1,8 м	Прочерчена	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов

71	Здесь были Лебедев. С. и Лобанов. И. 1967 г. 1/XI	26	Там же, 0,5 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	Точная
72	М.В.Л.	26	Там же, 0,7 м	Вырезана	Крупная, печатные буквы	До 1980-х годов
73	М.Ю.	27	Левая сторона оконного проема, 1,45 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	До 1980-х годов
74	Я БЫЛ ЗДЕСЬ	27	Там же, 0,7 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
75	Ш.В. К.Н.	28	Правая сторона того же оконного проема, 0,7 м	Вырезана	Некрупная, небрежная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	До 1980-х годов
76	Громаш Тая	29	Ниша справа от того же оконного проема, 0,9 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	1950–1970-е годов
77	13.6.51	29	Там же, 0,55 м	Прочерчена	Крупная, небрежная	Точная
78	Здесь были клевые девочки [?] из [....] Плеханов[.....]	30	Левая часть простенка между оконными проемами, 1,05 м	Простой карандаш	Некрупная, печатные (некоторые курсивные) буквы	До 1980-х годов
79	ВЕРА ТИМОШЕНКОВА ВОВА ПРОХОРОВ 7.VI.1962 г.	30	Там же, 0,9 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
80	[...] В.А. [дата] 43. В 12 ч. 45 м.	31	Правая часть того же простенка, 1 м	Простой карандаш	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Точная

81	13 / V 45 г.	31	Там же, 0,85 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная
82	Р.И..М. ИГОРЬ 1963	32	Над оконным проемом, в нише, 1,95 м	Вырезана	Некрупная, небрежная, печатные буквы	Точная
83	Толя К. Рая А.	33	Правая сторона того же оконного проема, 1,2 м	Вырезана	Мелкая, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
84	НАРГАРИН 6 / 8-26	33	Там же, 1 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
85	ЗДЕСЬ БЫЛИ ЗАЯЦ-ВЕРА И ВОЛК-ТОЛЯ	33	Там же, 0,85 м	Вырезана	Некрупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
86	Ж.А. ХХП [.] Б	34	Ниша справа от того же оконного проема, 1,15 м	Вырезана	Некрупная, печатные буквы, средняя строка в прямоугольной рамке	До 1980-х годов
87	ЗДЕСЬ БЫЛ МОНГОЛ	35	Правая сторона следующего оконного проема, 1,4 м	Вырезана	Мелкая, небрежная, печатные буквы, правые части букв «Л» опущены ниже строк	До 1980-х годов
88	Барышев. А.И.	35	Там же, 1,25 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
89	[.....] этот замок заменитый [.....]	35	Там же, 1,55 м	Простой карандаш	Мелкая, печатные буквы	До 1980-х годов

90	М. Бор[.] 1961 г.	36	Нипа слева от левого дверного проема, 1,2 м	Масляная краска	Крупная, печатные буквы	Точная
91	1967 г.	37	Левая сторона того же дверного проема, 1,7 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, «чертежный» почерк	Точная
92	ЗВОНИТЕ МНЕ 341 23	37	Там же, 1,2 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы	1970–1980-е годы
93	[Тр]юфимовъ	38	Правая сторона того же дверного проема, 1,2 м	Прочерчена	Мелкая, небрежная, печатные буквы	До 1920 г.
94	Г. ОШ	38	Там же, 1 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, палочки буквы «Ш» скошены вниз слева направо	Не позднее 1980-х годов
95	19 9 / VII 10 В М	39	Левая сторона центрального дверного проема, 1,5 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная
96	Лешка Малиши 5 / VI-1947 г.	39	Там же, 1,5 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
97	АВ и СС [.] / X-[.]	39	Там же, 1,05 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	1940-е годы
98	ЮШ 10 / X-4[.]	39	Там же, 1,05 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	1940-е годы
99	ГВ.	39	Там же, 1,05 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
100	1971	40	Левая сторона правого дверного проема, 1,2 м	Прочерчена	Крупная, небрежная	Точная

101	В С	40	Там же, 1,25 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
102	ЛПВ 1-7.49 г. 1949	41	Левая сторона оконного проема, 1,85 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	Точная
103	<i>В Нек.</i> 22 авг. 1941 г. [рис. пятикон. звезды]	42	Правая сторона того же оконного проема, 1,85 м	Простой карандаш	Мелкая, изящная, курсив, справа и снизу ограничена двойной угловой рамкой, отбоящей звезду слева	Точная
104	<i>Здесь были [...] девушки Юля, Надя, Аня, Маша</i>	42	Там же, 1,8 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись, женский почерк	До 1970 г.
105	МН М-В. 78 г	42	Там же, 1,8 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы, буквы «М» и «Н» соединены косой перекладиной	Точная
106	<i>Здесь были ВАНЯ К ВАЛЯ К ПЕТЯ К ТОЛЯ К 05 / [...]</i>	42	Там же, 1,7 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, пропись и печатные буквы	До 1970 г.
107	Здесь были Таня и Саша 21.1.79	42	Там же, 1,7 м	Прочерчена	Мелкая, небрежная, в основном печатные буквы	Точная

108	19 31 / VII 52 П. М. И.	42	Там же, 1,55 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, печатные буквы, каллиграфический почерк	Точная
109	Вова [.....]] освятить[?] икону[?] [.....] [дата] [.....] [дата]	43	Левый край простенка между оконными проемами, 2 м	Простой карандаш	Мелкая, печатные буквы и курсив	Вероятно, до 1955 г.
110	КОЛЯ Семенов 27 / X-55 27 / X-59	43	Там же, 1,9 м	Прочерчена	Некрупная, небрежная, печатные буквы	Точная
111	1901 г.	44	Правый край того же простенка, 1,6 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, курсив	Точная
112	1977 год	45	Левая сторона оконного проема, 0,65 м	Прочерчена	Крупная, аккуратная	Точная
113	Г.Т.Л.А.Г.	46	Там же, 1,1 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
114	П.А.С. 1910 / 877 К.Ю.В.	46	Там же, 1,05 м	Прочерчена	Некрупная, аккуратная, печатные буквы, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная
115	Б А К У	46	Там же, 1,5 м	Масляная краска	Крупная, небрежная, печатные буквы	Вероятно, 1984 г.

116	М.В. П.О.	47	Правый край простенка между оконными проемами, 1,3 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, «уставные» буквы, двойными линиями	До 1980-х годов
117	МЕШЕРЯКОВ Л.	48	Левая сторона оконного проема, 1,3 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
118	КБС	48	Там же, 1,1 м	Выбита, затем вырезана	Крупная, печатные буквы	До 1980-х годов
119	ЮРА.Б. VII / 63 г	48	Там же, 1 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
120	11 / 7-41 г. Были	49	Над тем же оконным проемом, в нише, 1,5 м	Простой карандаш	Крупная, печатные буквы	Точная
121	Иванов [Рис. герба СССР]	49	Там же, 1,4 м	Прочерчена	Некрупная, небрежная, печатные буквы, фамилия в виде выгнутой дуги	Вероятно, не позднее середины XX в.
122	ИВ	49	Там же, 1,5 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
123	КА	50	Левый край простенка между оконными проемами, 1,3 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
124	1954 г. ЛЕВА+ЮРА 3 / VIII	50	Там же, 1,2 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	Точная

125	[.....] [фамилия] Сергей 1949 4/VII	51	Правый край того же простенка, 1,75 м	Прочерчена	Мелкая, небрежная, курсив	Точная
126	ВА ЛЯ	51	Там же, 1,3 м	Масляная краска	Крупная, небрежная, печатные буквы	Вероятно, 1970–1980-е годы
127	Схематичный рисунок левого погрудного профиля человека	51	Там же, 1,3 м	Прочерчена	Мелкая, аккуратная	Вероятно, не позднее середины XX в.
128	А.Пожидаев [.] 05.1948 г.	52	Левая сторона оконного проема, 1,35 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, курсив, в прямоугольной рамке	Точная
129	Лора и Таня Стуловы июль 1954 год	52	Там же, 1,25 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, курсив, женский почерк	Точная
130	Т.Л. С.И.Е.	53	Правая сторона того же оконного проема, 1,3 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
131	10.07-55 [фамилия] [имя]	54	Над тем же оконным проемом, в нише, 1,9 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	Точная

132	БАКУ 82-84	55	Левый край простенка между тем же оконным проемом и перпендикулярной стеной, 2,15 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная? 1984 г.?
133	ЗДЕСЬ БЫЛИ ТАМАРА КУЗНЕЦОВА И СВЕТА ТРИШЕН 30 /VI-1963 г.	56	Северный край стены, соединяющей южный фасад с башней, 0,3 м	Прочерчена	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
134	ВАСЯ ВИТАЛИК 1951 г. ВИТЯ ВАЛЯ	57	Левый край простенка между оконными проемами, 0,3 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы	1950-е годы
135	НАТАША	58	Над оконным проемом, в нише, 0,85 м	Масляная краска	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
136	В.Н.Stessin1940	59	Простенок между декоративным выступом башни и стеной, перпендикулярной южному фасаду, 0,3 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
137	ТЕРЕНТЬЕВ И.	60	Декоративный наличник под левым углом оконного проема, 0,5 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов

138	<i>Здесь были 7-классн. 7.12.58 Тая и Валя</i>	61	Угол декоративного выступа башни, 0,75 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, пропись, женский почерк	Точная
139	БВ	62	Декоративный наличник под левым углом оконного проема, 0,45 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, наклонены вправо, в квадратной рамке	До 1980-х годов
140	А[...]нов 1/XI 61	63	Декоративный полукруглый выступ справа от ниши того же оконного проема, 0,4 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
141	Стещ	64	База декоративного выступа башни, боковая сторона, 0,4 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы, черта совпадает с нижними перекладинами букв «С» и «е»	До 1980-х годов
142	<i>Вып./зина [...] Тимофеев 2/V-60 г.</i>	65	База того же выступа, противоположная боковая сторона, 0,9 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, курсив	Точная
143	Борисов Валентин 11.V.56.	66	База следующего декоративного выступа башни, 0,95 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, печатные и курсивные буквы	Точная
144	<i>Зарядский Алеха 1942 г.</i>	66	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, курсив	Точная

145	С.Козл[ов?] 1918 [..]	67	Декоративный наличник под оконным проемом, 0,65 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
146	<i>[...].ювский 4.02.1940 г.</i>	67	Там же, 0,9 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, курсив	Точная
147	<i>Ззина 1/V-1940 г.</i>	67	Там же, 0,4 м	Простой карандаш	Мелкая, изящная, пропись, женский почерк	Точная
148	БАКУ	68	Декоративный выступ башни, 1,5 м над колонной, 1,5 м	Масляная краска	Крупная, небрежная, печатные буквы	Вероятно, 1984 г.
149	<i>Тимофеев 11/IV-70 г.</i>	69	База декоративного выступа башни, 1 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, курсив и печатные буквы	Точная
150	<i>[.....].....] 19V/VIII/6</i>	70	Декоративный наличник под оконным проемом, 0,7 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, пропись, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная
151	Толя.	70	Там же, 0,65 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
152	НЕ 12/VI 1938	70	Там же, 0,45 м	Простой карандаш	Крупная, аккуратная, «уставные» буквы, инициалы по высоте посередине между числом и годом	Точная

153	<i>1939 г. Был В. [...]</i> <i>А. Стецк [...]</i>	71	База декоративного выступа башни, 1 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись и курсив	Точная
154	И. В.	72	База следующего декоративного выступа башни, 0,95 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
155	<i>Пузо [...]</i> <i>[дата?]</i>	73	Над ложным оконным проемом, 0,85 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, курсив	До 1980-х годов
156	ЕКАТЕРИНА 63 г.	74	База декоративного выступа башни, фасадная сторона, 1,05 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
157	<i>Савин</i> <i>Александр</i>	74	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	До 1980-х годов
158	[Фамилия] 27 / X-41	74	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Некрупная, курсив	Точная
159	Г. В. / 21.07.46 г.	75	База того же выступа, боковая сторона, 1,05 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	Точная
160	<i>Мира Роза Ни [...]</i>	75	Там же, 1,05 м	Простой карандаш	Мелкая, изящная, пропись и курсив	1930-е годы (?)
161	<i>Юда</i> <i>Еремин</i>	75	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись и печатные буквы	До 1980-х годов
162	КВ.	75	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов

163	<i>Е. Е. П [...]</i> <i>19 / I 5 г.</i>	75	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись или курсив	До 1980-х годов
164	<i>В. И. Вет...</i>	75	Там же, 1 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, автограф	До 1980-х годов
165	<i>Samale</i> <i>[...] il 17 / I 35 </i> <i>Polledro</i> <i>[... ...] [...]</i> <i>[... ..] [...]</i> <i>[.....]</i> <i>[.....]</i>	75	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, пропись	Точная
166	<i>[.....]</i> <i>22 / I 44 [?] г.</i>	75	Там же, 0,85 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	Точная (?)
167	<i>Иванова</i> <i>[.....]</i>	76	Декоративный наличник под оконным проемом, 0,45 м	Простой карандаш	Мелкая, пропись	До 1980-х годов
168	<i>Веселова</i> <i>[иля]</i>	76	Там же, 0,8 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, пропись	До 1980-х годов
169	<i>Жея</i>	76	Там же, 0,8 м	Простой карандаш	Крупная, курсив	До 1980-х годов
170	Хромов Б. Гордеев В. Шпойков К. 8 / V-66 3 стр [...]	77	База декоративного выступа башни, боковая сторона, 0,85 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, печатные буквы и курсив	Точная

171	С.Ро[...] <i>Даов</i> К. <i>Кашенков</i> [...] <i>за Мая</i> 19[...] <i>года</i>	77	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, каллиграфический почерк	До 1980-х годов
172	ВОВА 1970 ² IV МЕЛОН[...]	78	База того же выступа, фасадная сторона, 0,75 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
173	23.02.64	78	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная	Точная
174	9 / VII-61 К.С.[...]	78	Там же, 0,75 м	Масляная краска	Крупная, печатные буквы	Точная
175	ДА БУДЕТ [...]	78	Там же, 0,85 м	Простой карандаш	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
176	<i>Саша [...]</i> <i>Таня [....]</i> <i>[.....]</i> <i>[.....]</i>	79	База того же выступа, противоположная боковая сторона, 0,95 м	Простой карандаш	Некрупная, курсив	До 1980-х годов
177	<i>Любовь Ш.</i> <i>[.....]</i>	79	Там же, 0,95 м	Простой карандаш	Крупная, аккуратная, курсив, «чертежный» почерк	До 1980-х годов
178	Нев	80	Простенок между восточной стеней дворца и декоративным выступом башни, 2,25 м	Выбита	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
179	Тезев М.Ф. 1946 V	80	Там же, 2,1 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
180	Корешков.Т. 11 / VIII-53 г.	80	Там же, 2 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, «уставные» буквы	Точная

181	[...] <i>КОШК[...]</i> 10 / IX-5[.]	80	Там же, 1,7 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	1950-е годы
182	ЮРА	81	Декоративная колонна, 2,15 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
183	Бобков. Н 16 июня 1938 г.	81	Там же, 1,95 м	Простой карандаш	Крупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк, в прямоугольной рамке	Точная
184	19 10	81	Там же, 2,2 м	Вырезана	Крупная, небрежная	Точная? 1910 г.?
185	ГЕН[.] ЮВ Г.Я	81	Там же, 2,05 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
186	ЛАРА В	81	Там же, 2,1 м	Прочерчена	Крупная, аккуратная, печатные буквы	До 1980-х годов
187	1951 ₂ Д Н Д	81	Там же, 1,9 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
188	Бобков Н. [дата]	81	Там же, 1,75 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, печатные буквы и курсив, в прямоугольной рамке	Вероятно, 1930–1940-е годы
189	[...]ИНЯ 1941 г.	81	Там же, 1,7 м	Выбита	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
190	Бобков 16 июня 19[.] 16 г.	82	Соседняя справа декоративная колонна, 1,7 м	Простой карандаш	Крупная, аккуратная, печатные буквы, «чертежный» почерк	Вероятно, 1930–1940-е годы

191	МИША [.....]РОВ	82	Там же, 1,95 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
192	Музоверов 19 / IV-31 Дмитрий	82	Там же, 1,85 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы, число и месяц разделены горизонтальной чертой	Точная
193	<i>М. Сидоров</i>	82	Там же, 1,75 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, курсив, в прямоугольной рамке	До 1980-х годов
194	K N	82	Там же, 1,7 м	Простой карандаш	Крупная, аккуратная, печатные буквы, нанесены двойными линиями, в прямоугольной рамке	До 1980-х годов
195	С.В. 2 / XI-51 з.	82	Там же, 1,75 м	Простой карандаш	Мелкая, аккуратная, печатные буквы, в прямоугольной рамке	Точная
196	9-4-56	82	Там же, 1,65 м	Прочерчена	Крупная, небрежная	Точная
197	Deo	83	Декоративная колонна, 1,1 м	Вырезана	Крупная, небрежная, печатные буквы, буква «D» развернута влево	До 1980-х годов
198	321 2081 ОЛЯ	83	Там же, 0,6 м	Цветной карандаш	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Не ранее 1970-х годов
199	P.I Висо[....]	84	Соседняя справа декоративная колонна, 1,2 м	Вырезана	Некрупная, печатные буквы	До 1980-х годов

200	РУБЦОВ 12 / IV-40	84	Там же, 1,1 м	Вырезана	Мелкая, небрежная печатные буквы, оформлена рисунком в виде шлема или надгробия (?)	Точная
201	К.	84	Там же, 1,25 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатная буква	До 1980-х годов
202	Рина П. [.....]	85	Простенок между декоративным выступом и ложным оконным проемом, 1,8 м	Прочерчена	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов
203	РосТоВ 1970 з. ДОН. Л.Н.И.	85	Там же, 1,3 м	Вырезана	Мелкая, аккуратная, печатные буквы	Точная
204	К.П.П. 2 VII 4	86	Декоративная колонна, 1,2 м	Вырезана	Крупная, аккуратная, печатные буквы	Точная (?) 1904 г. (?)
205	С.В. 29 / X-39 г.	87	Угол декоративного выступа башни, 1,2 м	Вырезана	Некрупная, аккуратная, печатные буквы	Точная
206	САША 1936	88	Простенок между п.п. 86 и 87, 0,9 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная, печатные буквы	Точная
207	<i>наша</i> ВОШАН- КИНЬ.	89	Угол декоративного выступа башни, 1,25 м	Цветной карандаш	Крупная, небрежная, пропись и печатные буквы	До 1920 г.
208	193[.]	89	Там же, 0,45 м	Простой карандаш	Крупная, небрежная	1930-е годы
209	ИК ЖРС	90	Декоративная колонна, 1 м	Выбита	Крупная, небрежная, печатные буквы	До 1980-х годов

№п/п	Текст	Способ нанесения	Датировка	Примечание
210	Алишер-Оля	Масляная краска	После 1990 г.	
211	КНЯЗ ЮРИ МАХИО СЕДОГ	Масляная краска	После 1990 г.	
212	RAP	Масляная краска	После 1990 г.	
213	METALLICA	Масляная краска	После 1990 г.	
214	Г.Б.М.Ч. Обнинск		После 1990 г.	
215	METALLICA	Фломастер	После 1990 г.	
216	Здесь Саша Воло Пим Пив Пит	Простой карандаш	После 1990 г.	
217	82-84 ДМБ Сумгаит		Точная? 1984 г.?	«Дембельская» надпись
218	Таня и Лена здесь были!	Тушь	После 1990 г.	

219	Баку 85-87		Точная (?) 1987 г. (?)	«Дембельская» надпись
220	Аленка + 1997		Точная?	
221	ПРЕ[...] 1957		Точная	
222	Это счастливая зима 1976/1977		Точная	
223	1988		Точная	
224	Я люблю [...]		Не ранее 1980-х годов	
225	Вася С.		?	
226	х..		После 1990 г.	
227	[Динамо?] Москва		После 1990 г.	
228	9/IX-59		Точная	
229	ЛББ 11.7-45		Точная	
230	Рисунок пацифика		После 1990 г.	
231	Марина П Катя III 2000 г. Таня		Точная	
232	Дуня		?	

233	Олег		После 1990 г.	
234	Леша		?	
235	Z Praha 85		Точная	«Злата Прага»
236	Нелля		После 1990 г.	
237	Рисунок пацфика		После 1990 г.	
238	ТАНЮХА 1994		Точная	
239	Нога		После 1990 г.	
240	Динамо Москва		После 1990 г.	
241	ЮРИК ИРА		После 1990 г.	
242	Х.. Х..		После 1990 г.	
243	RAVE	Уголь	После 1990 г.	
244	Любин дрона		После 1990 г.	
245	Лена		?	
246	Я люблю тебя	Масляная краска	Не ранее 1980-х годов	

247	МАКС ДИМА ТОР МОЗ	Масляная краска	После 1990 г.	
248	ШАЕ 21.IX.87		Точная	
249	Люблю [...]		Не ранее 1980-х годов	
250	МА[...]	Фломастер	После 1990 г.	
251	ИРИНА ВОЛОДЯ Любовь		Не ранее 1980-х годов	
252	Развилка Год 1996		Точная	Поселок Развилка у МКАД на Каширском шоссе
253	Love		Не ранее 1980-х годов	
254	Саша. Н. 90 г.		Точная	
255	Грека Катя		Не ранее 1980-х годов	
256	Хлеб		?	
257	20.06.97		Точная	
258	Толя 30 X 67		Точная	

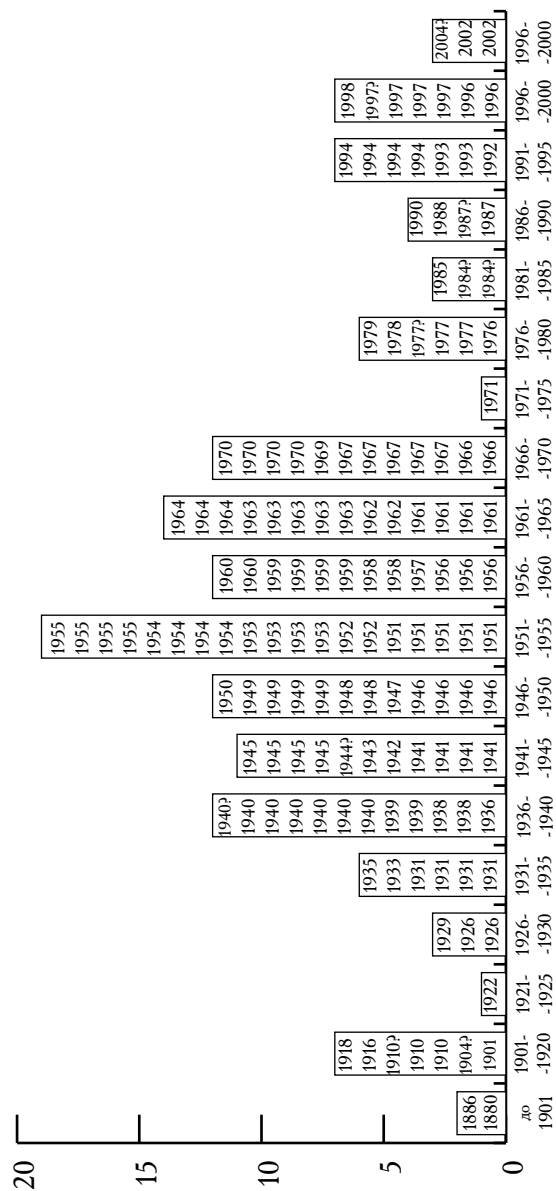
259	ТАНЯ Любовь		Не ранее 1980-х годов	
260	2.3.49		Точная	
261	1992		Точная	
262	Маша		?	
263	ТАНЮХА		?	
264	ОРЕХОВО 19.VI.94		Точная	
265	КОРНАКОВ		?	
266	Х..		После 1990 г.	
267	26.05.93 Степа	Масляная краска	Точная	
268	Сергей		?	
269	03.08.1993	Масляная краска	Точная	
270	ТАНЯ		?	
271	ГРИША		?	
272	Вася Н. Саша И. 1994		Точная	
273	[...] \ 96 г.		Точная	

274	METALLICA Класс!!!		После 1990 г.	
275	RAP КАЛ Товно Суки		После 1990 г.	См. № 277
276	Helloween 4.03.97 12-00	Фломастер	Точная	
277	Леха Н Дима Чернов Коля Шаламов METALLICA		После 1990 г.	
278	RAP Это Калл! Уря Леха и Андрюха были здесь 4.04.97 Уря		Точная	См. № 274
279	Здесь писали Оля и Катя		После 1990 г.	
280	PV-Nika		После 1990 г.	
281	DISMAS	Фломастер	После 1990 г.	

282	Здесь были: Орк Кот Квач Санек Кузьмич Стас 8 04. 98 МСМУ 2113		Точная	
283	Ларюня дорогая		Не ранее 1980-х годов	
284	МАК Вол	Фломастер	После 1990 г.	
285	Рисунок: раздвинутые женские ноги с половым органом	Тушь	После 1990 г.	
286	2002 03 Екатерина II		Точная	
287	ЛЕША		После 1990 г.	
288	НТ 7 /VI-53		Точная	
289	ЛЯКА		После 1990 г.	
290	СН 196[.]		1960-е годы	
291	BUSILA LIBERA	Фломастер	После 1990 г.	

292	ИГАРЬ 22220	Тушь	После 1990 г.	
293	[...] 1945		Точная	
294	The time of darkness And decay the life runs Shorter [...] winter... Да?	Масляная краска	После 1988 г.	Текст песни группы «Rage» – хеви-металл

Хронологическое распределение датированных надписей на стенах Большого дворца
(учтены надписи, содержащие датировку в виде года, прочитанную при фиксации)

III. МОНЕТЫ ЦАРИЦЫНСКОГО ПАРКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ МАССОВОГО ОТДЫХА

При производстве археологических работ на территории паркового ансамбля силами Царицынской экспедиции ИА РАН в 2003–2006 гг. было обнаружено значительное количество монет XIX – начала XXI в. Настоящий раздел издания посвящен анализу этой коллекции, прежде всего монетам советского и постсоветского периодов.

Монеты XVIII столетия были обнаружены в непосредственной близости от Большого дворца. В раскопах 1, 2, 5 их было собрано 14 экземпляров. Большая часть монет, вероятно, была утеряна в период функционирования усадьбы Кантемиров или чуть позже (рис. 8). Имеются устные сообщения посетителей и строительных рабочих о нахождении монет этого столетия (больших медных пятаков) и на парковой территории, в частности на берегах оврага у Большого моста.

Монет XIX – начала XX в. в коллекции всего 8 штук, они чеканены в период с 1828 по 1911 г., даты их чекана распределены по периоду достаточно равномерно. Ареал находок монет этого периода значительно расширился по сравнению с монетами предшествующего времени – они найдены и на парковой территории, и

на берегу Верхнего Царицынского пруда. Можно полагать, что эти монеты были утеряны уже при прогулках посетителей по ансамблю и парковой территории. Таким образом, данные монетные находки, на наш взгляд, должны в какой-то степени отражать и прогулочную активность на территории парка. Тем не менее данный вид массового отдыха в парковом ансамбле, особенно в дореформенное время, скорее всего, пребывал в зачаточном состоянии, о чем косвенно свидетельствует изрядное количество печатных произведений XIX в., описывающих поездки в Царицыно. Эти описания принадлежат как крупным русским писателям (например, И.С. Тургенев), так и малоизвестным московским литераторам (подробный список этих имен заинтересованный читатель может найти в работе В.В. Егорычева «Литературная Царицыниана»). Само существование таких очерков говорит о том, что поездки в Царицыно даже из Москвы рассматривались представителями образованного общества XIX в. как нечто неординарное и считались достойными публикации.

Появление и широкое развитие дачного отдыха москвичей было связано как с изменениями самой структуры общества в пореформенной России, так и со строительством железных дорог, значительно сокративших время на проезд в отдаленные окраины Москвы и пригороды. Участок Московско-Курской дороги до Серпухова и станция Царицыно были открыты для пассажиров в 1866 г. С этих пор в окрестностях прудов стали появляться и дачи, предназначенные для проживания в основном представителей высших и средних слоев общества. Количество дач и дачников значительно возросло с начала XX в., когда станция Царицыно стала узловой для двух железных дорог – Курской и Рязано-Уральской.

Тем не менее, основываясь на результатах анализа монетной группы этого периода, мы не можем говорить о значительном возрастании прогулочной активности в парке в эти годы.

Монет советского и постсоветского периодов было обнаружено 222 штуки (рис. 9). Для более объективного анализа коллекция была распределена по пятилетиям начиная с 1921 г. (это дата начала советского чекана; мелкую разменную монету начали чеканить лишь в 1924 г.) и вплоть до 2005 г. Начальная дата – 1921 г. – была принята для удобства деления на пятилетия, даты которых довольно часто совпадают с существенными моментами в истории страны. Эти периоды имели прямое отношение к теме данной работы: это и «пятилетки» Госплана, и годы деноминации, денежные реформы, войны, перестройки и т.д. (1931–1935, 1941–1945, 1961, 1991, 1998). Две монеты советского периода остались неопределенными, сохранность остальных была удовлетворительной. Практически все монеты обнаружены на поверхности или в приповерхностном горизонте почвы, за исключением тех, которые были зафиксированы на присклоновых участках берега или на берегу пруда в отложениях недавнего делювиального происхождения, более мощных, нежели почва. Исключение составляет группа монет 1979–1986 гг., скорее всего, специально прикопанных одним из посетителей (возможно, детского возраста) на площади последующего раскопа 1 на селище «Царицыно-3» и обнаруженных при раскопках селища в 2006 г. Однако структура этого «клада» отвечает нашим запросам относительно тематики этой статьи, так как ничем принципиально не отличается от той же горсти мелочи, выпавшей из чьего-то кармана, в котором обязательно нашлись бы все эти монеты с такими же датами чеканки. Монеты этого «кла-

да» незначительно искажают картину распределения по годам монет паркового ансамбля, тем не менее мы включили их в общий список, ибо они являются неотъемлемой частью характеристики коллекции.

Монеты советского периода (70 лет, 1921–1991 гг.) составляют подавляющее большинство в оставшейся части коллекции, новейших монет последних 15 лет непропорционально мало (212 и 10 соответственно). На диаграмме распределения советских и постсоветских монет по годам чеканки (см. *табл. 2*) учтено 220 датированных экземпляров. Следует сразу отметить, что выборка постсоветских монет (1990–2000-е годы) не является вполне достоверной: при раскопках Царицынской экспедиции они фиксировались далеко не всегда. Тем не менее, даже при примерном учете этих монет и имеющихся данных об их достоверно малом количестве в отдельных коллекциях раскопок, общее процентное соотношение выглядит явно не в пользу монет позднейшего периода. Монет советского периода приходится примерно 3,5 штуки на год чекана, а монет постсоветского периода лишь чуть более 1 штуки на каждый год. Выборка монет советского чекана, если рассматривать ее в целом, характеризуется двумя вполне естественными особенностями: отсутствием редких, то есть почти не встречавшихся в обращении, и крайне незначительным числом «ценных» монет. К последним относятся монеты крупных номиналов, полтинники и рубли 1920-х и 1960–1980-х годов (имеется 3 экз., 1964–1965 гг.), а также монеты 1920-х годов достоинством 10, 15 и 20 коп., чеканившиеся в серебре (2 экз., 1924–1925 гг.) (*рис. 10*).

Разумеется, диаграмма сама по себе прямо не отражает динамику выпадения монет в Царицынском парке, ведь большин-

ство из них было потеряно не в год выпуска, а позже. Можно предположить, что в «нормальной» ситуации, при отсутствии изменений в эмиссионной политике государства, большинство монет находилось в обращении в течение 10–15 лет с года выпуска. В первую очередь это касается монет 1926–1957 гг., изготовленных из весьма долговечных металлов (алюминиевая бронза, никель). Для монет 1961–1991 гг., качество сплавов которых снизилось (медно-цинковый, медно-никелевый сплавы), период обращения можно условно сократить до 5–10 лет. Для недолговечных медных монет 1924 г. и российских после 1991 г. время обращения колеблется в пределах 3–6 лет.

Необходимо также учитывать некоторые особенности эмиссий и денежного обращения в советский период. В частности, выпуск медных монет мелких номиналов начался в 1924 г., поэтому изучаемая выборка информативна только с середины 1920-х годов. Падения диаграммы в первой половине 1940-х и второй половине 1950-х годов, с одной стороны, объясняются очень малыми тиражами большинства номиналов в 1942–1944 гг., с другой стороны, тем, что в 1958–1960 гг. монеты не выпускались вообще.

Во время денежной реформы 1961 г. из обращения были изъяты монеты предыдущих выпусков номиналом от 5 копеек и выше. Следовательно, можно утверждать, что все они потеряны до 1961 г. С другой стороны, соответствующие номиналы 1961 и 1962 гг. были отчеканены огромными тиражами и выпускались в обращение постепенно, в течение продолжительного времени, во многом за счет приостановки чеканки или сокращения тиражей тех же номиналов в последующие 6–14 лет. Поэтому отсутствие в нашей выборке монет середины 1960–1970-х годов достоинством

5–20 коп. (кроме юбилейных 1967 г.) в основном вполне закономерно. В то же время монеты номиналом 1, 2 и 3 коп., выпущенные до 1961 г., продолжали обращаться и позже, хотя, конечно, в это время их было намного меньше. Напомним также, что все советские монеты выведены из обращения в конце 1991 г. и, скорее всего, не могли быть утеряны позже.

Учитывая все указанные обстоятельства, можно скорректировать диаграмму таким образом, чтобы она приблизительно отражала динамику выпадения советских монет на территории Царицынского парка. В результате получается следующая картина. Количество монет, утерянных в середине – конце 1920-х годов, незначительно (вероятно, менее 10 экз.). Оно существенно возросло на протяжении 1930-х годов и снизилось в следующем десятилетии, особенно в его первой половине и середине. В первую очередь об этом свидетельствует небольшое количество монет второй половины 1930-х годов, хотя они чеканились большими тиражами и не являются редкими. Затем следует предполагать довольно резкий рост кривой с конца 1940-х и ее максимум в 1950-е годы. С начала 1960-х годов (возможно, уже с конца 1950-х) монеты стали теряться реже. 1970–1980-е годы характеризуются в этом отношении стабильно низкими показателями (если рассматривать скопление монет из раскопа на селище 3 как единичное наблюдение 1986 г.). Тем не менее в середине – второй половине 1980-х годов происходит небольшой рост частоты выпадения монет.

Таким образом, преобразованная диаграмма должна иметь вид кривой нормального распределения с максимумом в 1950-х годах, относительно крутым левым (ранним) и более плавным правым (поздним) плечами. На ней должны наблюдаться: неболь-

шое угнетение, которое приходится примерно на период Великой Отечественной войны, и небольшое повышение с середины 1980-х годов. Показательно, что в таком виде она достаточно точно совпадает с диаграммой распределения датированных надписей на стенах Большого дворца (рис. 35). Очевидно, обе диаграммы отражают разные аспекты одного и того же явления.

Вопрос заключается в том, отражает ли количественное распределение монет по годам динамику посещаемости дворцово-паркового комплекса в советский и постсоветский периоды. Известно, что в середине 1920-х годов Царицыно посещало около 30 тыс. человек в год. После организации историко-художественного музея в 3-м Кавалерском корпусе в 1927 г. число посетителей, надо полагать, только возросло. В первой половине 1930-х годов музей, уже став краеведческим с сельскохозяйственной спецификой, принимал ежегодно до 23 тыс. человек (Баранова А.А., 2005. С. 66). В 1937 г. музей был ликвидирован. С другой стороны, количество посетителей Царицына неуклонно возрастало в последние 20 лет, после организации на его территории музея-заповедника. На рубеже XX–XXI вв. Царицынский парк посещало до 15 тыс. человек в день. Выборочный подсчет, проведенный 17 сентября 2005 г., зафиксировал, что за час на территорию парка вошло 1200 человек. Динамику посещения парка отражает число людей, купивших билеты на экскурсии. Число проданных билетов поступательно возрастало с 8,5 тыс. в 1998 г. до 56,8 тыс. в 2005 г.⁷

Очевидно, что при всех возможных поправках, ни диаграмма потерянных в парке монет, ни диаграмма надписей на Боль-

⁷ Данные любезно предоставлены администрацией музея «Царицыно».

шом дворце не отражают этих двух сильных пиков официально регистрируемой посещаемости. Наоборот, явно выраженный на них максимум приходится на 1950-е или, в широком интервале, на конец 1930-х – 1960-е годы, то есть на самый «дикий» период в истории Царицына XX в., когда там не было ни музеев, ни благоустроенных мест отдыха (правда, в разные годы работали кино-театр, библиотека, районный дом культуры). Учет посетителей в это время не велся, однако вполне возможно, что их было все же меньше, чем в 1920-е – начале 1930-х и, конечно, в 1990-е – начале 2000-х годов.

Само обилие находок монет советского периода уже говорит о том, что они терялись людьми, пришедшими на территорию парка и имевшими при себе карманные деньги. Во-вторых, это, вероятно, свидетельствует о том, что прогулочная активность по сравнению с предыдущим периодом существенно возросла. Скорее всего, изменился и возрастной состав посетителей в сторону омоложения, доля детей и юношества увеличилась.

Кривая графика распределения дат чеканки монет, как нам кажется, практически не отражает влияние денежно-кредитной политики государства, так как она прямо не привязана ни к деноминации 1947 г., ни к денежным реформам 1961 и 1991 г., ни к деноминации 1998 г.

Для объективной проверки этих предварительных выводов крайне важными стали бы результаты каких-либо «эталонных» раскопок участков в местах, для темы нашей работы достаточной «нейтральных». Например, во дворе какого-либо московского дома типа «Дома на набережной», где жизнедеятельность продолжалась непрерывно на протяжении полустолетия. Достаточно

показательными стали бы исследования участка на той же станции «Царицыно» (в районе платформ). Результаты таких работ явились бы заведомо более объективными по отношению к интенсивности потоков людей, которые за эти годы проходили через станцию. Интересными могли бы быть результаты раскопок участка возле волейбольной площадки на краю Большой поляны, где, как правило, большинство посетителей составляли и составляют местные жители. К сожалению, у нас в распоряжении пока нет таких данных.

Важно отметить, что пики графика находок монет не имеют прямую положительную связь с документально подтвержденными пиками посещаемости парка. Монетные находки (так же как и надписи на стенах дворца) указывают на особую активность (и специфику поведения) населения в предвоенные 1930-е и 1950-е годы. В сущности, эти пики соответствуют времени молодости двух первых поколений советских людей – «ровесников Октября» и их детей. Возможно, пики монетных находок в парке опосредованно зафиксировали изменения в общественном сознании. Н.С. Хрущев предрекал скорое наступление эпохи, когда советским людям уже не будет нужды нагибаться за выпавшим из кармана рублем. Вероятно, подсознательно многие следовали подобным установкам.

КАТАЛОГ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК ЦАРИЦЫНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН В 2004–2006 гг.

Номинал	Год выпуска	Металл	Место находки	Год находки	Примечание
Монеты XVIII столетия					
1 копейка	1706	серебро	Раскоп 1, кв. 64, яма	2005	
1 копейка	1711	серебро	Раскоп 2, кв. 84, слой 46	2005	Кадашевский монетный двор
Полушка	1718	медь	Раскоп 5, кв. 25, выброс из ямы	2005	
Полушка	1719	медь	Раскоп 2, кв. 71, слой 46	2005	
Полушка	1719	медь	Раскоп 2, кв. 78, слой 3–4в	2005	
Полушка	1722	медь	Раскоп 2, кв. 102, яма 10, заполнение	2005	
?	1727	медь	Раскоп 5, кв. 12, в районе ямы 2	2005	
Полушка	1736	медь	Раскоп 2, кв. 82, слой 4в	2005	
1 копейка	1757	медь	Раскоп 1, кв. 86, яма 4	2005	
?	1758	медь	Раскоп 5, кв. 12, яма 2	2005	
5 копеек	1792	медь	Раскоп 2, кв. 67, слой 3	2005	
?	17... (?)	медь	Раскоп 5, кв. 12, возле ямы 2	2005	

Монеты XIX – начала XX столетия					
1 копейка	1828	медь	Раскоп 1, кв. 105	2005	Екатеринбургский монетный двор
1 копейка	1839	медь	Раскоп 1, кв. 84	2005	СПб. монетный двор
2 копейки	1839	медь	Траншея 3 на склоне у Малого дворца, кв. 1, слой 2	2003	
3 копейки серебром	1844	медь	Траншея 1, 3-Кавалерский корпус	2003	Использовалась как «бита»
Денжка	1854	медь	Дом прыгга	2005	
2 копейки	1869	медь	Раскоп 3, кв. 221, яма 19в	2005	
3 копейки	1882	медь	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2	2005	
3 копейки	1911	медь	Раскоп 3, кв. 217, верх фундамента	2005	
Монеты 1924–2005 гг.					
1 рубль	1965	сплав	Траншея 2, 3-Кавалерский корпус	2003	Юбилейная
15 копеек	1941	сплав	Малый дворец, транш. 1/2	2004	
20 копеек	1941	сплав	Малый дворец, транш. 1/2	2004	
10 копеек	1945	сплав	Малый дворец, транш. 1/2	2004	
15 копеек	1984	сплав	Малый дворец, транш. 1/2	2004	
1 копейка	1946	сплав	Селище Царицыно-2	2004	

3 копейки	1948	сплав	Селіще Царицыно-2	2004	
3 копейки	1946	сплав	Траншея 5, коллектор	2004	
20 копеек	1953	сплав	Траншея 5, коллектор	2004	
10 копеек	1962	сплав	Траншея 5, коллектор	2004	
1 копейка	1975	сплав	Траншея 5 коллектор	2004	
1 рубль	1997	сплав	Траншея 5, коллектор	2004	
50 копеек	2003	сплав	Траншея 5 коллектор	2004	
1 копейка	1933	сплав	Раскоп 1, кв. 86	2005	
10 копеек	1941	сплав	Раскоп 1, кв. 105	2005	
2 копейки	1950	сплав	Раскоп 1, кв. 86	2005	
15 копеек	1952	сплав	Раскоп 1, кв. 84	2005	
3 копейки	1924	медь	Раскоп 2, кв. 47, слой 2	2005	
5 копеек	1924	медь	Раскоп 2, кв. 37, сл. 2	2005	
5 копеек	1924	медь	Раскоп 2, участок 3, сл. 2	2005	
3 копейки	1926	сплав	Раскоп 2, кв. 64, слой 2	2005	
15 копеек	1932	сплав	Раскоп 2, кв. 45, слой 2	2005	
20 копеек	1932	сплав	Раскоп 2, кв. 54	2005	

15 копеек	1933	сплав	Раскоп 2, кв. 47, слой 2	2005	
1 копейка	1934	сплав	Раскоп 2, кв. 55, слой 2	2005	
2 копейки	1935	сплав	Раскоп 2, кв. 40, слой 2	2005	
20 копеек	1935	сплав	Раскоп 2, кв. 49, слой 2	2005	
2 копейки	1936	сплав	Раскоп 2, кв. 64, слой 2	2005	
2 копейки	1940	сплав	Раскоп 2, кв. 41, слой 2	2005	
20 копеек	1941	сплав	Раскоп 2, участок 2, слой 2	2005	
20 копеек	1945	сплав	Раскоп 2, кв. 61, сл. 2	2005	
10 копеек	1946	сплав	Раскоп 2, кв. 42, слой 2	2005	
1 копейка	1948	сплав	Раскоп 2, кв. 48, слой 2	2005	
1 копейка	1949	сплав	Раскоп 2, кв. 55, слой 2	2005	
1 копейка	1950	сплав	Раскоп 2, кв. 55, слой 2	2005	
10 копеек	1952	сплав	Раскоп 2, участок 2, слой 2	2005	
20 копеек	1952	сплав	Раскоп 2, кв. 49, сл. 2	2005	
15 копеек	1953	сплав	Раскоп 2, кв. 50, слой 2	2005	
10 копеек	1956	сплав	Раскоп 2, кв. 64, слой 2	2005	

15 копеек	1956	сплав	Раскоп 2, кв. 48, слой 2	2005	
2 копейки	1957	сплав	Раскоп 2, кв. 55, слой 2	2005	
5 копеек	1961	сплав	Раскоп 2, кв. 39, слой 2	2005	
15 копеек	1961	сплав	Раскоп 2, кв. 57, слой 2	2005	
3 копейки	1934	сплав	Раскоп 3, кв. 171	2005	
2 копейки	1935	сплав	Раскоп 3, кв. 217, верх фундамента	2005	
1 копейка	1945	сплав	Раскоп 3, кв. 227	2005	
20 копеек	1946	сплав	Раскоп 186, верх фундамента	2005	
15 копеек	1948	сплав	Раскоп 3, кв. 187, под дерном	2005	
20 копеек	1949	сплав	Раскоп 3, кв. 187, под дерном	2005	
3 копейки	1950	сплав	Раскоп 3, кв. 187, под дерном	2005	
15 копеек	1953	сплав	Раскоп 3, кв. 187, под дерном	2005	
1 копейка	1954	сплав	Раскоп 3, кв. 186, верх фундамента	2005	
3 копейки	1954	сплав	Раскоп 3, кв. 171, под дерном	2005	
3 копейки	1956	сплав	Раскоп 3, кв. 229, дерн	2005	

20 копеек	1956	сплав	Раскоп 3, кв. 186, верх фундамента	2005	
15 копеек	1924	серебро	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5	2005	
5 копеек	1931	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005	
10 копеек	1931	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005	
10 копеек	1931	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005	
10 копеек	1932	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005	
15 копеек	1932	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005	
20 копеек	1932	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005	
20 копеек	1932	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005	
20 копеек	1932	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005	
15 копеек	1933	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, низкий суглинок	2005	
15 копеек	1933	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005	
3 копейки	1935	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005	
2 копейки	1936	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005	
3 копейки	1936	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005	

15 копеек	1936	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005
2 копейки	1937	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005
3 копейки	1938	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 4, черн. слой	2005
3 копейки	1938	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005
1 копейка	1939	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005
2 копейки	1940	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 7, черн. слой	2005
10 копеек	1943	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005
10 копеек	1945	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, сизый суглинок	2005
20 копеек	1945	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005
5 копеек	1946	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005
5 копеек	1946	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 8, сизая глина	2005
15 копеек	1946	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 6, черн. слой	2005
20 копеек	1946	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005
1 копейка	1948	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005
20 копеек	1948	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. черн. слой	2005
2 копейки	1949	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005
5 копеек	1950	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, сизый суглинок	2005
10 копеек	1950	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005

10 копеек	1951	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, сизый суглинок	2005
3 копейки	1952	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, черн. слой	2005
3 копейки	1952	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005
3 копейки	1952	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005
10 копеек	1952	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005
20 копеек	1952	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 6, черн. слой	2005
20 копеек	1952	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 7, черн. слой	2005
20 копеек	1953	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 7, черн. слой	2005
2 копейки	1954	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 6, черн. слой	2005
15 копеек	1954	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005
20 копеек	1954	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, черн. слой	2005
15 копеек	1955	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 4, черн. слой	2005
20 копеек	1956	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, черн. слой	2005
10 копеек	1957	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005
1 копейка	1956	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, черн. слой	2005
5 копеек	1961	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, сизый суглинок	2005
5 копеек	1961	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 2, сизый суглинок	2005

5 копеек	1961	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 8, под дерном	2005	
10 копеек	1961	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, сизый суглинок	2005	
1 копейка	1962	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 3, сизый суглинок	2005	
50 копеек	1964	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, сизый суглинок	2005	
1 копейка	1965	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, сизый суглинок	2005	
3 копейки	1969	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 8, в щебне	2005	
1 копейка	1978	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 8, в щебне	2005	
1 копейка	1980	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 1, сизый суглинок	2005	
2 копейки	1984	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 8, дерн	2005	
15 копеек	1985	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, сизый суглинок	2005	
2 копейки	19.?	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 6, черн. слой	2005	
2 рубля	1997	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 5, сизый суглинок	2005	
10 копеек	2002	сплав	Шурф 1 на берегу пруда, кв. 8, под дерном	2005	
5 копеек	1928	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 59, пл. 1	2006	
3 копейки	1929	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 84, п. 1	2006	
3 копейки	1931	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 138, пл. 1	2006	
15 копеек	1931	сплав	«Церера», траншея 1	2006	

20 копеек	1931	сплав	«Церера», р. 1, кв. 84, пл. 1	2006	
20 копеек	1931	сплав	«Церера», р. 2, кв. 133, пл. 1	2006	
3 копейки	1932	сплав	«Церера», р. 2, кв. 84, пл. 1	2006	
3 копейки	1932	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 138, пл. 1	2006	
10 копеек	1932	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 84, пл. 1	2006	
10 копеек	1932	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 135, пл. 1	2006	
20 копеек	1932	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 84, пл. 1	2006	
20 копеек	1932	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 133, пл. 1	2006	
1 копейка	1933	сплав	«Церера», транш. 1, кв. 129, пл. 1	2006	
3 копейки	1934	сплав	«Церера», раскоп 4, кв. 165–166, пл. 1	2006	
20 копеек	1936	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 73, пл. 1	2006	
1 копейка	1937	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 64, пл. 1	2006	
10 копеек	1938	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 147, пл. 1	2006	
15 копеек	1939	сплав	«Церера», раскоп 2, пм	2006	
20 копеек	1941	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 135, пл. 1	2006	
20 копеек	1941	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 136, пл. 1	2006	
1 копейка	1946	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 133, пл. 1	2006	

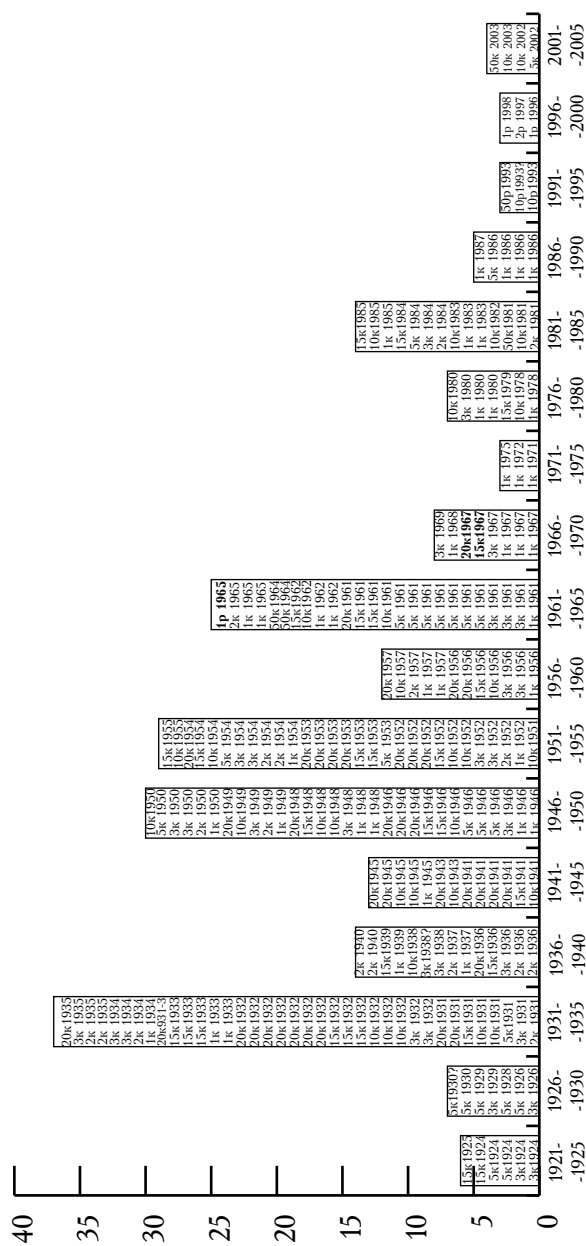
5 копеек	1946	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 76, пл. 1	2006
15 копеек	1946	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 37, пл. 1	2005
20 копеек	1946	сплав	«Церера», раскоп 1, пл. 1	2005
10 копеек	1948	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 58, пл. 1	2006
10 копеек	1948	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 140, пл. 1	2006
3 копейки	1949	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 47, пл. 1	2005
10 копеек	1949	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 136, пл. 1	2006
3 копейки	1950	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 39, пл. 1	2005
1 копейка	1952	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 146, пл. 1	2006
2 копейки	1952	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 79, пл. 3	2006
5 копеек	1953	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 43, пл. 1	2005
20 копеек	1953	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 103, пл. 2	2006
20 копеек	1953	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 141, пл. 1	2006
2 копейки	1954	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 69, пл. 1	2006
3 копейки	1954	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 136, пл. 1	2006
5 копейки	1954	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 76, пл. 1	2006
10 копеек	1954	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 133, пл. 2	2006
10 копеек	1955	сплав	«Церера», транш. 1, кв. 124, пл. 1	2006
1 копейка	1956	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 60, пл. 2	2006
3 копейки	1956	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 107, пл. 1	2006
1 копейка	1957	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 42, пл. 1	2005
1 копейка	1957	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 42, пл. 1	2005

1 копейка	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 65, пл. 1	2006
3 копейки	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 33–44, пл. 1	2005
3 копейки	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 88, пл. 1	2006
3 копейки	1961	сплав	«Церера», транш. 1, кв. 117	2006
5 копеек	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 73, п. 1	2006
5 копеек	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 91, пл. 1	2006
5 копеек	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 135, пл. 1	2006
15 копеек	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 88, пл. 1	2006
20 копеек	1961	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 86, пл. 1	2006
1 копейка	1962	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 46, пл. 1	2005
15 копеек	1962	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 86, пл. 1	2006
50 копеек	1964	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 125, пл. 1	2006
1 копейка	1965	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 34, пл. 1	2005
2 копейки	1965	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 73, пл. 1	2006
1 копейка	1967	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 34, пл. 1	2005
3 копейки	1967	сплав	«Церера», транш. 1, кв. 127	2006
15 копеек	1967	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 47, пл. 1	2005
20 копеек	1967	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 115, пл. 2	2006
1 копейка	1968	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 34, пл. 1	2005
1 копейка	1971	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 64, пл. 1	2006
1 копейка	1972	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 68, пл. 1	2006
10 копеек	1978	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 38, пл. 1	2005
10 копеек	1981	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 38, пл. 1	2005
59 копеек	1981	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 33, пл. 1	2005

1 копейка	1983	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 38, пл. 1	2005
10 копеек	1983	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 47, пл. 1	2005
10 копеек	1985	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 102, пл. 1	2006
1 копейка	1986	сплав	«Церера» раскоп 4, кв. 173–174, пл. 2	2006
1 копейка	1987	сплав	«Церера», транш. 1, кв. 117, пл. 1	2006
10 рублей	1993?	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 75, пл. 1	2006
50 рублей	1993	сплав	«Церера» раскоп 1, кв. 25, пл. 1	2005
10 рублей	1993	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 67, пл. 1	2006
1 рубль	1998	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 136, пл. 1	2006
5 копеек	2002	сплав	«Церера», зачистка стенок траншеи 1	2006
10 копеек	2003	сплав	«Церера», раскоп 2, кв. 136, пл. 1	2006
3 копейки	1924	мель	Кург. группа Царицыно-1, кв. 5, отвал 1960 г.	2006
5 копеек	1930?	сплав	Кург. группа Царицыно-1, транш. 1, на валу, кв. 2	2006
20 копеек	1932	сплав	Кург. группа Царицыно-1, транш. 3, кв. 5	2006
2 копейки	1934	сплав	Кург. группа Царицыно-1, транш. 2, кв. 2	2006
20 копеек	1943	сплав	Кург. группа Царицыно-1, транш. 3, кв. 5	2006
20 копеек	1957	сплав	Кург. группа Царицыно-1, транш. 2, кв. 7	2006
5 копеек	1926	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 33, сл. 1	2006
5 копеек	1929	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 32, сл. 1	2006
5 копеек	1930	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 33, сл. 1	2006
2 копейки	1931	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 35, сл. 1	2006
20 копеек	1931–1933	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 33, сл. 1	2006
15 копеек	1932	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 32, сл. 1	2006

1 копейка	1967	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, сл. 1	2006
1 копейка	1967	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 13, сл. 1	2006
15 копеек	1979	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
1 копейка	1980	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
3 копейки	1980	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
10 копеек	1980	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
2 копейки	1981	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
10 копеек	1982	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
1 копейка	1983	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
3 копейки	1984	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
5 копеек	1984	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
1 копейка	1985	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
1 копейка	1986	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
1 копейка	1986	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006
5 копеек	1986	сплав	Селище Царицыно-2, раскоп 1, кв. 1, скопление	2006

Хронологическое распределение монет 1921–2005 гг. на территории Царицынского парка
по материалам раскопок Царицынской экспедиции ИА РАН в 2002–2006 гг. (полужирным
шрифтом выделены юбилейные монеты)

IV. ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНДАМЕНТА «ДОМА ПРИЧТА»

Весной и в начале лета 2005 г. в рамках программы «Московский дворик» проводилось благоустройство «заовражной» части территории музея-заповедника «Царицыно». Работы велись силами многочисленных рабочих из Средней Азии и Армении. Вручную вскапывались поверхность газонов, склоны оврагов. Почти вся поверхность, затронутая работами по благоустройству, была осмотрена сотрудниками Царицынской археологической экспедиции ИА РАН. Древних находок (старше конца XVIII в.) нигде встречено не было. Лишь на участке напротив моста (в 70 м к западу от здания сауны) было поднято несколько фрагментов керамики начала XVIII в. При более тщательном осмотре этого участка в колее от колес грузовика были замечены камни фундамента дома. Здесь был заложен небольшой раскоп размером 6х3 м, ориентированный по сторонам света. За нулевой репер был принят камень брусчатки возле лестницы напротив Большого моста, на который строителями была вынесена отметка в балтийской системе высот – 146,00 м. Все отметки в раскопе были плюсовыми, то есть выше уровня репера.

На планах конца XIX – начала XX в. это место обозначено как участки, принадлежащие причту церкви в честь иконы «Богородицы Живоносный источник» (План Московской губернии и уезда 4 Удельного округа Церковной земли при селе Царицыне с

окружающей местностью. ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Ед. хр. № 6747. Л. 127). На плане 1932 г., составленном по материалам съемок 1926, 1927 гг., обозначен тот самый дом, фундаменты которого и были замечены нами в колее. Он же, но в несколько перестроенном виде, показан на плане 1960 г. Дом снесли, видимо, в 1970-х – начале 1980-х годов (рис. 11).

Основной целью исследований было определение возраста постройки и подготовка ее остатков к музеефикации. Раскоп был привязан к современной геоподоснове масштаба 1:500. Раскопки и фиксация производились Н.А. Кренке, П.В. Медведевым, В.С. Нефедовым, Н.Н. Потаповым и Ю. Галкиным.

Поверхность раскопа представляла собой разъезженный участок, на котором разворачивались грузовики, вследствие чего детальная фиксация нивелировки поверхности не проводилась. Были разбиты три полных квадрата 2 × 2 м и три полуквадрата, углы которых пронивелированы.

Слой мусора убирался лопатами до обнажения камней фундамента, которые залегали на глубине 1–20 см от поверхности, некоторые из них были обнажены. Расчистка фундамента выявила северо-западный угол дома и забутовку его центральной (подпечной?) части. Фундамент состоял из кусков бутового камня (известняк); пространство между камнями было заполнено песком, супесью, обломками кирпичей и кирпичной крошкой. Фундаменты были ленточными, впущенными в фундаментные рвы, края которых не прослеживались, так как рвы были полностью заняты камнями фундамента. Глубина фундамента составляла примерно 50 см. Ширина фундаментной ленты западной стены – 55–60 см, северной – 55 см. Среди камней забутовки фундамента найдены

мелкие фрагменты изразцов XIX в. с голубой каемкой и белым фоном, таким образом, время сооружения фундамента, скорее всего, может датироваться второй половиной XIX в. (рис. 12).

К западной стене, в 4 м южнее северо-западного угла, примыкал фундамент перпендикулярной стены (вряд ли внешней, так как после точки пересечения двух фундаментов западная стена продолжалась далее на юг). По своим параметрам этот фундамент не отличался от других стен. Таким образом, дом имел помещение, одна из сторон которого равнялась 4 м. В юго-западном углу этого помещения, видимо, стояла печь. Для нее был сложен специальный фундамент в виде прямоугольной площадки размером 1,8 × 1,6 м. Он был сложен из продолговатых камней и вторично использованных профилированных белокаменных деталей, что типично для поздних построек, окружавших царцынский дворец.

К северо-восточному углу подпечного фундамента примыкала кирпичная кладка стены подпола (погреб 2). Кирпичи были уложены на цементный раствор, толщина стенки составляла полкирпича. Подпол был заполнен современным мусором, который, учитывая его заведомо поздний возраст, до дна выбирать не стали. Погребом (погреб 1) являлось и пространство к югу от фундаментной стены, ориентированной по линии запад–восток. В заполнении этого пространства был встречен мусор конца XX в.

При расчистке камней фундамента и пространства между ними были встречены пять находок, взятых в коллекцию: фарфоровая фигурка ребенка, костяная вилка, медная денежка 1854 г., свинцовая пломба, керамическая чернильница-непроливайка (рис. 13). Все они могут датироваться концом XIX – началом XX в. К этому же времени относится и массовый материал:

фрагменты изразцов с голубой каемкой, мореная керамика (включая цветочные горшки), поливная керамика с зеленой поливой и коричневыми разводами (тарелки рубежа XIX–XX вв.), фарфор и кухонные горшки из белой глины, покрытые нагаром.

Единственной ранней находкой, точное место обнаружения которой осталось неясным, был фрагмент стенки красноглиняного гладкого горшка. Возраст этого фрагмента может быть ориентировочно определен XVI в. (но не позднее). Это единственная на сегодняшний день ранняя находка на территории бывшего села Черная Грязь.

Профиля бортов и бровки раскопа вскрыли типичный разрез лесной дерново-подзолистой почвы, поверхность которой была перекрыта современным мусором. Лишь в профиле бровки удалось проследить дневную поверхность времени постройки дома (верх горизонта 3, *рис. 12*). Толщина культурного слоя, накопившегося на поверхности почвы до момента постройки дома, составила всего 5–8 см. Верх погребенной почвы маркировала углистая прослойка.

ОПИСАНИЕ СЛОЕВ, ПОКАЗАННЫХ ПОД НОМЕРАМИ НА ПРОФИЛЯХ БОРТОВ РАСКОПА И БРОВКИ

1. Мешаный пестрый разнородный суглинок с обломками кирпичей, известью и т.д. Заполнение современной ямы.
2. Известь с включением кирпичной крошки.
3. Пестрый перемешанный суглинок, местами светло-бурый, местами серовато-светло-бурый и серовато-темно-бурый, слабо-гумусированный. Есть угли, особенно в нижней части, известь, кирпичная крошка.

4. Сизоватый светло-серый, слабооглеенный средний суглинок. Мелкие угольки (в небольшом количестве), кусочки пачины.
5. Буровато-светло-серый слабогумусированный средний суглинок. Мелкие угольки (мало), пачины. Почвенный горизонт A1, переработанный антропогенным воздействием. Нижняя граница нечеткая (затеки в нижележащий горизонт).
6. Серовато-палевый подзол, переработанный. Фактически залегает отдельными фрагментами. Нижняя граница нечеткая, с затеками в нижележащий слой. Верхняя часть – A2 (подзолистый горизонт) и нижняя часть – A2B (переходный).
7. Буровато-светло-коричневый тяжелый суглинок, комковатый. Верхняя часть переходная от предыдущего слоя. Делится на две части: а) коричневатого-светло-бурый суглинок, нижняя часть A2B; б) горизонт B.
8. Желтовато-светло-бурый мелкозернистый песок с включениями мелких обломков кирпича.
9. Пестрый, в основном слабогумусированный, преимущественно буровато-светло-серый суглинок с мелкими включениями белесого подзола и светло-бурого суглинка. Также есть включения угля, извести, кирпичной крошки и обломков сильно разложившейся древесины. В нем преобладают переотложенные почвенные горизонты A1 и A2.
10. Светло-бурый суглинок, заполнение погребка 1.

Интерпретация раскопанного объекта как дома причта основана на архивных документах (см. приложение) и картах.

После завершения расчистки фрагментов фундаментов дома XIX в. они были музеефицированы.

УТРАЧЕННАЯ ЗАСТРОЙКА ДВОРОВ ПРИЧТА ЦЕРКВИ ПРЕСВЯТОЙ
БОГОРОДИЦЫ ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Дворы причта церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы Живоносный Источник в селе Черная Грязь возникли одновременно с основанием церкви в 1682–1684 гг. Известно, что в 1683 г. стольник князь Алексей Васильевич Голицын *«поступился... из своей вотчины в сельце Черной Грязи пашни 10 четвертей к новопостроенной церкви во имя Пресв. Богородицы Живоносного источника...»* (Холмогоровы В. и Г., 1892. С. 172). На этой земле, вероятно, и возникли жилые дворы священника и причетников. В 1700 г. (к этому времени село Черная Грязь уже более 10 лет находилось в ведении казны) один из источников сообщал, что при церкви в селе «за попом с причетники никаких угодий и земель нет, кормятся ругою» (Там же. С. 176). Видимо, пожалованные вотчинником угодья причт, состоявший в 1695 г. из священника, дьячка и пономаря (Там же), сохранить не сумел.

В 1766 г. священно- и церковнослужители приходской церкви имели только 1 десятину 1565 сажень *«под строением, огородами, гуменниками и выгоном»* (Межевой план села Черная Грязь 1766 г. Копия 1834 г. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 879. Ц. Д. 1к). Эти жилые дворы располагались на высоком берегу Нижнего Царицынского пруда, к северу от Большого оврага, на дороге, шедшей к церкви из деревни Черная Грязь. Местность называлась «Попова горка». В том же году причту по *«положенной*

пропорции» (Там же) было отмерено из владения вотчинника *«пашенной земли и сенного покосу 34 десятины 615 сажень, под дороною 650 сажень, под речкою Городенкою и частью пруда 5 десятин 1059 сажень»* (Там же). Сельскохозяйственные угодья в основном располагались на западном берегу Нижнего Царицынского пруда. Ситуацию зафиксировал межевой план села Черная Грязь 1766 г.

Строительство в Царицыне императорской резиденции в 1775–1790-х годах коснулось и дворов причта местной церкви. Их застройка – деревянные избы, крытые соломой – показана на проектном «Генеральном фасаде...» царицынской усадьбы В.И. Баженова 1776 г. В 1778 г. В.И. Баженов и управитель усадьбы В.Я. Карачинский решили на время *«кавалерские покои... дать причету церковному, а у них хижины ветхие и безобразные»* (Василий Иванович Баженов..., 2001. № 162). После постройки Большого моста через овраг изменилось направление дороги, связывающей усадьбу с деревней (совр. Дольская улица), но в итоге *«поповы жилища»* (Там же. № 164), как называл их В.И. Баженов, остались на прежнем месте. Деревянные постройки видны на панораме села Царицына со стороны Нижнего пруда, выполненной О. Бове в 1800-х годах.

Сельское кладбище XVIII в. по традиции находилось возле церкви. После покупки усадьбы Екатериной II приходская церковь села Черная Грязь (Царицына) оказалась частью вновь создаваемого архитектурного ансамбля. В 1777 г. кладбище было переведено на другое место, *«не зело отдаленное от церкви»* – на высокий берег Нижнего пруда, к северу от дворов причта. Там кладбище существовало в течение XIX в.

В 1880-е годы бывшие церковные сельскохозяйственные угодья на западном берегу Нижнего Царицынского пруда, перешедшие в ведение удельного ведомства, были отданы под дачный поселок «Поповка»⁸. Жилые дворы причетников при этом сохранились на прежнем месте и в прежнем статусе.

Деревянная застройка владений священника и церковнослужителей зафиксирована на чертежах 1860-х годов (РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2887, 2888). Небольшие усадьбы имели традиционную деревенскую планировку с жилыми избами, обращенными к улице, службами вокруг двора и глухим деревянным забором с воротами. За передним двором тянулись узкие огороды. Дом священника, самый большой по размерам, находился восточнее остальных, напротив дома Волостного правления (ныне – ресторана «Усадьба», ул. Дольская, 10). Скорее всего, он был оштукатурен. Церковнослужители жили в единой усадьбе с бревенчатыми трехконными избами на каменных фундаментах и общим двором.

В 1930-е годы церковь была закрыта, но деревянные одноэтажные дома причта сохранялись еще в 1960-е годы. Они были разобраны вместе со всей застройкой заовражной территории Царицына в 1970-е – начале 1980-х годов.

⁸ В районе Люсиновской улицы. Разобран в 1970-е годы.

V. АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БЫТОВОГО МУСОРА НА ПЛОЩАДИ РАСКОПОВ ПОСЕЛЕНИЯ ЦАРИЦЫНО-1 («ЦЕРЕРА»)

При проведении раскопочных работ Царицынской экспедицией ИА РАН на территории паркового ансамбля весь материал, в том числе и так называемый бытовой мусор последних 100–150 лет, попадавшийся в толще культурного слоя, учитывался и фиксировался. Фиксация проводилась большей частью кратко, в виде записей в дневнике и в статистических таблицах. Однако на тех участках, где проводились достаточно масштабные работы в виде раскопов площадью от 15–20 кв. м и более, фиксация проводилась подробно, с указанием квадратов и горизонтов.

На поселении «Церера» в 2004–2006 гг. (рис. 14) также проводился сбор и подсчет «бытового мусора», состоявшего из мелких и средних обломков кирпичей (в основном XIX в., когда на данном участке была выстроена беседка и проложены прогулочные дорожки из кирпича). Второй по численности категорией «мусора» являлись фрагменты стеклянных бутылок, стаканов, пузырьков в основном советского периода, с включением небольшой (до 3–5%) обязательной доли бутылочного стекла XIX – начала XX в. (рис. 16).

Имелись и другие, менее многочисленные поздние находки: металлические и пластмассовые пробки от пивных, водочных

и винных бутылок в основном 1940–1990-х годов прошлого столетия, язычки от пивных банок, кости животных, обрывки полиэтиленовых пакетов, сигаретной фольги и фильтров, газовые зажигалки, монеты, косточки и скорлупа фруктов и орехов. В большом количестве попадались предметы, связанные с прогулочным или спортивно-оздоровительным статусом парка: обломки лыжных палок и лыж, детали санок, пуговицы, значки, фрагменты обуви, детали от лыжных ремней и крепления. Кроме этого встречались стержни от шариковых ручек, фломастеры, шпильки-заколки, обломки игрушек, одноразовые шприцы, фольга от таблеток, обрывки одежды, бумаги, обрывки документов (например, корочка от удостоверения к медали «Ветеран труда»), фрагменты металлических пластинок, болты, шайбы – то есть предметы второй половины XX столетия, так или иначе связанные с разноплановым прогулочным статусом территории.

Интересно отметить также, что на площади раскопов на селищах «Церера» и Царицыно-3, кроме аналогичных находок, было найдено и несколько кусков (слитков) свинца, очевидно, связанных с деятельностью рыболовов на берегу пруда при изготовлении грузил (известно, что в советское время водоем использовался местным совхозом для разведения прудовой рыбы). Характерно также наличие почти во всех пунктах работы экспедиции обломков детских игрушек.

Подвергались учету и немногочисленные находки XIX в., связанные, вероятно, со строительством беседки и прокладкой прогулочных дорожек: фрагменты белого камня, кованые гвозди, единичные фрагменты изразцов, также связанные с комплексом строительного мусора, вывозившегося на прокладку дорожек.

Бутылочное стекло и кирпичный бой (в меньшей степени) как и монеты присутствуют практически на любом произвольно взятом участке паркового ансамбля. Эти находки встречены не только на правом, но и на левом берегу Язвенки при шурфовке территории селищ Царицыно-2 и Царицыно-4.

Вслед за фрагментами кирпичей и осколками стекла на площади раскопов поселения «Церера» по численности преобладают предметы, связанные с потреблением алкогольной продукции: пробки, крышки от бутылок, произведенные за последние 15 лет (насчитывалось несколько сотен) (рис. 17). Что говорит о весьма высоком уровне потребления алкоголя на данном участке, несмотря на то, что в последние годы участок регулярно очищается от мусора. Такое поведение посетителей связано, вероятно, с тем, что мыс, на котором расположено поселение «Церера», весьма зрительно привлекателен. Он возвышается над долиной речки и является своего рода узловой точкой в системе прогулочных маршрутов по парку. Тут есть скамейки, пни или просто обрубки бревен, на которые можно присесть. При этом необходимо учитывать структурно-содержательную особенность поведения горожан, нацеленных на обязательное потребление алкоголя во время отдыха. Эта особенность была характерна и для советского времени (много алюминиевых крышек от водки производства Московского ликеро-водочного завода 1950–1970-х годов). В последнее время акцент сместился в сторону потребления пива.

Планиграфическое распределение «мусора» в раскопах не равномерно. Наблюдается наибольшая концентрация битого стекла и пробок в районе парковой скамьи, бетонное основание которой

отмечено в кв. 134, 136, 139 раскопа 2. Вторая зона концентрации прослеживается в радиусе пяти метров от ступенек беседки в кв. 132 и примыкающем к нему шурфе 1. Стекло, пробки, сигареты в большом количестве обнаружены в радиусе 1–2 м от скамьи и ступеней беседки. Далее их распределение по квадратам имеет среднестатистический низкий уровень (на один-два порядка ниже уровня скоплений). Рисунок-схема распределения битого стекла наглядно демонстрирует степень интенсивности насыщения слоя этими находками (рис. 15).

Причины фрагментированного состояния бутылочного стекла на площади раскопа и полное отсутствие целых бутылок достаточно очевидны: бутылки бросались на землю, после чего те из них, что представляли интерес, подбирались, а ненужные разбивались на месте о ступени и колонны беседки или металлическую основу садовой скамейки. Найдено также несколько разбитых (раздавленных) и оставшихся лежать в виде развалов бутылок. Как правило, это нестандартные бутылки, которые не принимали в пунктах приема стеклопосуды, например бутылки из-под минеральной воды «Боржоми» советского периода с рельефными клеймами на стенках.

Другого мусора, связанного со строительством беседки и парковых дорожек, зафиксировано немного, за исключением небольшого участка в кв. 114–116. Как оказалось, это связано с тем, что здесь во времена реставрации беседки в советские годы была выкопана яма (прямоугольной формы и глубиной до 50 см). В ее заполнении наряду с мусором советского периода, включавшего юбилейную монету 1967 г., были обнаружены многочисленные отески белого камня, битый кирпич, осколки стекла

XIX в., фрагменты декоративной балюстрады, стоявшей на краю крыши беседки (из кровельного железа) (рис. 15).

На остальной площади раскопа находки, связанные со строительством беседки (начало XIX в.) были немногочисленными, гораздо больше их было в раскопе 4 на кв. 173–176 (рис. 14), расположенном на самом склоне мыса, в непосредственной близости от парковой дорожки. Здесь было найдено несколько кованых гвоздей, фрагменты изразцов, много кирпича и отесков белого камня. Вероятно, они являлись частью подсыпки кирпичной дорожки, смытой дождевыми потоками.

На раскопах и в шурфе было собрано 77 монет (примерно 1 монета на 2 кв. м), достаточно равномерно распределенных по площади (их количество несколько увеличивается в районе садовой скамейки). Датируются монеты периодом от 1925 до 2003 г., что практически совпадает со структурой монетных коллекций, собранных на других участках паркового ансамбля (см. Раздел III), где пик монетных находок приходится на конец 1930-х – 1950-е годы. Скорее всего, это свидетельствует о том, что данный участок парка, как и Царицыно в целом, посещался отдыхающими также неравномерно.

Таким образом, статистика подобного «мусорного» материала оказалась весьма показательной и достоверно отражающей статус данного участка, являвшегося в последние полтора столетия местом отдыха сначала дачников, а затем и более широких слоев горожан.

Планиграфическое распределение битого кирпича демонстрирует определенные закономерности (рис. 15). Его скопления видны в районе северной прирезки, где по тальвегу древнего

рва в кв. 145–148, а также в яме 4, выкопанной реставраторами, были зафиксированы остатки кирпичного мощения. Высокая концентрация кирпича наблюдается также в шурфе 1 рядом с беседкой (вероятно, естественное понижение рельефа, куда были сброшены остатки подсыпки дорожки, проложенной рядом). Подобный же характер, вероятно, имеют и скопления кирпича в кв. 62, 94, 124.

Таким образом, исходя из данных планиграфического распределения битого кирпича и осколков стекла, мы можем достаточно точно связать повышенную концентрацию этих находок с современными или существовавшими в недалеком прошлом объектами и событиями, происходившими на поверхности мыса. Распределение «мусорного» материала можно рассматривать в качестве показателя степени перемешанности культурного слоя. В самом деле, кирпичные и бутылочные фрагменты, а также иные категории «мусора», вполне сравнимы по своим размерам и удельному весу с обломками керамики или кремневыми предметами, которые составляли основную цель наших раскопок. Поэтому сопоставление распределения этих совершенно разновременных категорий предметов (начиная от эпохи бронзы и кончая современностью) в толще мелкого и достаточно сыпучего песка в условиях высокоинтенсивной эксплуатации участка людьми создает почти идеальные условия для эксперимента.

Нами были нанесены данные статистики «мусора» на планы раскопов по пластам точно так же, как и данные по каменным находкам и керамике.

Выяснилось, что стекло попадалось преимущественно в верхних двух пластах (толщиной по 10 см). Распределение по

глубинам фрагментов кирпичей (в основном относящихся к первой половине – середине XIX в.) является более сложным и информативным. Количество их, по данным 2005 г., сверху вниз возрастает от пласта 1 к пласту 3, затем резко снижается, но отдельные фрагменты есть в основании культурного слоя. В раскопе 2 фрагменты кирпичей были обнаружены даже в пластах 5 и 6, то есть там, где каменные изделия не фиксировались. Однако данные 2006 г. свидетельствуют об относительно нормальном и ожидаемом убывании фрагментов кирпичей сверху вниз. Эта разница довольно существенна, она показывает, вероятно, различную степень проницаемости и переработанности грунтов. В песке (раскоп 1 и часть раскопа 2) мелкие фрагменты кирпичей проникают вниз гораздо глубже и быстрее, а в более тяжелом суглинке (северный сектор и северная прирезка раскопа 2 и траншея 1) кирпич проникает лишь в первый и второй пласты.

Похожая картина отмечена в шурфе 1, расположенном практически вплотную к фундаменту беседки. Его толща в верхних трех пластах оказалась очень насыщенной кирпичом и стеклом, что объясняется фактом строительства и реставрации беседки, а также тем, что распитие алкоголя и напитков происходило на ступенях беседки чаще, чем на участках раскопов 1 и 2. На уровне пластов 4–6 в шурфе стекло и кирпичи постепенно исчезают. В пласте 7 (предматериковом для раскопа 2 и шурфа) их нет совсем.

В раскопе 1, в песчаном грунте, распределение фрагментов кирпичей по площади отчасти сходно с распределением кремневых изделий. Например, в пласте 2 и 3 скопления кирпичей и кремней практически совпадают, что, скорее всего, свидетельствует о естест-

венном процессе скопления находок в понижениях микрорельефа, которые в настоящее время там не прослеживаются. В раскопе 2, напротив, скопление кирпичей в кв. 43–44 носит совершенно самостоятельный характер, повышенной концентрации других находок здесь не отмечено.

Если насыщенность шурфа фрагментами кирпича объясняется непосредственной близостью беседки, то их наличие в раскопе в первую очередь соотносится с прокладкой рядом с ним прогулочных дорожек. Кирпич из шурфа рядом с беседкой, испачканный известковым раствором, связан с реставрационными работами, в то время как кирпич в раскопах не имел следов раствора и был мельче и окатанней.

Дополнительными факторами проникновения фрагментов поздних артефактов в толщу культурного слоя послужила деятельность землеройных животных, ходы которых отмечались в грунте повсеместно и были особенно интенсивными в гумусированных слоях (древние ямы, заполнение рва). Нельзя отвергать и того, что деятельность земляных червей существенно влияет на распределение мелких находок, что подтверждено экспериментами (Barker P., 1977).

Статистка залегания фрагментов кирпича в толще культурного слоя наглядно показывает, что предметы совершенно разных эпох занимают в слое практически идентичные позиции и демонстрируют схожие картины пространственного распределения (по площади участка и по вертикали). Необходимо соблюдать большую осторожность в предположениях о синхронности находок, основанных на схожести их распределения в слабо стратифицированном культурном слое.

Иногда (например, кирпичи в нашем случае) некоторые группы находок могут образовывать и «ложные горизонты» повышенной концентрации и скоплений находок в толще культурного слоя, создавая иллюзию древности формирования этих «ансамблей». Лишь в некоторых случаях (если нам известен контекст функционирования территории) при исследованиях поселений с подобным культурным слоем можно говорить о большей информативной достоверности планиграфического распределения находок по сравнению со стратиграфическим.

НОМЕНКЛАТУРА ПРЕДМЕТОВ
«БЫТОВОГО МУСОРА», УЧТЕННЫХ
ПРИ РАСКОПКАХ ПОСЕЛЕНИЯ «ЦЕРЕРА»
В 2004–2006 гг.

№ п/п	Наименование	Количество	Примечание
1	Кирпич битый	19300	Частично со следами раствора
2	Фрагменты битого белого камня	4358	
3	Стекло бутылочное фрагментированное	7340	3% – XIX в.
4	Пробки от бутылок с пивом и газированной водой	761	Пивных около 90%
5	Пробки-крышки от водочных бутылок	127	Алюминиевые и винтовые
6	Язычки от пивных банок	56	
7	Фильтры сигаретные	175	Данные по раскопу 2
8	Фольга от сигарет	178	Данные по раскопу 2
9	Обрывки п/э пакетов и фольги от упаковок	270	
10	Косточки плодов и скорлупа орехов	38	Пакетированные продукты
11	Кости животных и птиц	15 и почти полный скелет утки	
12	Обломки лыж, палок и лыжных креплений	32	Советского периода
13	Гвозди кованые	18	
14	Обрывки фотопленок	4	
15	Заколки, резинки для волос	10	
16	Прищепка бельевая деревянная	1	
17	Кусок свинца	1	

18	Осколки зенитных снарядов	2	
19	Гильзы пистолетные	8	
20	Фрагменты пластмассовых изделий	30	
21	Фрагменты или целые игрушки детские	8	
22	Консервные банки и крышки от них	6	
23	Тюбики от художеств. красок и их фрагменты	7	
24	Крышка от советской кефирной бутылки	2	
25	Обрывки ремней от часов	4	
26	Пробки и пузырьки аптечные, пипетки	11	
27	Предохранитель телевизионный советский	1	
28	Куски линолеума или клеенки	7	
29	Пуговицы	7	Кость, металл, пластик
30	Пряжки и обрывки ремней поясных	6	
31	Скрепка канцелярская	2	
32	Ложка алюминиевая	1	
33	Стелька от детской обуви, подметки от ботинка	5	
34	Батарейка пальчиковая	1	
35	Шариковые ручки или их фрагменты	4	
36	Зажигалки газовые и их обломки	5	
37	Лезвие бритвы	1	
38	Гвозди железные современные	13	
39	Осколки карманного зеркала	2	
40	Фольга от таблеток	5	
41	Шприцы одноразовые 6/у	1	
42	Пассик резиновый и кнопка от магнитофона	2	

43	Фрагменты современ. посуды (фаянс)	7 изделий	
44	Фрагмент форточной защелки	1	
45	Пластмассовые трубочки для соков	6	
46	Фрагменты лейкопластырей	2	
47	Жвачки	4	
48	Пластиковая посуда	3	
49	Фрагменты колготок женских	1	
50	Фрагменты веревки бельевой	1	
51	Обрывок елочной иллюминации	1	
52	Обрывок нитки	1	
53	Обрывок полы от кожаной куртки	1	
54	Корочка от удостоверения к медали «Ветеран труда»	1	
55	Обрывки скотча	1	
56	Костыль железный от шпалы	1	
57	Фрагмент современной кафельной плитки	1	
58	Мундштук пластмассовый	1	
59	Пробки пластмассовые и проволока от шампанского	12	
60	Фрагменты металлических изделий неопределенные	24	
61	Монеты советского и постсоветского периода	77	
	Итого:	32971	

VI. НАХОДКИ ОРУЖЕЙНЫХ ГИЛЬЗ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ В ЦАРИЦЫНО И ИХ МЕСТО В КОНТЕКСТЕ «СОВРЕМЕННОЙ» АРХЕОЛОГИИ ПАРКА

Коллекция гильз из раскопок Царицынской экспедиции невелика. Большинство из них были обнаружены в шурфе на берегу Верхнего Царицынского пруда под башней-руиной (лишь несколько экземпляров происходит из материалов раскопок на поселении «Церера», в раскопах 1–3 близ Большого дворца, а также из траншеи 2003 г. у Третьего Кавалерского корпуса). Тем не менее мы считаем необходимым кратко прокомментировать публикуемые ниже каталог и заключение эксперта О.В. Двуреченского.

Нахождение предметов вооружения (оружие целое или во фрагментах, патроны, пули, гильзы, ядра, осколки снарядов и т.д.) характерно для исследований на местах сражений или территории военных укреплений, складов и т.п. Там этот факт подобных находок вполне ожидаем. Также вполне объяснимо было обнаружение нескольких осколков зенитных снарядов в раскопе на поселении «Церера» (рис. 2). Известно, что неподалеку (на территории военной части) когда-то располагалась батарея зенитных орудий.

Присутствие же довольно многочисленных стреляных гильз на берегу Царицынского пруда с его мирным, прогулочным статусом говорит, вероятно, об особой структуре поведения и составе отдыхающих в те периоды функционирования паркового ансамбля, на которые выпадает датировка большинства гильзовых находок (рис. 18). Кромка берега Верхнего Царицынского пруда в районе бывших лодочных пристаней издавна была одним из узловых мест пересечения и концентрации маршрутов прогуливавшихся по парку людей. Соответственно можно предполагать и присутствие в этом месте многочисленных детей, которые приходили сюда вместе с родителями (приезжие) или самостоятельно (местные).

Можно предположить, что гильзы оказались на прибрежной поверхности в результате их утери именно детьми, которые в советское время, особенно в 1930–1960-е годы, высоко ценили эти предметы. Гильза являлась детским «эквивалентом ценностей», «универсальной игрушкой», наподобие алебастровых шариков из кармана Тома Сойера. В детской субкультуре они, судя по тексту Марка Твена, служили своеобразным мерилом ценности, их обладатель мог выменять на них что угодно.

В советском обществе, особенно в сталинский период, героизировали все военное, особенно это характерно для сталинского периода. Даже в мирное время военные составляли мощную привилегированную прослойку, на них «ориентировались» другие структуры государства. Гражданская экономика фактически была придатком экономики военной, в избыточном количестве производившей свою продукцию. Изделия военного назначения не просто считались, а порой действительно были по качеству лучше

изделий гражданских. Недаром в шуточной украинской песне на вопрос, почему эта вещь нравится, дается категорический ответ: «Бо она похожа на военное».

Такая продукция сугубо военного назначения, как патроны, гильзы, пульки, присутствовала довольно широко в обществе, начиная с детской субкультуры, составляя ее характерную часть. В послевоенные годы все связанное с войной для детей приобрело особенную ценность. В 1950–1970-е годы гильзы можно было обнаружить в кармане любого мальчишки, наряду с такими же «сакральными» предметами, как пугач и рогатка. Эти вещи, в деньгах ничего не стоя, обладали «престижной» ценностью, ставящей их владельца над окружающими в негласной детской иерархии.

Так, на территории ансамбля, в советский период, возможно, служившей площадкой для мальчишеских игр «в войну», были найдены гильзы со вставленными в них огрызками карандашей (раскопы 1–2 возле дворца) (рис. 1) и настоящий пугач из загнутой медной трубки (раскоп 3). Эти предметы были обнаружены в поверхностном слое дерна и под дерном вместе с прочим бытовым мусором советского периода.

Возможно, эти находки могут быть рассмотрены и под другим углом зрения. Одному из авторов этой статьи известны случаи, когда при очистке илистого дна московских и подмосковных прудов (в Северном и Южном Бутове) были обнаружены старые пистолеты и части стрелкового оружия. Пруды традиционно являются надежным местом укрытия таких предметов. При этом совсем не обязательно сводить все к криминалу. В советский период на руках у частных лиц находилось немало единиц огнестрельного оружия, как правило, незарегистрированного. Особен-

но много его было после окончания Гражданской войны и, конечно, после Великой Отечественной. Так, например, во время раскопок 2005 г. внутри Большого дворца был найден парабеллум. В этом контексте находки оружия на дне Царицынских прудов окажутся вполне закономерным явлением.

К советскому (сталинскому) времени, вероятно, относится и большинство гильз из каталога, хотя клейма на них практически не читаются, ввиду чего определить год выпуска невозможно. На тех клеймах, которые все-таки удалось прочесть, даты выпусков относятся к концу 1930–1940-х годов. Стратиграфические данные и монетные находки указывают на то, что поверхность, где были найдены гильзы в шурфе под башней-руиной, около 1956 г. была погребена отвалами грязи из пруда. То есть гильзы должны были оказаться в земле до этого времени. Большинство гильз принадлежало оружию типа пистолет (Макарова) или револьвер (маузер и наган), однако встречались и ружейные. Подробные данные приведены в каталоге.

Неизвестно, стреляли ли из оружия на берегу пруда или гильзы потеряли дети, принесшие их. Судя по довольно сильному разбросу находок гильз в раскопе 2 у южной стены Большого дворца и на поселении «Церера», стрельба могла производиться и на месте с целью развлечься – посоревноваться в меткости разбивания бутылок. Однако полностью исключать происшествия криминального характера не стоит. Преступления с применением огнестрельного оружия парке «Царицыно» известны еще из криминальных хроник дореволюционных времен.

Таким образом, существуют разные версии относительно происхождения найденных гильз. Можно утверждать, что находки

подобного рода на территории паркового ансамбля отражают характерную деталь быта советского общества, отличавшегося ярко выраженной героизацией всего военного. Это было время, когда лучшей (по качеству) рубашкой считалась гимнастерка или тельняшка, лучшей обувью были офицерские сапоги, а идеальный мужчина носил погоны.

КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ ПИСТОЛЕТНЫХ,
РЕВОЛЬВЕРНЫХ И ПЕХОТНЫХ ГИЛЬЗ
ИЗ ШУРФА 2005 г. НА БЕРЕГУ ПРУДА
ПОД БАШНЕЙ-РУИНОЙ⁹

№ 19. Гильза стрелянная от пехотного патрона Маузер М 03\05 (образца 1903\1905 г.), калибр 7,92 мм, 7,92 Ч 57 (8 × 57 JS). Маркировка донного клейма: P490 \ S* \ 2 \ 39. На основании маркировки можно сказать, что патрон был выпущен в 1939 г. (шурф 1, слой 2, кв. 1, гл. -207). Патроны этого типа созданы в 1905 г в Германии на основе более старого патрона 7,92 мм М 88. Первоначально использовались в известнейших винтовках и карабинах Маузер модели 98, в дальнейшем – во множестве образцов оружия, включая самозарядные винтовки FG-42, пулеметы MG-08/15, MG34, MG42, авиационные пулеметы и др.

№ 21. Гильза стрелянная. Плохая сохранность. Возможно от пехотного патрона Маузер М 03\05 (?), калибр 7,92 мм. Маркировка донного клейма: 539 \ 76. (шурф 1, пласт 2, кв. 1, гл. - 221).

№ 32. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896 (образца 1896 г.), калибр 7,63 мм. Возможно, модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930 (образца 1930 г.), калибр 7,62 мм (шурф 1, пласт 4, кв. 5, гл. -260). Маркировка не читается. Первоначально

этот патрон разработан для пистолета Маузер С 96 на основе патрона Борхардт калибра 7,65 мм образца 1893 г. Выпуск начался в 1896 г. и продолжается до сих пор. Пистолет Маузер получил широкое распространение в России, в связи с чем патрон был официально принят на вооружение под названием «7,62 патрон Токарева». Отличия настолько незначительны, что оба патрона считаются взаимозаменяемыми.

№ 33. Гильза стрелянная от пехотного патрона. Плохая сохранность. Возможно, данная гильза относилась к патрону Лебеля 8 мм типа М 06 или М 86 (шурф 1, пласт 4, кв. 5, гл. -280). Данные патроны применялись во французской армии, использовались частично в СССР. Патрон разработан капитаном Дезалье и полковником Гра в 1886 г., которые просто уменьшили диаметр пули у 11 мм патрона Гра до 8 мм, отсюда и сильно конусообразная форма гильзы. До 1898 г. патрон имел пулю с закругленной вершинкой весом 15 г (пуля «Balle M»), затем была введена остроконечная пуля, разработанная Дезалье (пуля «М 1886 D»). Пуля была целиком из бронзы. После введения остроконечной пули в донце гильзы была сделана радиальная проточка, чтобы в трубчатом магазине винтовки Лебель не происходило утыкания пули в капсюль расположенного перед ней патрона.

№ 39. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 мм. Возможно, модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930, калибр 7,62 мм (шурф 1, кв. 5, гл. -275). Маркировка донного клейма: в верхней части плохо читаемый символ, в нижней части цифра 42.

⁹ Нумерация находок по описи 2005 г.

№ 47. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 (шурф 1, кв. 1, гл. -272). Маркировка не читается.

№ 48. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 (шурф 1, кв. 1, гл. -264). Маркировка не читается.

№ 49. Гильза стрелянная от револьверного патрона Наган М 1895, калибр 7,62 мм, 7,62 × 39R. Донное клеймо не читается (шурф 1, кв. 1, гл. -260). Штатный патрон 7,62 × 39 мм разработал Л. Наган для револьвера своей конструкции в 1887 г. Он предназначен для стрельбы из револьвера образца 1895 г. и его модификаций. Отличительной особенностью патрона от других револьверных патронов является размещение пули в гильзе. Оболочечная тупоконечная пуля со свинцовым сердечником полностью утоплена в гильзе и наружу не выступает. На своем месте она удерживается кернением. Дульце гильзы обкатано до меньшего диаметра, что облегчает зарядание оружия и обеспечивает надежное функционирование механизма надвигания барабана револьвера на казенную часть ствола.

№ 50. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 мм. Возможно модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930, калибр 7,62 мм (шурф 1, кв. 1, гл. -258). Маркировка не читается.

№ 56а. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 мм. Возможно, модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930, калибр 7,62 мм (шурф 1, кв. 6, гл. -276). Маркировка не читается.

№ 56б. Гильза с не пробитым капсюлем от револьверного патрона Наган М 1895, калибр 7,62 мм, 7, 62 × 39R. Фиксируется плохо читаемое донное клеймо.

№ 65. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 (шурф 1, кв. 5, гл. -276). Маркировка не читается.

№ 69. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 мм. Возможно, модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930, калибр 7,62 мм (шурф 1, кв. 2, гл. -263). Маркировка не читается.

№ 73. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 (шурф 1, кв. 4, гл. -268). Маркировка не читается.

№ 77. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896 (образца 1896 г.), калибр 7,63 мм. Возможно, модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930 (образца 1930 г.), калибр 7,62 мм (шурф 1, черный слой, кв. 1, гл. -271). Маркировка донного клейма: в верхней части плохо читаемый символ, в нижней цифра «42».

№ 93. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896, калибр 7,63 (шурф 1, кв. 1, гл. -319). Маркировка не читается.

№ 100а-в. Гильза стрелянная от пистолетного патрона Маузер М 1896 (образца 1896 г), калибр 7,63 мм. Возможно, модификация на базе вышеупомянутого патрона в виде пистолетного патрона Токарева М 1930 (образца 1930 г.), калибр 7,62 мм (шурф 1, кв. 2, гл. -324). Маркировка не читается.

VII. ЦАРИЦЫНСКИЕ ПРУДЫ: ИСТОРИЯ БЫТОВАНИЯ И ОБУСТРОЙСТВА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

При производстве археологических работ на территории паркового ансамбля «Царицыно» была изучена береговая линия Царицынских прудов. В задачу исследования входил поиск элементов берегоукрепления и остатков архитектурных объектов (мостиков, плотин, пристаней) в зоне прибрежной полосы. Отчасти сходные археологические работы уже велись при реконструкции прудов в усадьбах Кусково и Лефортово (Векслер А.Г., Пирогов В.Ю., 2001. С. 290–299), однако каждый такой объект, в том числе и Царицынские пруды, уникален и требует корректировки методики производства полевых работ и научной интерпретации результатов.

Судя по письменным источникам, Царицынские пруды существуют на протяжении около 350 лет. Наиболее ранние из известных нам письменные свидетельства¹⁰ относятся к 1666 и 1673 гг. Тогда территорией владели бояре Стрешневы. «...Да к тому же селцу Черная грязь на речке на Городенке мельница мелет в двои жернова» (1666 г. Отказная книга подьячего Андрея Березина. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9838. Л. 493–500). «Под селом Черные грязи пруд в нем рыба на том же пруду мельница анбар в анбаре

двои жернова со всем мелнишным заводом...» (1673 г. Память из Приказу Большого двorca за приписью дьяка Семена Комсина об отписке на Великого Государя вотчины Стрешневых. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. 9918. Л. 338–341).

Вышеприведенные документы, однако, не дают полной ясности, относительно того, которая из царицынских плотин в них подразумевается. Скорее всего, та, что затем стала называться Шипиловской, подпруживающая Нижний Царицынский (Шипиловский, Развиловатый) пруд. Это следует из контекста документа 1689 г.: «*Да под тем же селом на речке на Язвенке мельница мелют в одни жернова а на мелнишном дворе живет мельник Алешка Васильев да на дворе ж две лодки два карбуса две комяги да мельница Шипиловская плотина каменная в двои жернова а на мелнишном дворе мельник Васка Артемьев*» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9847. Л. 570–695). Из этого текста ясно, что в 1689 г. существовали уже две плотины: верхняя на р. Язвенке с мельницей «в одни жернова» и нижняя каменная плотина на р. Городенке с «двои жернова». Логично предположить, что упоминания 1666, 1673 и 1689 г. мельницы на р. Городенке с двумя жерновами относятся к одному и тому же сооружению, а мельница с одним жерновом на р. Язвенке – это нечто иное.

Таким образом, документальная история плотины с мельницей на Верхнем Царицынском пруду начинается в 1689 г. Есть, однако, и более ранний документ, позволяющий предполагать существование какого-то пруда без мельницы на месте будущего Верхнего Царицынского. Это сведения 1676–1678 гг. «...*пониже березовой роуцы что у речки у Язвы у косоугору подле той речки*

¹⁰ Архивный поиск проведен Б.В. Кудрявцевым

запруда Черногряского животинного выпуска...» (Писцовые книги. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. 9918. Л. 307, 308, 338–341).

Можно предполагать, что течение маленькой речки Язвенки запруживалось и в более ранние эпохи. По ее берегам расположено около десятка археологических памятников – остатков поселений XII–XVI вв. и более ранних. Для московского региона сооружение земляных дамб и запруд начиная с XIV–XVI вв. является характерной чертой (Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1989).

Исходя из данных источников, можно выделить пять основных периодов в истории существования Верхнего Царицынского пруда, характеризующих процесс планомерно возрастающего значения водоема. Так, в середины XVII в. пруд был гораздо меньше современного и имел хозяйственное предназначение. Однако уже во второй четверти XVIII в. его функция видоизменяется. На первый план вышла «пейзажная» роль, которую играл пруд в усадебном ансамбле. В это время на его правом берегу сооружаются четыре искусственные террасы-ступени, сохранившиеся по сей день. По картографическим данным можно заключить, что контуры береговой линии пруда оставались неизменными с 1766 по 1775 г. Уровень пруда в этот период был почти на 2 м ниже современного и равнялся 134 м в балтийской системе высот (таков уровень дна современного водоема в той точке, где были, судя по картам, истоки пруда XVIII в.).

На следующем, третьем, этапе, продолжавшимся с 1785 по 1803 г., происходит обновление всего паркового ансамбля, связанное со строительством императорской резиденции Екатерины Великой. Площадь пруда увеличивается, и его размеры практи-

чески приближаются к современным. На так называемом плане Наумова (Геометрический план селу Царицыну с около лежащею ситуациею. Конец XVIII в., после 1795 г. подписан землемером Г. Наумовым. РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 157) показаны небольшие плотины на реках Язвенке и Черепичке. В 1804–1807 гг. на этих же местах возводятся более фундаментальные сооружения – Ореховская и Лазаревская плотины. Характер береговой линии в то время отличался от современного тем, что контуры берега XVI–XVII вв. были не сглаженными, а извилистыми. Единственный остров квадратной формы располагался напротив ступенчатого спуска.

В первое десятилетие XIX в., в так называемый Валуевский период истории существования Царицына (по фамилии начальника Экспедиции кремлевского строения, проводившей работы), роль пруда резко возросла. Поскольку главный дворец не был достроен, акценты всего паркового ансамбля сместились в сторону пруду. Он стал своеобразной «осью симметрии» усадебного комплекса. По обоим его берегам были возведены беседки, обновилась «береговая дорожка», огибавшая периметр, выстроились многочисленные пристани. Размер зеркала воды существенно увеличился за счет возникновения дополнительных водоемов выше Ореховской и Лазаревской плотин. Данные карт свидетельствуют о некотором изменении очертания берега, особенно хорошо прослеживающемся по трансформации мыса противоположного острова и самого острова, ставшего округлым. К нему также добавилось шесть новых островов, самый крупный из которых располагался напротив беседки «Нерастанкино»; и на нем была построена арка-руина («Русалкина арка»).

С середины XIX в. в источниках отмечаются периоды обмеления пруда. Пруд многократно спускали, проводя очистку дна. В то же время его эстетическое значение сменяется «культурно-развлекательным», связанным с расцветом дачного строительства в Царицыно и оживлением парка. В конце XIX в. на пруде строят купальни и спасательную станцию, которые простояли до начала XX в. На некоторых участках в этот период возникают новые параллельные трассы дорожек, пролежавшие ближе к кромке берега, изменившего свою конфигурацию. Ситуация на начало XX в. отражена на детальном плане 1915 г. На нем имеются только два острова: круглый с «Русалкиной аркой» и подквадратный – напротив плотины. На этом же плане изображена спасательная станция, основанная, по письменным данным, в 1881 г. На северо-западной оконечности мыса, где стояла спасательная станция, находился причал. Другой причал располагался на противоположном, западном, берегу пруда, на месте современной лодочной станции. Возле плотины на плане 1915 г. изображены купальни.

План 1932 г. (составлен по материалам съемок 1928–1931 гг.) выполнен с соблюдением современных требований к топографическим картам. На нем даны отметки высот в балтийской системе, а рельеф показан горизонталями. Уровень уреза воды Верхнего Царицынского пруда на этом плане равняется 135,6 м. Спасательная станция и причал возле нее перестали существовать. Планы 1960 и 1982 г. показывают, что уровень воды в пруде колебался в пределах 136,12–136,6 м. Наблюдается некоторое увеличение пруда и смещение береговой линии по сравнению с планом 1932 г. На отдельных участках линия берега сместилась

на 6 м. Это объясняется небольшим подъемом уреза воды, а также земляными работами, ведшимися вдоль береговой линии.

Планы последних 20 лет показывают, что уровень воды в пруде колебался в пределах 136,12–136,6 м. Эти колебания обусловлены главным образом климатическими факторами. Показательны наблюдения 2005 г. Из-за малого количества осенних осадков уровень воды в октябре был на 20 см ниже, чем в июле.

Выбор участков, на которых проводились археологические исследования, определяли задачи поиска и современная ситуация.

Ограничивающими факторами являлись деревья, современные бетонные сооружения – остатки пристаней и дренажных водостоков 1980-х годов. После визуального обследования всего периметра береговой линии с берега и с воды был намечен ход дальнейших работ.

Наибольшее внимание привлекли пять участков, расположенных по периметру Верхнего Царицынского пруда. Первый участок расположен на восточном (правом относительно течения р. Язвенка) берегу пруда под башней-руиной (на плане обозначен «Пруд 1», (рис. 19). Здесь был заложен раскоп 1. Второй участок – «Пруд 2» – находился на противоположном, левом, берегу; здесь был заложен шурф в предположительном месте не существующей ныне Ореховской плотины. Третий участок – мыс, образованный левым берегом р. Язвенка и правым берегом ручья, впадающим в речку. Здесь, на месте нахождения руин мостика через ручей, был заложен шурф 2. Четвертый участок – Русалочий остров, где была разбита траншея, поставлена зачистка на юго-восточном склоне и расчищена часть белокаменного «панциря». Пятый

участок расположен на левом берегу пруда («Пруд 3»), почти напротив раскопа 1.

Раскоп 1 общей площадью 38,5 кв. м размещался на правом берегу Верхнего Царицынского пруда под башней-руиной между современной береговой дорожкой¹¹ и кромкой берега, вплотную к воде. Позже к раскопу 1 с севера была сделана прирезка с целью обнаружения кромки берега пруда начала XIX в. и старинной береговой дорожки. Для уточнения границ пруда строго в 4 м к северу от северо-западного угла раскопа была заложена траншея 1,5 × 7 м, вписанная в единую квадратную сетку раскопа.

Стратиграфия берега, которая может рассматриваться как эталонная, была прослежена в западном борте раскопа 1 (рис. 20). Длина зафиксированного профиля составила 14 м. Дневная поверхность в пределах разреза плавно опускалась с севера на юг от отметки 138,55 до 136,23 (урез воды пруда) и лишь у кромки воды берег круто понижался, образуя уступ с перепадом высот более 40 см на протяжении последних 30 см. Вероятно, такая его форма образовалась за счет волно-прибойной деятельности (береговой абразии). Эту особенность важно отметить для диагностирования погребенной береговой кромки в свите прослоек на других участках разреза. Описание стратиграфии разреза приводится сверху вниз.

Уровень дорожки из щебня («дорожка 2», сооружена в 1980-е годы) равнялся 137,9 м. Поверхность была плотно задернована по обеим сторонам от дорожки. Мощность дерна и гумусового слоя, пронизанного корнями, составляла 4–8 см.

¹¹ До работ 2006 г. береговая дорожка была выполнена из щебня.

Вниз по склону от дорожки под дерном залегала серая супесь со щебнем (шлейф строительства) мощностью до 20 см, постепенно выклинивающаяся вниз по склону (слой 1). Непосредственно к северу от дорожки залегала линза щебня (строительный материал), мощностью до 50 см (слой 1а). Выше по склону от дорожки под дерном залегала прослойка серого влажного суглинка толщиной до 35 см (слой 2). Этот суглинок, видимо, имел делювиальное происхождение (смыт со склона) и перекрывал «дорожку 1», мощеную битым кирпичом в северной части разреза.

«Дорожка 1», судя по особенностям мощения, может быть отнесена к концу XVIII – началу XIX в. Отметки ее поверхности равнялись 138,13–138,27 м. Данная дорожка зафиксирована на планах XIX в., а также планах 1915 и 1932 г. То есть слой 2 накопился после 1932 г.

В сторону берега пруда от дорожки 1 тянулся шлейф ее строительства – суглинок серо-бурого цвета с включениями кирпичной крошки (слой 3). Прослойка залегала почти горизонтально на уровне 138 м.

Серо-бурый, обводненный опесчаненный суглинок толщиной до 80 см (слой 4) залегал под слоем 3 в северной части профиля. Относительно происхождения слоя 4 нет полной ясности. Возможно, это делювий, смытый со склонов. Аналогичная картина наблюдалась в шурфе 2004 г. у подошвы берега под Малым дворцом. С другой стороны, нельзя исключить, что материал слоя 4 мог состоять (хотя бы частично) из выбросов, сделанных при очистке пруда.

Слой 5 был прослежен в южной части профиля. Соотношение со слоем 4 осталось невыясненным из-за разрыва в профиле, возникшего вследствие того, что часть его, находящаяся

под дорожкой 2, не вскрывалась. Он состоял суглинка, сизовато-серого при свежей зачистке, бурого – при окислении на открытом воздухе, оглеенного из-за переувлажненности. В его толще попадались обломки кирпича и белого камня во взвешенном состоянии, стеклянные осколки, целые стеклянные бутылки XIX–XX вв., ракушки двустворчатых моллюсков. Мощность его достигала 50–70 см. Вероятно, слой 5 представлял собой выбросы, образовавшиеся при очистке дна пруда. Он был разделен на две части прослойка песка с включениями темно-серого гумусированного суглинка. Нижняя часть слоя 5 обозначена как 5а. В нем был обнаружен стальной многожильный трос, однозначно указывающий на то, что слой 5а сформировался не ранее середины XX в.

Слой 6 являлся прослойкой светло-желтого, в прибрежной части сизовато-серого, в верхней – сильно ожелезненного песка, мощностью от 3 до 16 см. Возможно, это был прибрежный «пляжный песок», намеренно намытый при благоустройстве второй половины 1950-х годов.

Слой 7 в верхней части представлял собой более темный бурый суглинок с остатками травы и веток (погребенный дерн со следами почвообразования); максимальная мощность – 12 см. В восточной части раскопа слой плавно понижался в сторону пруда и выклинивался в 4 м от современной линии берега. На западном профиле слой 7 понижался параллельно современной дневной поверхности, лишь в северной части раскопа (кв. 1) на расстоянии 2,4 м от современного берега, образуя уступ с перепадом высот от 136,78 до 136,47 м. В слое 7 было сосредоточено большое количество монет 1930–1950-х годов (самая молодая

1956 г.), гильзы, пульки от рогаток и т.п. Уступ слоя 7 по своим морфологическим особенностям точно соответствовал обрыву современной кромки берега пруда. Исходя из этого можно предполагать, что в 1930–1950-е годы он является кромкой берега пруда. В пользу такой интерпретации свидетельствует и наличие белокаменных блоков, залегающих ниже уступа слоя 7. По всей видимости, эти блоки принесены рыбаками для того, чтобы облегчить доступ к воде. Подобные каменные «мостики» можно наблюдать вдоль современной кромки воды.

Слой 8 являлся сизо-серым огленным суглинком толщиной до 68 см, содержащим линзы с черным органомным материалом, включавшими кирпичную крошку, бутылочное стекло, в том числе осколки пивной бутылки 1920–1930-х годов. На основании данных находок можно предположить, что слой 8 сложен выбросами из пруда 1920–1930-х годов.

Слой 9 представлял собой тонкую прослойку бурого суглинка, содержавшего растительный детрит (палки, трава), мощностью 1–2 см. Зафиксирован на уровне 136,25 м в южной части разреза. По-видимому, эта отметка является уровнем прибрежной отмели начала XX в.

Слой 10 – прослойка темно-серого суглинка (гумусовый горизонт погребенной почвы) толщиной до 15 см. Так же как и слой 7, слой 10 образовывал характерный уступ, резко понижаясь с отметки 137,29 до 137,11 м и выклиниваясь. Можно предполагать, что это край берега пруда периода его наиболее высокого уровня на начало XIX в. Важно отметить, что слой 10 образовался на отложениях, формирование которых не связано с деятельностью человека.

Слой 11, подстилавший слой 10, был описан почвоведом А.Л. Александровским (Институт географии РАН) следующим образом. Верхняя часть – горизонт Elg, глубина 60–75 см от поверхности. Сизоватый пятнистый суглинок, слабо оструктуренный. Имеются пятна оглеения белесоватого и буроватого цвета, железистые конкреции. Переход постепенный. Нижняя часть – горизонт ElB, глубина 75–82 см от поверхности. Прокопан до уровня грунтовых вод. Над водой отмечается верхняя часть иллювиальной толщи, представленная бурым с сизоватым оттенком опесчаненным уплотненным суглинком с включениями камней.

Погребенная почва, соответствующая слою 11, может быть классифицирована как дерново-подзолистая на древних делювиальных слоистых отложениях. После того как почва была погребена и подтоплена в результате устройства пруда, в почвенном профиле возникли диагенетические признаки оглеения и переувлажнения (сизые тона, пята оглеения). Изначально, до сооружения прудов, это была нормальная дерново-подзолистая почва лесного генезиса. Возможно, она имела признаки оглеения, но не такие яркие, как в настоящее время. Об этом свидетельствует то, что выше по склону переувлажненность почвенного профиля исчезает, там залегают дерново-подзолистые почвы средней степи увлажнения.

Выявленная в западном борте раскопа 1 стратиграфическая картина в общем виде может быть интерпретирована следующим образом. Прибрежный участок на глубину около 1,5 м сложен прослоями, являющимися чередованием выбросов из пруда, делювиальных смывов и почвенных горизонтов, сформировавшихся на относительно стабильных поверхностях. Характерные

уступы погребенных почвенных горизонтов, прослойки растительного детрита, линзы песка и скопления каменных блоков от руин, перемещенных людьми, маркируют кромку береговой линии, которая неоднократно сдвигалась. Можно выделить три приблизительных уровня уреза воды: 135,5–136; 136,5; 137 м, из которых последний являлся самым ранним (рис. 21). Край берега пруда не имел каких-либо специальных укреплений. Отдельные сваи, обнаруженные в раскопе 1 и рядом с ним, являлись, видимо, опорами мостков.

Важно подчеркнуть, что стратиграфия раскопа свидетельствует о том, что значительные подсыпки были сделаны в начале XX в. Затем последовал период стабильности береговой линии. После 1956 г. были сделаны не менее трех подсыпок грунта, взятого из ложа пруда.

На глубине 30–40 см от поверхности (138,13–138,27 м над ур. б.м.) зафиксирована кирпичная кладка береговой дорожки начала XIX в (рис. 6). Дорожка на вскрытом участке имеет направление с юго-запада на северо-восток, повторяя линию основания склона. В видимой части ее ширина достигала 2,10 м, а внешние края были выложены более крупными фрагментами кирпичей (половинок).

Основываясь на полученных данных, можно предположить, что дорожка с кирпичным мощением, функционировавшая до 1930-х годов, была сооружена еще в конце XVIII – начале XIX в. Материалы раскопок позволяют утверждать, что на участке под башней-руиной вдоль берега имеются следы только одной дорожки с кирпичным мощением (не считая гравийной дорожки 1980-х годов). Признаки ее ремонта или перестройки отсутствуют.

Более детальное рассмотрение стратиграфии дает следующие результаты. По всей видимости, слои 10 и 11 наглядно демонстрировали уровень залегания исходной поверхности в пойменной части долины р. Язвенки до устройства прудов. Резкий уступ слоя 10 также маркирует край пруда в эпоху его высокого стояния на уровне примерно 137 м. Вероятно, этот период можно отнести к началу XIX в. (на основании не очень точных карт этого времени). В то же время нужно отметить, что в начале XX в., судя по плану 1915 г., пруд также имел высокий уровень и почти вплотную подступал к береговой дорожке. Таким образом, можно предполагать, что уступ слоя 10 маркирует берег пруда XIX – начала XX в.

Аналогичная стратиграфия была зафиксирована в шурфе у подножия склона берега между Малым дворцом и Оперным домом в 2004 г. Здесь, на поверхности погребенной почвы, перекрытой делювием, был найден фрагмент венчика сероглиняного горшка XIII в. Исходя из этой находки, можно предполагать, что и на участке под башней-руиной накопление делювия на поверхности погребенной почвы началось в «постдревнерусское» время. Вероятно, это связано с активной хозяйственной деятельностью, в первую очередь с распашкой прибрежных участков берега, активизировавших смыв грунта по склону.

На основании плана 1932 г. можно утверждать, что уровень пруда был существенно понижен – до отметки 135,6 м. Из археологических данных следует, что в 1920-е – начале 1930-х годов пруд чистился, и выбросы откладывались на берег (слой 8). Прибрежная поверхность пруда 1930 – середины 1950-х годов четко прослеживается (слой 7). На ней отложился характерный

набор «пляжных» находок этого времени: потерянные монеты (более трех на 1 кв. м), гильзы, рыболовная блесна, губная помада в медном футляре с клеймом ВТО (Всесоюзное театральное общество), пивные и винные бутылки. Уступ слоя 7 на уровне 136,5 м, маркирующий край берега, не соответствует данным плана 1932 г., где уровень на метр ниже. Это противоречие может объясняться колебаниями уреза воды в 1930–1950-е годы. Важно отметить, что слой 7 не обрывается после уступа, а понижается дальше, раздваиваясь. Это однозначно указывает на колебания уровня пруда. Вероятно, слой 7 понижался как раз до отметок 135,6 м, но эта глубина была недоступна для раскопок 2005 г. Уступ на уровне 136,5 м, скорее всего, сформировался в конце 1940 – начале 1950-х годов.

Сравнение планов 1932 и 1960 г. показывает, что на месте раскопа 1 уровень поверхности берега поднялся примерно на 1 м. Горизонталь 138 м на плане 1960 г. идет почти на месте горизонтали 137 м плана 1932 г. Это в точности соответствует данным археологического разреза. Дневная поверхность начала 1950-х годов (слой 7) примерно на метр ниже поверхности края берега, образовавшейся в результате складирования тут выбросов со дна пруда. Произошли эти изменения в хронологическом интервале 1956–1960 гг.

Мостики и плотины. Как известно из письменных источников, в начале XVIII в. происходит обновление всего паркового ансамбля. На плане Наумова показаны небольшие плотины на реках Язвенке и Черепичке. А в 1804–1807 гг. на этих же местах возводятся более фундаментальные сооружения – Ореховская и Лазаревская плотины. В целях поиска Ореховской плотины на

левом берегу пруда, напротив современного мостика через р. Язвенка, был разбит шурф 1 размером 2 × 2 м, ориентированный по сторонам света. Основываясь на стратиграфическом изучении, профиль шурфа можно охарактеризовать следующим образом (рис. 25). Верхняя пачка (горизонт 1) включала слои 2–6 (2 – темно-серый делювиальный суглинок мощностью до 25 см; 3 – сизовато-серый, с небольшими железистыми включениями суглинок, видимо, погребенная почва; 4 – слой щебенки; 5 – тонкий прослой с кирпичной крошкой; 6 – бурый или сизо-серый суглинок), мощностью около 40 см. В слое второй погребенной почвы (слой 6) зафиксировано большинство находок этого горизонта, в том числе медная полушка 1735 г. Кроме этого в верхнем горизонте были найдены фрагменты оконного стекла, поливная керамика, гильза, грубая красноглиняная и сероглиняная керамика XIII–XIV вв., белоглиняная керамика XVI–XVII вв.

Горизонт 2 соответствует слою 7, то есть сизо-бурому, буреющему книзу суглинку, который можно интерпретировать как лесную дерново-подзолистую почву. В северной части шурфа в этом прослое зафиксированы отдельные угольки, а в юго-западном углу – развал кирпичей, среди которых найден фрагмент кирпича с клеймом «ГД», кровельная черепица с лимонно-желтой поливой («золотая черепица» В.И. Баженова). Обломки кирпичей из основания темно-серой супеси (целых нет) имели следующие размеры: 13 × 6; 13 × 5,5; 12,5 × 4,5; 11,5 × 5; 13 × 6,5 см. Часть кирпичей была вымазана известковым раствором, некоторые имели следы сажи на поверхности.

Горизонт 3 соответствует слоям 8–9 и является строительным. К индивидуальным находкам относится профилированный

кирпич. Среди массовых находок обломки кирпичей, часть которых со следами копоти, несколько фрагментов чернолощеной керамики, зафиксированной в южной части шурфа, кости животных, в том числе зуб свиньи, оконное стекло, фрагмент фаянсовой тарелки. Размеры кирпичей представлены следующими показателями: 13,5 × 5,5; 13 × 5; 12,5 × 6; 10 × 6; 14 × 6; 13 × 6,5 см.

Горизонту 4 соответствует слой 10 (погребенная почва 3). На контакте слоев 9 и 10 был обнаружен единственный фрагмент древнерусской керамики, а в нижней части почвы еще два мелких фрагмента керамики. На дне шурфа на глубине 139 см от поверхности зафиксированы полигональные трещины, связанные с усыханием и растрескиванием почвенного слоя (рис. 25). Находок на этом уровне и ниже не обнаружено.

Обобщая полученные данные, нужно отметить, что, несмотря на отсутствие следов самой Ореховской плотины в изученном шурфе, он дал ценную информацию. Как выяснилось в ходе работ, шурф 1 попал не на дамбу плотины, а на ненарушенную часть берега. Обнаруженная погребенная почва 3 представляла собой дерново-подзолистую лесную с гумусовым горизонтом повышенной мощности (до 20 см). То есть можно предположить, что луговая почва наложилась на лесную. Наличие керамики XII–XIII вв. в этой почве позволяет рассматривать место заложения шурфа как зону активного хозяйственного освоения. Само поселение располагалось примерно в 200 м от этого места выше по рельефу (селище Царицыно-2). Также в шурфе на глубине 50 см от современной поверхности был вскрыт горизонт со строительными остатками XVIII в., характер находок из которого позволяет

думать, что где-то рядом располагалась каменная постройка, следов которой пока не обнаружено.

Довольно надежным ориентиром при соотнесении картографических данных с ныне существующим ландшафтом служит ручей (левый приток р. Язвенка). На левом берегу ручья, судя по картам, стояло каменное строение птичника. К началу XIX в. в приустьевой части этого ручья накопились делювиальные отложения, и уровень русла стал немного выше. Поэтому приустьевая часть оказалась подтопленной, образовав небольшой заливчик, через который, по данным исторических источников, был перекинут каменный мостик. При визуальном обследовании места предполагаемого нахождения мостика были обнаружены его руины: край «гротескового камня» (термин, употреблявшийся в документах XVIII–XIX вв., связанных с постройками в Царицыно) (рис. 24). Камень, поросший мхом, лежал к северу от современной дорожки, ведущей к мостику. После расчистки стало ясно, что склон берега ручья маркируют блоки и гротесковый камень. На месте обнаружения руин был заложен шурф 2. В самой южной части шурфа зафиксирована вертикально вбитая деревянная свая, а на юго-востоке от нее – доска-горбыль. Примечательной особенностью стратиграфии шурфа является слой извести с бело-каменной крошкой, примыкавший к каменному блоку (рис. 24). Свая, входившая в конструкцию моста, была вкопана (вбита?) в слой серо-сизой глины.

Таким образом, шурф 2 возле руин мостика через ручей, расположенный выше Ореховской плотины, подтвердил его существование, дал информацию о конструкции этого сооружения и о положении уреза воды в верхней части пруда. Были обнаружены

фундаменты опоры мостика, сложенные из крупных каменных блоков, лежащих на известковой забутовке. Ближе к руслу ручья фундамент укреплялся деревянными сваями, впущенными в поверхность глины, уровень которой примерно фиксирует отметки уреза воды (около 137,5 м). Эти археологические данные хорошо соответствуют данным картографических источников. Следовательно, перепад воды на шлюзе Ореховской плотины в начале XIX в. составлял 0,5–1 м.

Была произведена попытка отыскать следы мостика через ручей, впадающий в пруд ниже Русалочьего острова и выше Лазаревской плотины (рис. 24, 25). Осмотр современной поверхности результатов не дал, за исключением единственного кирпича в корнях липы рядом с современной тропинкой на левом борту оврага. Небольшая расчистка вокруг кирпича выявила желоб, сложенный из трех рядов кирпичей, идущий вдоль дорожки из битого кирпича. Следуя направлению дорожки, которая спускалась к пруду вдоль склона и поворачивала к руслу ручья, был заложен небольшой зондаж 90 × 90 см. Находки залегали на глубине до 50 см от поверхности и датировались второй половиной XX в. Среди них были осколки зеленого бутыльного стекла, фрагменты тонкого прозрачного стека, фаянса, неопределимый железный предмет и пр. В основании зачистки было обнаружено бревно; около северо-западной стенки в слое серо-коричневой супеси с кирпичной крошкой найдено чугунное ядро небольшого калибра – полфунта (рис. 27). Аналогичное ядро было найдено в прудовых выбросах при работах 2003 г. на склоне под Третьим Кавалерским корпусом. Вероятно, на берегу пруда в XVIII в. устраивались пушечные салюты.

Зондаж, заложенный в устьевой зоне ручья, дал результаты весьма сходные с вышеописанными. К сожалению, фундаментов каменного мостика, показанного на планах, найти не удалось. Зато наблюдения над стратиграфией отложений дали важную информацию: верхние 50 см составляли делювиальные отложения конца XIX – XX в. Под ними была относительно тонкая прослойка песка, а еще ниже – серо-сизая глина с включением черных органических прослоек, видимо, прудовые отложения. Максимальный уровень уреза воды, по данным этого шурфа мог равняться 137,35 м, что хорошо соотносится с результатами изучения стратиграфии раскопа 1, расположенного на противоположном берегу.

Исследование острова. Согласно историческим сведениям в начале XIX в. к существовавшему ранее острову добавилось еще шесть новых. На острове с руинами («Русалкина арка») (рис. 22) проводился ряд работ по изучению его строения и оформления, а также для получения данных о колебаниях уровня пруда. В этих целях в юго-западной его части была заложена траншея примерно 3,5 × 1 м (юго-западная граница траншеи соответствует обрезу берега), а также произведена небольшая зачистка, врезанная в крутой южный склон острова. При осмотре острова на северо-западном его склоне, обращенном к берегу пруда (дворцовая сторона), были обнаружены видимые на поверхности, покрытые мхом, частично заросшие травой и древесной порослью белокаменные блоки, образовывавшие некогда своеобразный белокаменный «панцирь» (рис. 23). На противоположном склоне следов подобного панциря не было. У края берега острова по всему его периметру прослеживался земляной вал. Кроме этого было зафиксировано несколько групп и одиночно стоящих свай,

часть которых находилась на береговой кромке, а часть – в воде. Нужно заметить, что наибольшее количество свай обнаружено в западной части острова, а на северной и южной оконечностях они отсутствовали совсем.

При работах на острове с руинами арки наиболее информативной оказалась траншея 1, заложенная поперек вала. Ее стратиграфия показала, что вал по периметру берега острова является поздней насыпью, сложенной из выбросов со дна пруда. Толщина выбросов достигала 1 м, под ними залегала слабо развитая погребенная почва (рис. 23), на поверхности которой были найдены стеклянные бутылки выпуска 1956 г. Эта почва сформировалась на искусственной насыпи, содержащей строительный мусор XIX в. Вероятно, это первичная насыпь острова. Судя по профилям стенок шурфа, в 1956 г. размеры острова были немного увеличены – диаметр стал больше примерно на 2 м. Новый край берега был выдвинут в сторону воды на 1 м дальше, чем берег, существовавший до 1956 г. Край этого берега, существовавшего до насыпки отвала 1956 г., фиксировался очень четко.

Общая форма острова с руинами арки, судя по сохранившимся сваям и картам, изменилась мало. Главное изменение рельефа острова – формирование кольцевого вала по периметру берега в результате выбросов земли при очистке пруда. Помимо этого, в XX в. произошло обрушение арки и заплывание землей каменной облицовки склонов, выполненных из дикого камня (известняка). Таким образом, на основе полученных данных уровень уреза воды на XIX – первую половину XX в. может быть определен с высокой степенью точности – около 136,5 м.

Этот вывод хорошо согласуется с материалами раскопа 1, расположенного на берегу под башней-руиной.

Пристани. На «Генеральном плане усадьбы «Царицыно» с парком, прудом и прилежащими землями», который приблизительно датируется первой третью XIX в., показаны каменные и деревянные пристани. Деревянных пристаней показано шесть, а каменных – три. Об облике пристаней можно судить по рисунку Стакельберга, опубликованному в книге М.И. Пыляева «Старая Москва». Изображение пристаней на рисунке соответствует описи 1859 г. Пристани имеют каменные тумбы и деревянные перила, некоторые перекладыны перил, судя по рисунку, утрачены. Остатки одной из пристаней, отмеченных на плане, были осмотрены после понижения уровня воды поздней осенью 2005 г. Пристань располагалась напротив круглого острова с аркой, в 40 м к северо-западу от него. Сохранились сваи опор пристани и остатки горизонтальных бревен между ними. Место пристани было покрыто кирпичным боем, происходящим, вероятно, от разрушенных перил. На месте пристани были найдены старинные щипчики для сахара.

Нижний Царицынский пруд. Исследования, проводившиеся Институтом археологии РАН, коснулись и прибрежной зоны Нижнего Царицынского пруда. Этот пруд является средним в системе трех прудов (Верхний Царицынский, Нижний Царицынский, Борисовский). Судя по документам, он появился вслед за Борисовским. Первое его упоминание в источниках относится к 1666 г.

Наибольшее внимание прудовому хозяйству уделялось в период с 1683 по 1689 г., когда Черная Грязь (Богородское) находилась во владении молодого князя А.В. Голицына, сына знаменитого

В.В. Голицына. В этот период была построена новая каменно-земляная плотина с мельницей, мельничным амбаром и мельничным двором. На мельнице Шипиловской плотины мололи зерно.

Покупка в 1775 г. усадьбы Царицыно императрицей Екатериной II повлекла за собой преобразования всего дворцового ансамбля, включая и Нижний Царицынский пруд. По проекту архитектора К. Бланка была реконструирована Шипиловская плотина, а рядом с ней возведено каменное здание мельницы. В 1785 г., как следует из записки управителя села Царицыно В.Я. Карачинского, Шипиловский пруд был вычищен и углублен. В результате, как видно на планах конца XVIII – начала XIX в., конфигурация пруда изменилась и стала близка к современной, а за счет вынутой из Шипиловского пруда земли, по всей вероятности, был создан отмеченный на этих же планах остров «Подкова».

В последующие годы на протяжении XIX в. дно пруда неоднократно чистилось, происходил ремонт Шипиловской плотины.

В конце XIX – начале XX в., в так называемый «дачный» период истории Царицыно, на левом берегу Шипиловского пруда, недалеко от Царицынской плотины, на месте бывшей церковной земли была застроена дачная местность под названием «Поповка». В 1980-е годы Шипиловский (Развилотатый, Нижний Царицынский) пруд претерпел некоторые изменения: его северо-западная часть, находившаяся у железнодорожной станции Москворечье, была частично засыпана. Через пруд проложили дамбу и мост, связывающие микрорайоны Царицыно (Ленино) и Орехово-Борисово; поперек Нижнего Царицынского пруда прошла линия метро к станции «Орехово».

Имеется серия карт, в том числе карты Генерального межевания 1766 г., изображающих Нижний Царицынский пруд. Из планов XVIII–XIX вв. к наиболее качественным можно отнести планы 1775 г., «план Наумова», съемку военно-топографического депо 1839 г. Сравнение этих планов показывает присутствие многочисленных различий в контурах береговой линии. Большинство из них объясняется неточностями съемки.

На картах 1932, 1951 и 1978 гг. урез воды в пруде показан на отметке 132 м в балтийской системе высот. На съемке 1989 г. урез показан на уровне 132,80 м. На съемке 1990-х годов – 132,90 м. Современный план фиксирует урез воды на уровне 132,35 м.

Сопоставление данных промеров отметок дна пруда с космическим снимком 2002 г. позволяет предполагать, что в 2002 г. пруд обмелел, и отметка уреза воды находилась на уровне 131,6 м.

Сопоставление планов с данными опросов показывает, что современный остров-подкова¹² является весьма приблизительной реконструкцией острова XIX в., выполненной в 1980-х годах.

Сратиграфия берега Нижнего Царицынского пруда была исследована траншеей № 4, располагавшейся под Третьим Кавалерским корпусом (рис. 26). Длина траншеи равнялась 24, ширина – 1 м. Склон в этом месте имеет два уступа, напоминающие искусственные террасы XVIII в. под Малым дворцом. Траншея была разбита перпендикулярно линии берега и включала оба уступа. Ее северо-восточный угол находится в 36,5 м к юго-западу от юго-западного угла Третьего Кавалерского корпуса. Дневная поверхность на месте траншеи понижалась на 7 м с северо-востока

на юго-запад. Раскопки проводились на двух участках траншеи размером 8 × 1 м каждый. Под слабо выраженным дерном находилась современная почва (слой 1), представляющая собой буровато-светло-серую слабо гумусированную супесь (ближе к суглинку) с включениями кирпичной, белокаменной и известковой крошки, а также современного бытового мусора. Ее толщина составляет около 10–15 см. Под ней залегал светло-бурый, местами серовато-светло-бурый однородный мелкокомковатый тяжелый суглинок с включениями кирпичной, белокаменной и известковой крошки (слой 2), толщина которого колебалась в пределах 12–70 см. В нем содержалось большое количество предметов второй половины XX в.: обломки кирпича, бетона, асфальта, шифера, куски каменного угля, осколки стекла, металлические предметы (обрезки труб, проволока, болты, гвозди), обрывки резины и кожаной обуви. В их числе стоит отметить юбилейный рубль «XX лет Победы» 1965 г. Там же найдены предметы более раннего времени, находившиеся в переотложенном состоянии: обломки кирпича и белого камня периода сооружения дворцового комплекса, обломки «золотой» черепицы, венчик белоглиняного сосуда XVII в. Ниже залегал пестрый, в основном серовато-светло-бурый, неоднородный по составу крупнокомковатый ожелезненный тяжелый суглинок, пронизанный трещинами в разных направлениях (слой 3). Он содержал крупные и мелкие куски переотложенного серовато-палевого подзола (в основном в верхней части), речные двустворчатые раковины и их обломки, а также незначительное количество мелких кусочков каменного угля (в том числе ошлакованных), кирпичной и известковой крошки.

¹² В статье описывается ситуация на 2005 г. до проведения полной реконструкции парка.

Непосредственно под слоем 2 залегал пестрый светло-бурый, местами серовато-светло-бурый неоднородный по составу слабо ожелезненный тяжелый суглинок (слой 4) с теми же включениями, что и в слое 3. На его поверхности лежала прослойка белесого мелкозернистого песка толщиной до 2–3 см. В слоях 3 и 4 встречались предметы середины – второй половины XX в.: обломки кирпича и железобетона (слой 4), железные предметы (в том числе обрезки труб, проволока, гвозди), бутылочное стекло, обломки слабо разложившихся досок (слой 4). В слое 3 найдены пивные бутылки с клеймами 1931 и 1951 г. Там же были обнаружены предметы более раннего времени, находившиеся в переотложенном состоянии: чугунное ядро, костяное кольцо, две железные лодочные уключины XVIII–XIX вв. (рис. 28), медная винтовочная гильза 1918 г., керамика и обломки изразцов второй половины XIX – начала XX в., горлышко бутылки XVIII – начала XIX в., осколки бутылки из-под «Трехгорного» пива конца XIX – начала XX в., пластмассовая вставная челюсть первой половины XX в. Кроме того, в слое 4 в небольшом количестве найден строительный мусор периода сооружения дворцового комплекса (обломки кирпича, белого камня, шестигранной керамической плитки пола).

Ниже залегала сизовато-темно-серая плотная сильно оглеенная и ожелезненная глина с включениями речных двустворчатых раковин и их обломков (слой 5). Как и в слое 4, в ней встречались крупные обломки слабо разложившейся древесины, в основном досок. Под этим слоем залегал мокрый серовато-темно-бурый сильно гумусированный и оторфованный суглинок, переходивший в западной части в коричневатую-темно-бурый сильно

разложившийся торф (слой 6). На поверхности слоя находилась тонкая прослойка слабо разложившегося зеленоватого мха. В этом слое были найдены проволока и осколки стеклянного флакона из-под одеколона с пластмассовой крышкой середины – третьей четверти XX в. Частично из слоя выступали крупные обломки кирпича XVIII–XIX вв. Дальнейшее углубление траншеи было невозможно из-за накопления грунтовых вод и начавшегося обрушения стенок.

Из полученного материала можно заключить, что слои 2–5 представляют собой мощную искусственную подсыпку, толщина которой составляла около 170–330 см, значительно увеличиваясь к краю коренного берега. По-видимому, большая часть грунта, использованного для подсыпки, была взята со дна Нижнего Царицынского пруда и в районе уреза воды. Это подтверждается ожелезненностью слоев, присутствием в их составе речных раковин и такими находками, как лодочные уключины. Слой 5, несомненно, является переотложенным донным грунтом. Меньшая часть грунта (слой 2, частично слой 3) перемещена с площадки коренного берега. Подсыпка совершалась либо в один этап в 1965 – начале 1970-х годов (датировка слоя 2), либо в два этапа (слои 3–5 могли быть насыпаны и в 1950-х – начале 1960-х годов). В результате был сформирован современный рельеф склона коренного берега к западу и юго-западу от Третьего Кавалерского корпуса. Предшествующая подсыпке дневная поверхность, совпадающая с поверхностью слоя 6, сохранялась практически неизменной в течение XIX – середины XX в., когда на месте нижней части склона находился внешний край почти плоской заболоченной поймы.

Таким образом, было установлено, что уступы в районе Третьего Кавалерского корпуса оказались сложенными из мусора XX в. и навалов грунта, взятого с берега пруда. Они не имеют ничего общего с искусственными террасами XVIII в. под Малым дворцом.

Южнее траншеи 4 была заложена траншея 3, в которой была выявлена береговая дорожка XIX в. Важно отметить, что обнаружение береговой дорожки позволило наложить план 1816 г. на современную топосъемку (1986 г.). Совмещение двух планов (проведено путем наложения контуров Третьего Кавалерского корпуса) показало совпадение места дорожки, указанной на плане 1816 г., с археологическими данными. Учитывая неизбежную некоторую погрешность совмещения планов начала XIX и конца XX в., можно заключить, что зеркало современного Нижнего Царицынского пруда по восточной береговой линии сократилось на 7–25 м по сравнению с линией пруда начала XIX в.

Эти выводы подтверждаются данными, полученными при раскопках траншеи 4, в которой на глубине 1,75–3,3 м зафиксирован слой торфа (отметки в балтийской системе высот 133,11–133,49), содержащий находки XIX в.

Вероятно, нижними квадратами траншеи 4 был вскрыт заболоченный край берега пруда. Место вскрытия слоя торфа в траншее 4 удалено от современной границы пруда по линии запад-восток более чем на 40 м, а от предположительной граница пруда на начало XIX в. примерно на 20 м.

На сводном плане также отмечается почти полное совпадение горизонтали, проведенной рядом с отметкой на уровне 133,48 м от уровня Балтийского моря, с границей пруда на плане 1816 г. (северная часть приведенных планов). Эта отметка почти идеально

совпадает с верхним уровнем слоя торфа, зафиксированного в траншее 4 (133,49) и позволяет примерно определить уровень воды Нижнего Царицынского пруда на начало XIX в. в районе 133,5 м от уровня Балтийского моря, то есть примерно на 0,6 м выше по сравнению с уровнем воды на 1986 г.

Рельеф правого берега пруда несет явные следы изменений, вызванные многолетней хозяйственной деятельностью. Склон и прибрежную часть нужно рассматривать как ценный памятник исторического ландшафта. Эта территория очень перспективна для обнаружения новых археологических памятников. Здесь обнаружен целый ряд отдельных находок, территория требует тщательных систематических исследований.

При впадении в Нижний Царицынский пруд оврага, идущего мимо Церкви Богородицы Живоносный Источник, располагается существующий и поныне родник. Памятник обозначен на топографической карте окрестностей Москвы 1852 г. как колодец.

Кладбище, появившееся в конце XVIII в., расположено на восточном высоком берегу пруда к югу от бывшего села Царицыно.

Обследования береговой линии показали, что на мысу, образованном слиянием двух оврагов (Большой и Малый), на северной окраине бывшего села Царицыно под напашью мощностью до 90 см наблюдается концентрация пещины и фрагментов древнерусской керамики XII–XIII вв., дающая основания для предположения о расположении на данной территории селища.

Отдельный объект для изучения представляла каменная трехарочная Шипиловская плотина, построенная в 70-е годы XVI–

XVII в. Строительство было начато архитектором К.И. Бланком, а в 1779 г. руководство строительством было передано М.Ф. Казакову. Ранее в ансамбль плотины входила и водяная мельница, построенная в виде башни. Ее фундамент легко прослеживается и в наши дни. На архитектурном чертеже первой половины XIX в. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 156) плотина именуется «Каменный мост со шлюзами и с мельницею на Царицынских водах».

Определенный интерес как элемент современной городской культуры также представляет кладбище домашних животных, располагающееся в самом начале лесозащитной полосы Старого Каширского шоссе, в 250 м к югу от Шипиловской плотины. Стихийно образованное захоронение собак, кошек, хомячков существовало с 1995 по 2005 г. и было представлено различного типа надгробиями, как самодельными, так и фабричного производства. Кладбище спланировано в ходе работ по благоустройству территории, примыкающей к музею-заповеднику Царицыно, в 2005 г.

Выводы. Изучение берегового ландшафта Царицынских прудов представляло собой комплексное исследование, охватившее значительное число разнородных объектов: пристани, мостики, береговые дорожки, плотины и элементы берегоукрепления, отбор образцов для спорово-пыльцевого анализа. Сведение всей полученной информации воедино позволяет получить достаточно полную картину «жизни» пруда, его развития и обустройства.

В результате археологических исследований удалось выявить археологические признаки кромки берега пруда (крутой уступ погребенной почвы, линзы песка и растительного детрита). Анализ стратиграфии разрезов позволил реконструировать изменения уровней уреза воды в обоих исследованных водоемах.

Полученные результаты увязываются в единую систему. В начале XIX в. уровень воды в обоих прудах был почти на метр выше современного. В последующие два столетия наблюдались колебания уровня воды в пределах около 1,5 м. В составе прибрежных отложений большое значение имеют выбросы грунта, взятого при очистке пруда. Накопление этих выбросов обусловило изменения формы береговой линии и микрорельефа.

Наиболее полные данные получены для Верхнего Царицынского пруда. Исследования прибрежной зоны на восточном берегу и возле истоков пруда дают детальное представление о динамике процесса формирования антропогенных отложений у кромки берега пруда. Край современного восточного берега сформировали выбросы земли (глины), взятой из ложа пруда. Важно подчеркнуть, что стратиграфия шурфа в истоках пруда свидетельствует о том, что значительные подсыпки были сделаны около середины (?) XIX в. Затем последовал период длительной (около 100 лет) стабильности береговой линии. Значительные земляные работы были произведены в интервале 1956–1960 гг. (помимо археологических данных о них ничего не было известно). Таким образом, в краевой прибрежной зоне были сформированы глиняные напластования. В результате этого антропогенного изменения рельефа край восточного берега пруда сместился на несколько метров. Поверхность прибрежной части пляжа в настоящее время гораздо выше поверхности пятидесятилетней давности. Под субсовременными отложениями сохранились более ранние уровни дневной поверхности кромки берега пруда.

На отдельных участках под прудовыми выбросами сохранилась поверхность почвы «естественного» берега долин

запруженных рек. К этим уровням привязаны находки, свидетельствующие о хозяйственном освоении территории в XII–XIII вв.

Несмотря на относительно небольшую площадь археологических шурфов, в них удалось обнаружить представительную серию находок, характеризующих «культуру отдыха на прудах» XIX–XX вв. Данные раскопок на берегу пруда и согласующиеся с ними литературные тексты позволяют представить довольно яркую картину поведения граждан советского времени.

ВЫПИСКИ ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ
«ЦАРИЦЫНСКИЕ ОГНИ» К ГАЗЕТЕ «ЛЕНИНЕЦ»¹³

Дневник участкового

В течение рабочей недели на Царицынских прудах отмечена повышенная активность со стороны гражданского населения.

Понедельник 10 июля 1959 г. на пляже Царицынских прудов был задержан гражданин Тананикин В.С., стрелявший из пистолета по воронам. По его словам, они с приятелями делают это не первый раз. Фамилии приятелей назвать отказался. При задержании было изъято оружие. Гражданин Тананикин В.С. находился в нетрезвом виде, о чем свидетельствовала бутылка трехгорного пива в руках и еще две пустые обнаружены на месте задержания.

Вторник 11 июля 1959 г. неизвестными лицами был избит комсомолец Бобков Н.В. Нападавшие с места преступления скрылись.

Среда 12 июля 1959 г. На месте преступления задержаны гражданин Корнаков В.С. и гражданин Шаламов Н.А. (без определенного рода занятий), пытавшиеся ограбить гражданку Сизову Е.М. (без определенного рода занятий). По словам гражданки Сизовой Е.М. у нее было украдено: деньги (мелочь, точное количество указать затрудняется), губная помада, перстень, кулон с неопределенным красным камнем (*рис. 3*). Однако при обыске задержанных этих вещей обнаружено не было.

¹³ Собраны К.Е. Агеевой.

Четверг 13 июля 1959 г. Оштрафована гражданка Кузьмина Н.Д. за поощрение антиобщественного поведения сына Кузьмина Димы, ученика 3 «А» класса школы № 548, который на общественном пляже расстреливал из рогатки алюминиевыми пулями пустые бутылки.

Пятница 14 июля 1959 г. Задержан и направлен в вытрезвитель гражданин Лобанов И.С., за употребление крепких спиртных напитков в общественном месте. В качестве оправдания выдвигался аргумент: замерз при ловле рыбы в пруду.

Наблюдения юнната

Сначала пришли двое. Он – с комсомольским значком на груди, который второпях забыл снять, она – с ярко накрашенными губами и с кулоном на шее. Он нервничал, хватал ее за руки, пытался неловко обнять, царапая значком. Она отбивалась и хотела. Ей было скучно с ним. Ей нравились пожилые мужчины, которые танцевали с ней в ресторане, отвозили ее домой и, поколебавшись, оставались на ночь. Этот, поворачиваясь к ней спиной, долго считал мелочь и купил ей бутылку пива. От пива она отказалась, он выпил его сам большими глотками, от которых ходил под неприятной белой в пупырышках кожей острый кадык. Она красила губы, глядя на него в зеркальце.

Эти двое, которые вышли на пляж, курили дорогие сигареты. Они пили пиво, но уже были пьяны. Не боясь испачкать брюк, сели на землю. Комсомолец нервничал, и все время поглядывал в их сторону. Она подошла как по ниточке. Села на досочку рядом и легко смеялась их шуткам.

Они были пьяные, но их было двое. Они били его, даже когда он упал на землю и прикрывал голову руками. Она смеялась

и смеялась. Они ушли, вместе с ней, обиженной и раздосадованной за потерянный кулон с красным камнем.

Комсомолец вымыл в воде лицо, потянул, теряя оставшуюся мелочь, из кармана платок, вытер лицо. Потерянный значок его почти не расстроил. Дома был еще один. Он сидел на берегу и ни о чем не думал. Ушел, когда пришли рыбаки на вечерний клев.

Она пришла на пляж после работы, сидела сняв босоножки, отдыхала. Сын бегал тут же. Он не присаживался ни на секунду. Залез по колено в воду и оттуда кричал ей что-то. Она не слышала и не вслушивалась. Достала из сумочки «патрончик» с помадой. Зеркальце куда-то затерялось. Она смотрела на сына и думала о своем. Столбик ярко красной помады, которую она выкрутила, обломился и упал на землю. Он немного прокатился и остановился, облепленный веточками и крошками земли. В тюбике осталось совсем немного, кусок с неровным краем. Она нерешительно провела по губам, пытаясь разглядеть себя в пряжке сумки.

Окликнула сына. Он не слышал ее, мастера что-то из всего, что он нашел на берегу. Бутылки стояли генералами, у их «ног» толпились «военные» попроще – гильзы. В своей армии мальчик был сам и генерал и солдат. Присев за каменным блоком, он отдавал команды и из рогатки стрелял по надутым «генералам», один осел и повалился на бок.

Они ушли с пляжа, куда никто не пришел, оставив на месте своего поражения тюбик с остатками помады и поредевший ряд бутылок.

VIII. КАПИЩЕ ОБЩИНЫ «КОЛЯДА ВЯТИЧЕЙ»

Понимание археологического памятника не может быть полным без изучения всей истории его формирования. В естественных науках, например в почвоведении, используется термин «диагенетические изменения», при этом подразумеваются трансформации слоя (объекта), произошедшие после его формирования и погребения. Хотя в археологии складывается иная ситуация, некоторое сходство с почвоведением есть. Культовые памятники, например английские «хенджи» или насыпи погребальных курганов, имеют, как правило, сложную «пульсирующую» историю. Зброшенный курган, подобно потухшему вулкану, начинающему функционировать после длительного перерыва, спустя столетия и даже тысячелетия принимает новых усопших. Забытые святилища в какой-то момент вновь начинают новую жизнь, и так повторяется многократно.

Таким образом, последствия деятельности современных язычников на курганной группе в Царицыно, с одной стороны, можно рассматривать как «диагенетические изменения» археологического памятника XII в. С другой – как новый этап формирования памятника. Только будущее покажет, что будет представлять больший интерес для археологов следующего столетия: погребения XII в., языческое капище XXI в. или и то и другое в равной степени.

Археологу, исследующему археологический памятник в «момент затишья», может показаться, что он находится один на один с третьего, объектом исследования. На самом деле это не так. Археологический памятник (например, курган) «встроен» в современную жизнь, используется и осознается различными группами населения по-разному. При этом до какого-то момента заинтересованность людей почти не заметна, что не означает ее отсутствия (Кренке Н.А., 1995).

В этом отношении характерны высказывания наших информаторов, записанные в с. Царицыно в 1990 г. На вопрос о том, что они знают о курганах, были получены любопытные ответы. Необходимо подчеркнуть, что большая часть опрошенных местных жителей знала о существовании курганов, что, бесспорно, доказывает «значимость» последних. Характерно, что местные жители переосмыслили возраст курганов, «приближая» их к своему времени. Типичен ответ, что курганы – это «французские могилы», а иногда даже «колчаковские»! Спустя многие десятилетия после сноса курганов в памяти людей сохранялись мелкие детали этих объектов. Помнили, какой растительностью они были покрыты. Курганы регулярно посещали. Через 50 лет после событий люди припоминали такие, казалось бы малозначительные, высказывания и факты: *«на курганы лучше не пойдем лошадей гнать, лучше в овраг... курганы заросли орешником... на курганы пацанами ходили дикий лук собирать»* (В.А. Антонюк, 1931 г.р.). *«С курганов в Орешкове у кладбища катались вниз на лыжах до войны... в Орешково другие приезжали, копались, что-то нашли, мы не интересовались... У Марии Казориной на кургане козу украли»* (П.Б. Демидов, 1924 г.р.).

В XX в. очень широко распространяются представления о многослойном устройстве мира, подобии составляющих слоев, существующих, словно матрешки, один в другом. Следствием этого являются поиски мест соприкосновения, порталов. Эта тема активно разрабатывалась в литературе и кино в различных жанрах. Желая верить в то, что переход из одной реальности в другую возможен, становится все больше. Одно из проявлений этих умонастроений – стремление «возродить», «реконструировать» прошлое. Естественно, что взор людей, ставящих перед собой подобные цели, обращается на археологические памятники. Это явление глобального тренда современной культуры. Посещение Стоун-Хенджа в 1999 г. мне запомнилось звуком свистка и криком запыхавшейся женщины – полицейской. Поинтересовавшись, в чем дело, я узнал, что современные почитатели Стоун-Хенджа незаконно пробрались за изгородь, чтобы совершать свои обряды. «Сейчас их выдворят, и вы пойдете смотреть музей», – сказала мне блюстительница порядка. В 1998 г. на севере Камчатки в пос. Ковран мне довелось видеть, как в ходе обряда очищения Алхалалалай, возрожденного исключительно по книжкам и интуиции лидеров общины, ительмены устанавливали идола-хантая, сделанного из телеграфного столба. В то же время жители этого аборигенного поселка, многие из которых имеют высшее образование, проявляли большой интерес к археологическим памятникам, собственно говоря, именно их «социальный заказ» мотивировал проведение археологических исследований. Таким образом, можно сказать, что археология и «реконструкция» идут рука об руку.

В парке Царицыно, как и в других местах Подмосковья, происходит то же самое. Вполне закономерно появление людей,

которые, не без помощи трудов ученых, «вдруг» осознали свое тождество с предками и с головой окунулись в реконструкцию, стремясь стереть грань между прошлым и настоящим. И лучше всего это делать на курганах, символизирующих соприкосновение двух миров – мертвых и живых. В Москве и Подмосковье процесс языческого возрождения и «освоения» язычниками археологических памятников активизировался во второй половине 1990-х годов, развиваясь далее по нарастающей. В 2006 г., например, на городище Боровский курган в Раменском районе появилось хорошо обустроенное капище с идолом и пояснительной табличкой с надписью, выполненной из нержавеющей стали (рис. 34).

На первый взгляд «книжная», языческая¹⁴ реконструкция может восприниматься как недостойная научного изучения и описания, поскольку является вторичной. Тем не менее подобные явления уже не раз происходили. Попытки вернуться к «своим» богам – это поведенческий архетип, который не могут полностью вытеснить мировые религии. В момент трансформации общества религиозные искания проявляются более ярко. В каком-то смысле наблюдается определенная параллель в процессах, происходивших в Древней Руси в первые века становления христианства и в России 1990-х годах, когда православие стало восстанавливать свое влияние после снятия идеологических запретов на религию. Для обеих эпох характерно «двоеверие». Конечно, «пропорции»

¹⁴ Я подчеркиваю этим словом, что языческая традиция в Подмосковье не является прямым продолжением архаических верований местного населения, а восходит к книгам (об этом, кстати, пишет сам Н.Н. Сперанский, он же волхв Велимир, лидер языческой общины «Коляда вятичей»). В России есть места, где современные языческие моления на археологических памятниках имеют непрерывную традицию, восходящую к Средневековью. Такие примеры известны в Удмуртии (Останина Т.И., 2002. С. 3; Шутова Н.И., 2001).

компонентов двоеверия XII и XX в. разные, но черты сходства есть. Вышесказанное заставляет более внимательно отнестись к современным язычникам. Кроме того, есть и археологический аргумент. Люди железного века ставили свои святилища на священных местах людей бронзового века. Потом остатки и тех и других изучали археологи.

Современные язычники вторгаются в археологические памятники и заявляют на них свои права (например, московские язычники выдвигают «наивные» предложения в адрес властей, чтобы землю с курганами отдали им в собственность). Наверное, не будет корректным ставить вопрос ребром: бороться или изучать. Мне ближе последний подход, хотя английская полициейская, оберегающая культурное наследие «для всех», тоже по своему права. Следует ли ждать тысячу лет, чтобы потом заняться описанием столбовых ям неизвестного происхождения?

Настоящая заметка посвящена описанию современного языческого капища возле древнерусских курганов в Царицынском парке (рис. 30, 31). Наблюдения проводились три раза: осенью 2002, осенью 2004 и весной 2007 г.

Прежде всего представим свидетельства об объекте, распространенные самими его создателями. Их можно найти на персональном сайте Николая Сперанского velimir.ru и сайте «Содружества природной веры "Славия"».

История капища представлена на этих сайтах в следующем виде. Создание капища произошло 14 июня 1995 г. в результате деятельности активистов «Эколого-культурного центра "Царицыно"». Тогда были установлены два идола, высеченные Н.Н. Сперанским (волхв Велимир) из стволов поваленных во время урагана деревьев.

Идолы посвящены богам Велесу – властителю царства мертвых и женскому божеству Ладе, в честь женщин, добровольно принявших смерть вслед за своими мужьями (именно так объясняют значение идолов их создатели. – Н.К.). Создание капища произошло одновременно с созданием общества «Вятичи». Несколько позже установлен идол Дажьбогу – богу солнечного света, прародителю (члены общины считают славян «Дажьбожьими внуками» вслед за автором «Слова о полку Игореве»).

В 1997 г. произошло объединение двух обществ «Коляда» и «Вятичи» в одно: «Коляда Вятичей». Ритуалы на капище справляли члены этой объединенной общины.

Начиная с 2001 г. царицынский комплекс могильных курганов стал предметом заботы уже трех официально зарегистрированных языческих групп: «Коляда Вятичей» (лидеры: Алексей Потапов и Николай Сперанский); «Родолубие» (лидер Илья Черкасов); «Содружества природной веры "Славия"» (лидер Дионис Георгис).

24 марта 2002 г. в день заключительного праздничного обряда Маслены на капище произошло подписание «Битцевского договора», провозгласившего создание «Совета Круга Языческой Традиции» и его основные принципы.

8 ноября 2002 г. – частичное разрушение капища воинствующими христианами (сожжение идола Дажьбога, осквернение идолов Лады и Велеса)

14 декабря 2003 г. – установлен вновь созданный идол Лады (изготовлена Велимиром)

11 января 2004 г. – установлена новая статуя Дажьбога (изготовлена Велимиром).

Из текстов и фотографий, размещенных на сайтах, можно понять, что во время обрядов, проводившихся на капище, разжигался костер. Вокруг идолов водились хороводы.

Приведем теперь наблюдения археолога. При первом посещении капища 1 октября 2002 г. была зафиксирована следующая ситуация.

Комплекс располагался в 10–20 м к западу от курганной группы на почти ровной площадке на месте разреженного паркового липового леса (рис. 29). Рядом с идолами пролегает тропа к роднику в овраге, по которой постоянно ходят люди. В комплекс входило три столба-идола, изображавших языческих богов, перед всеми идолами имелись жертвенники, сделанные из вертикально установленных коротких бревен высотой чуть менее 1 м. Идолы стояли как бы в углах треугольника, длина сторон которого равнялась 10, 15 и 20 м. Лица идолов были обращены к центру треугольника, где прослеживалось углистое пятно от костра.

Рассмотрим каждый элемент капища в отдельности. Крайнюю восточную позицию занимала фигура женского божества, обращенная лицом на северо-запад. Столб, из которого был изготовлен идол, имел диаметр около 40 см в основании и высоту 3 м. Следы ямы, в которую был впущен столб, на поверхности почти не читались. Поскольку столб стоял прочно, можно думать, что глубина ямы была не менее 0,7 м. Лицом идол был обращен на северо-запад. Он имел подчеркнутые женские половые признаки – груди. Женская фигура была изображена одетой в длинное платье с поясом на уровне талии. Вышивку платья на подоле и манжетах передавала резьба (мотив ромбов). Углубленные линии

резьбы были подчеркнуты красной краской. Ворот платья (или шейное украшение гривна?), были также переданы резьбой и красной краской в углублениях. Пальцы правой руки, поднятой к груди, сжимали колечко (пряслице?), левая – была опущена вниз, кисть, пальцами вниз, находилась ниже живота (рис. 33). Лицо имело грубые черты, выделены нос, глаза, сжатые пухлые губы, подбородок. На голове находилась шапка, напоминающая шапки славянских каменных идолов. Спереди на поверхности идола имелись подпалины. Некоторые места (груди, рука) имели свежие сколы. Создавалось впечатление, что кто-то пытался «осквернить» идол. Примерно в двух метрах к северо-западу от идола, перед его лицом, стоял жертвенник – чурбан высотой около 1 м с фигурным верхом, напоминающим балясину. На стороне, обращенной к центру капища, вырезано процветшее дерево. На поверхности жертвенника имелись подпалины.

В 10 м к западу от идола женского божества стоял второй идол, очевидно, посвященный Велесу. Его высота была равна 3 м, диаметр столба – 0,35 м. Лицо обращено на северо-восток. Фигура изображена в длинной одежде с поясом, на голове шапка. Правая рука согнута в локте, кисть опущена пальцами вниз и закрывает пояс. Левая рука согнута, кисть изображена на уровне груди, ладонью вверх, держит чашу. В нижней части столба (на подоле верхней одежды) резьбой передана стилизация древнерусского изображения зверя в лентах орнаментального плетения. Ноги идола видны из-под верхней одежды, обозначены ступни. Лицо вырезано довольно тщательно. Выделены глаза, нос, открытый рот, усы и закругленная снизу борода до груди. В «тело» идола заколочены многочисленные гвозди. Причем в

пояс и руку, держащую чашу, заколочены старинные кованые гвозди (рис. 32).

Перед идолом – жертвенник в виде балясины. В верхней части жертвенника на стороне, обращенной к «зрителю», вырезана голова быка, сходная с изображениями на радимических подвесках (рис. 33). Возможно, автор взял за образец рисунок из книги Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А., 1987. Рис. 118*). Идол имел подпалины в основании столба и возле чаши, а также на плечах. По характеру расположения подпалин можно предполагать, что на плечи идола клали горящий венок (?).

Третий идол, самый северный, изображает Дажьбога. Высота идола была чуть меньше 3 м. Лицом он был обращен на юго-восток. Голова в шапке. Лицо хорошо проработано. У идола короткая борода. Выделен пояс, в основании столба с передней стороны нанесен геометрический орнамент, передающий украшение подола одежды. На груди вырезаны подвески-лучи, расходящиеся от шеи. На животе – солярный символ (круг с лучами), который обхватывают руки идола (правая сверху, левая – снизу). Перед идолом на расстоянии около 2 м находился жертвенник.

В центре капища напротив жертвенника у идола Велеса прослеживалось под опавшей листвой большое кострище диаметром около 5 м. Это кострище отличалось от многочисленных кострищ, оставшихся от пикников (такие есть на участке курганной группы Царицыно-4), тем, что рядом не было бревен и подкладок для сидения, отсутствовал мусор.

В 100 м к северо-западу от капища стоял еще один столб, обмотанный пожарным шлангом. На столбе отчетливо прослеживалась отметина от удара ногой. Судя по всему, этот

столб («столб каратистов») являлся «тренажером» для людей, занимавшихся боевыми искусствами.

Очевидно, в период 2003–2007 гг., после частичного разрушения и последовавшего восстановления, капище «функционировало», как и раньше. 15 марта 2007 г. при осмотре были зафиксированные следующие особенности. Идол женского божества установлен на прежнем месте и ориентирован лицом на северо-запад. Высота столба 2,55 м, диаметр 0,35 м. Идол накренился, поскольку был вкопан недостаточно глубоко. От первоначальной статуя отличалась отсутствием пояса и более высокой шапкой. Руки располагались так же как и у сожженного идола. Аналогичны и орнаментальные мотивы на одежде, но не прослеживаются следы красной краски. На плечах и груди изваяния, а также в основании столба прослеживались подпалины. Особенностью идола (как и всех других) было большое количество намеренно забитых в него гвоздей. Гвозди (современные тянущие размером около 100 мм) были забиты в пальцы обеих рук, груди, шею и т.д.

Перед идолом на расстоянии 1,5 м стоит жертвенник в виде вкопанного простого чурбана высотой 1,1 м, диаметром 0,35 м. На обращенной к зрителю стороне воспроизведено изображение процветшего дерева аналогичное изображению на утраченном жертвеннике. За образец, по всей видимости, была взята резьба Дмитриевского собора во Владимире (*Археология СССР..., 1997. Табл. 112, поз. 13*). На жертвеннике лежали два свежих куса хлеба, орешки миндаля в надорванной упаковке, и стоял огарок свечи.

Идол Велеса сохранился в первоначальном виде. На плече сзади фломастером написано «Слава Триглаву». Перед идолом на расстоянии 1 м стоит жертвенник – вкопанный чурбан высотой 1,4 м, диаметром

0,3 м. На лицевой стороне, обращенной к зрителю, грубо вырезано изображение головы быка. Основание жертвенника обгорело. На жертвеннике лежат хлеб и орешки, рядом с ним – клубок ниток, пластиковые стаканчики, искусственные цветы.

Идол Дажьбога также установлен практически на прежнем месте. Его высота – 3 м, диаметр столба – 0,4 м. По форме идол близко повторяет утраченный. Шапка немного выше, лицо проработано менее тщательно. Пояс едва намечен. В бока, шею, руки идола вбиты гвозди, заколоченные по самую шляпку. На плечах идола подпалины. Перед идолом, на расстоянии 1,5 м, находился жертвенник, сделанный наиболее художественно из всех трех. В верхней части его опоясывает вырезанная рельефно линия плетеного орнамента. В нижней части на лицевой стороне вырезан солнечный символ (круг с лучами) диаметром около 7 см. На жертвеннике лежало два куска хлеба, пакетик от орешков, низка бус, рядом валялись искусственные цветы. В центре капища имела проталина со следами костра.

«Столб каратистов» был в 2006 г. уже повален и превращен в место для сидения во время пикников.

Подводя итоги, можно сказать, что капище располагается не в укромном месте, а на регулярно посещаемом людьми участке. Вероятно, его создатели намеренно стремились быть замеченными (в парке имеются другие курганные группы, находящиеся в гораздо более укромных уголках). Этой цели устроители капища, безусловно, добились. Оно притягивает к себе взоры проходящих мимо людей, а многие прохожие с любопытством подходят вплотную к идолам. Вокруг идолов продолжается обычная парковая жизнь, полностью игнорирующая капище. Рядом с курганами

посетители парка устраивают пикники, занимаются спортом, идут за водой на родник.

Обряды язычников на капище происходят относительно регулярно. Об этом свидетельствуют следы приношений, оставленных на жертвенниках. Случайные очевидцы, в том числе сотрудники конной милиции, также говорят о том, что язычники продолжают совершать свои обряды. Существенное место в обрядах занимает огонь. Это следует из текстов самих язычников, размещенных в Интернете, а также из следов на земле и подпалинах на идолах. Судя по подпалинам, огонь разжигался у основания столбов, горящие венки, водружались на плечи идолов. При этом осуществляется тщательный контроль за тем, чтобы идолы не загорелись всерьез.

Если смотреть на царицынское капище глазами археолога, можно предположить, какой из него получится археологический памятник. На участке 10 × 20 м концентрируются три группы столбовых ям диаметром около 40–50 см и глубиной несколько более. Каждое из скоплений ям, в свою очередь, распадается на две группы. В заполнении столбовых ям имеются фрагменты угольков. В районе концентрации столбовых ям и в центре участка между скоплениями ям – углистое пятно. Это пятно отличается от кострищ пикников малым количеством бытового мусора и очажных камней. Места концентрации столбовых ям усеяны крупными гвоздями различных типов – тянутых и кованых. Следует отметить, что в просмотренных мной текстах язычников, про гвозди ничего не упоминалось. Видимо, гвозди были забиты в идолы еще при их создании. То есть гвозди – это какой-то важный смысловой элемент изваяний. В районе капища нет больших завалов мусора,

бутылок, но довольно много разнообразных мелких находок. Среди них особенно следует выделить те, что могут относиться к обрядам – бусы, искусственные цветы, стаканчики.

В целом можно надеяться, что будущие археологи, раскопав место капища, и без дополнительных подсказок смогут определить, что имеют дело с культовым объектом. Однако следует отметить, что при более широких раскопках были бы обнаружены сходные следы (столбовые ямы большого диаметра и кострища рядом), которые могли бы заставить археологов воздержаться от однозначных интерпретаций. Сомнения могли бы вызвать скопления гвоздей, которые обычно встречаются в деревянных постройках.

В целом можно отметить, что пока не найдены какие-либо археологические подтверждения существования возле подмосковных курганных групп культовых объектов XII в. подобных капищу, созданному активистами общества «Коляда Вятчей» в 1995 г. В древнерусское время ландшафт этого уголка парка заметно отличался от современного. Он был более окультуренным и менее «романтичным». Рядом с курганами в 70 м ниже по склону стояли жилые дома поселения (селище Царицыно-4), вокруг простирались поля. Возможно, какие-то языческие обряды происходили при совершении захоронений в курганах и последующем поминовении усопших. При этом следует помнить о том, что согласно новейшим исследованиям (*Макаров Н.А.*, в печати) сельское население Подмосковья в XII–XIII вв. уже приняло крещение, так что назвать людей, похороненных в курганах, язычниками будет неверным. Это подтверждают находки христианской пластики (нательного креста)

при раскопках 2006 г. поселения XII–XIII вв. возле Борисовской плотины рядом с Царицыно.

Современное капище возле курганов продолжает давно прерванную традицию и знаменует новый виток в эволюции семантики этой «фокусной» точки исторического ландшафта, когда «сакральное» опять стало играть здесь доминирующую роль.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Чернов С.З., 1989. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогеосистем // Памятниковедение: Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. М. Вып. 1.

Алексеев А.Н., 1996. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск.

Артемьев А.Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток.

Артемьев А.Р., 2005. Археологические исследования русских памятников нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // РА. № 1.

Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005.

Археология позднего периода истории. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1.

Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Баранова А.А., 2005. Поселок Ленино // Музей-заповедник Царицыно: Дворцовый ансамбль, парк, коллекции. М.

Боброва А.И., 1984. Погребения XVII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.

Боброва А.И., 2004. Нателные кресты Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. М. № 4.

Василий Иванович Баженов. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы. М., 2001.

Векслер А.Г., 2006. Спасательная археология Москвы. М.

Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988. Московские клады. М.

Векслер А.Г., Пирогов В.Ю., 2001. Археологические исследования в Лефортовском парке // Русская усадьба. М. Вып. 8.

Галанин А.А., Смирнов В.Н., Глушкова О.Ю., 2006. Происхождение и возраст петроглифов оленей в окрестностях г. Магадана // Неолит и палеометалл севера Дальнего Востока. Магадан.

Гоков А.В., 1989. К изучению материальной культуры русского населения Камчатки (по раскопкам города Нижне-Камчатска XVIII–XIX вв. на реке Радуге) // Камчатский областной краеведческий музей. Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский. Вып. 6.

Дэвлет М.А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.

Егорычев В.В., 1998. Литературная Царицыниана // *Сергеев И.Н.* Царицыно. Суханово. Люди, события, факты. М.

Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., 2003. Археологические раскопки

на земляных террасах Константиновского дворца // Реконструкция Константиновского дворца. СПб.

Иоаннисян О.М., Торшин Е.Н., Жерве А.В., Френкель Я.В., 2002. Архитектурно-археологические исследования на территории Государственного Эрмитажа // Археологические открытия 2001 г. М.

Клюев Н., 1990. Разруха (1934 г.) // Клюев Н. Песнослов. Петрозаводск.

Кренке Н.А., 1995. Археологические памятники Подмосковья в контексте культуры XV–XX вв. // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М.

Ладыченко А.О., 2004. Медальоны московского воспитательного дома // Коломенское. Материалы и исследования. М. Вып. 8.

Макаров Н.А., в печати. Язычество и христианство // Археология севернорусской деревни. Т. 3.

Молодин В.И., 2002. Кресты-тельники Сибири как объект научного исследования // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.

Мурашко О.А., Кренке Н.А., 2001. Культура аборигенов Обдорского севера в XIX в. М.

Останина Т.И., 2002. Кузеевское городище. Ижевск.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Сергеев И.Н., 2006. Царицыно. Подмосковье. М.

Холмогоровы В. и Г., 1892. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. М. Вып. 8: Пехрянская десятина (Московского уезда).

Черная М.П., 2002. Томский Кремль середины XVII–XVIII вв. Томск.

Черная М.П., 2007. Русский город Сибири конца XVI–XVIII вв. в археолого-исторической перспективе. Новосибирск. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.

Чернов С.З., 2005. Сакральная топография Московской Руси в устной крестьянской традиции: освящение кладбища // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. М. Т. 3.

Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. Ижевск.

Шутова Н.И., 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск.

Barker P., 1977. Techniques of archaeological excavation. New York.

Binford L.R., 1978. Nunamiut Ethnoarchaeology. New York.

Faustino de Carvalho A., Zilhao J., Aubry T., 1996. Coa Valley: Rock Art and Prehistory. Lisboa.

Macdonald N., 2001. The Graffiti Subculture. Youth, Masculinity and Identity in London and New York. New York.

Yellen J.E., 1977. Archaeological approaches to the present. New York.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВТО – Всесоюзное театральное общество
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
(Москва)
РА – Российская археология (Москва)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
(Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив
(СПб.)
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
(Москва)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

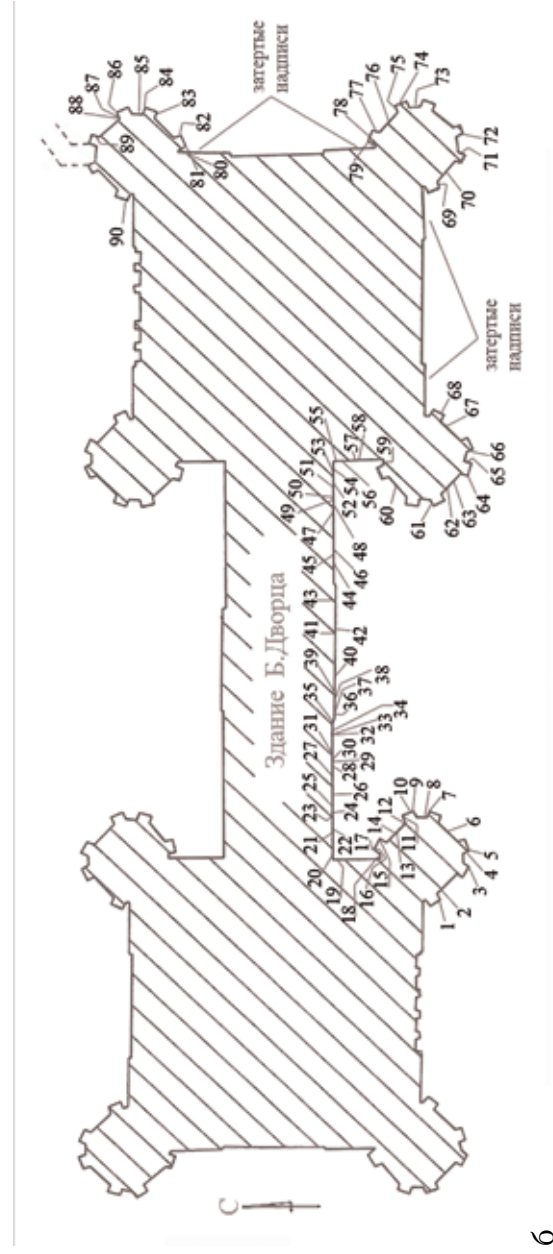
Рис. 1. Карандаш, вставленный в гильзу. Раскоп 1 возле Большого дворца

Рис. 2. Фрагменты медных ободков от зенитных снарядов и пульки от детских самострелов

Рис. 3. Помада ВТО и подвеска-кулон со стеклянной вставкой. Раскоп 1 на берегу пруда под башней-руиной

а

б

Рис. 4. Южный фасад Большого дворца перед реконструкцией (а);
план дворца (б) с нанесением мест надписей (номера соответствуют каталогу)

Рис. 5. Надписи на южной стене Большого дворца в Царицыно (номера соответствуют каталогу)

Рис. 6. Надписи на южной стене Большого дворца в Царицыно (номера соответствуют каталогу)

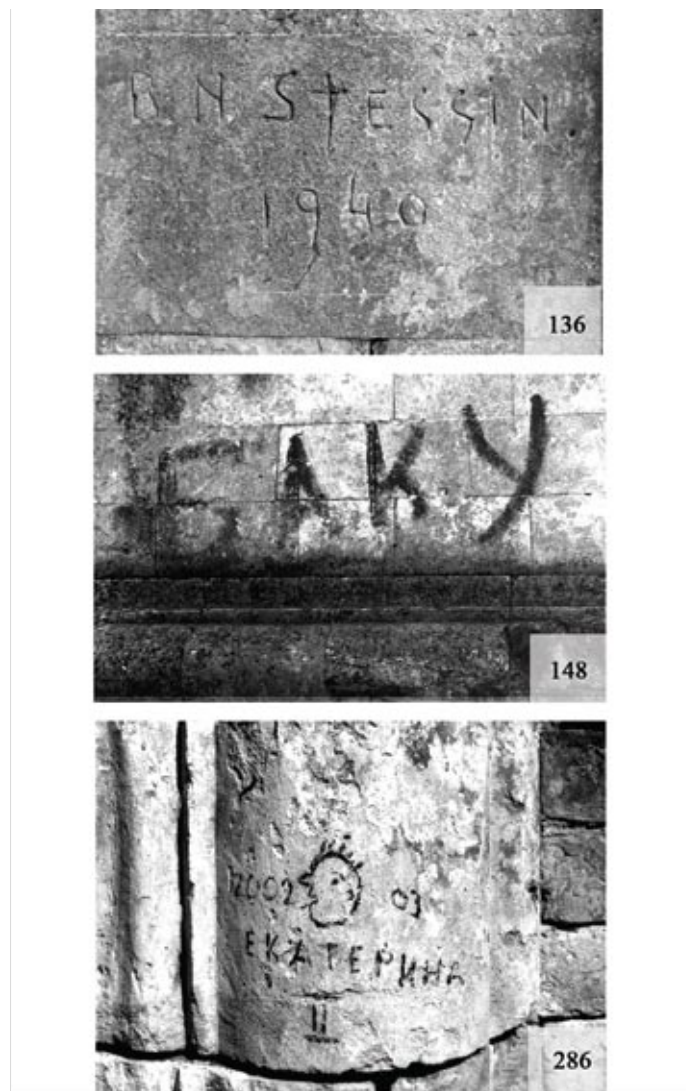

Рис. 7. Надписи на южной и восточной стенах Большого дворца в Царицыно (номера соответствуют каталогу)

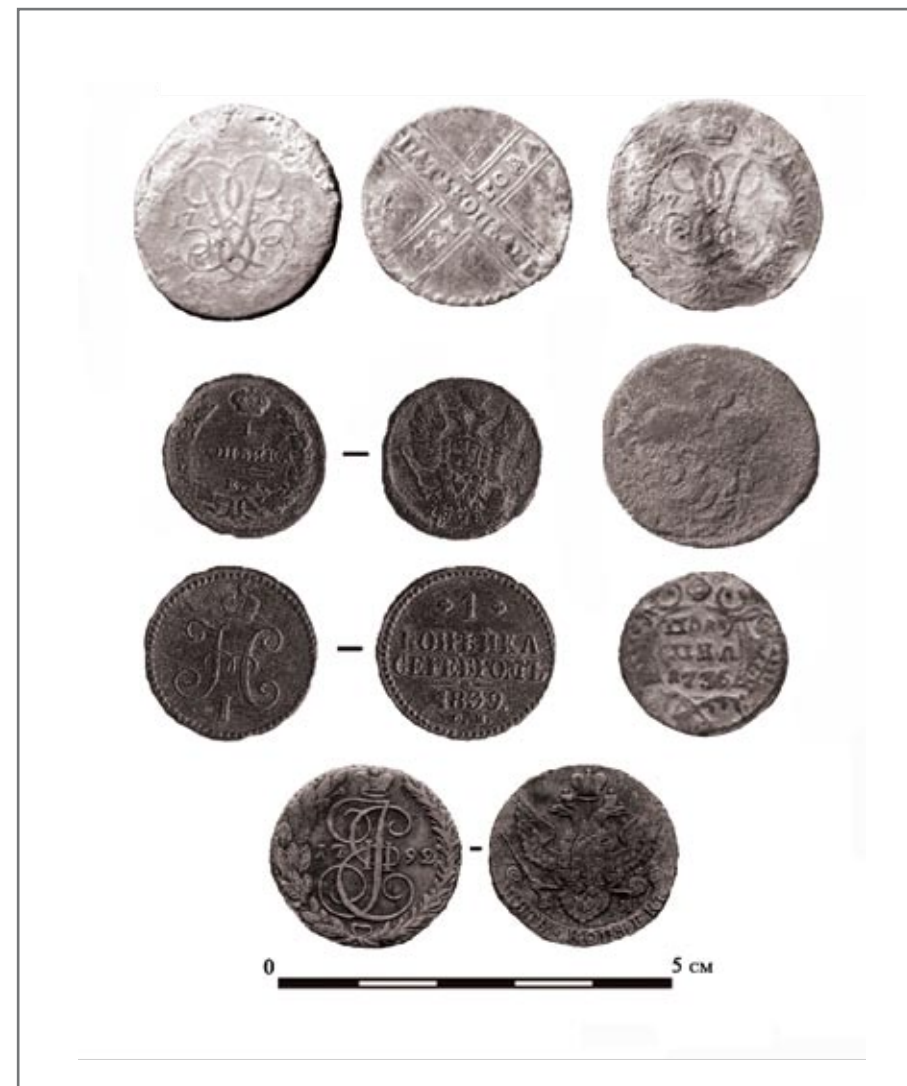

Рис. 8. Медные монеты XVIII–XIX вв. из раскопок в Царицыно

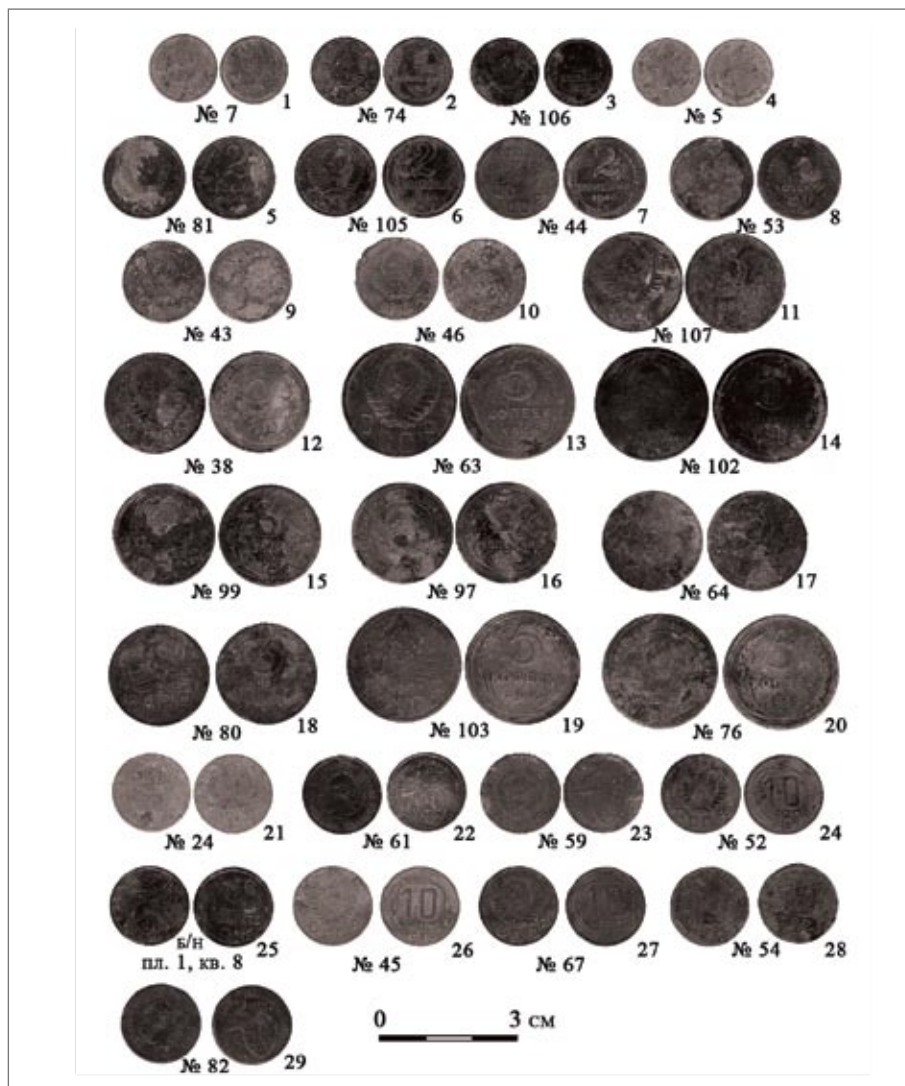

Рис. 9. Монеты советского периода из раскопок в Царицыно

Рис. 10. Монеты советского периода из раскопок в Царицыно

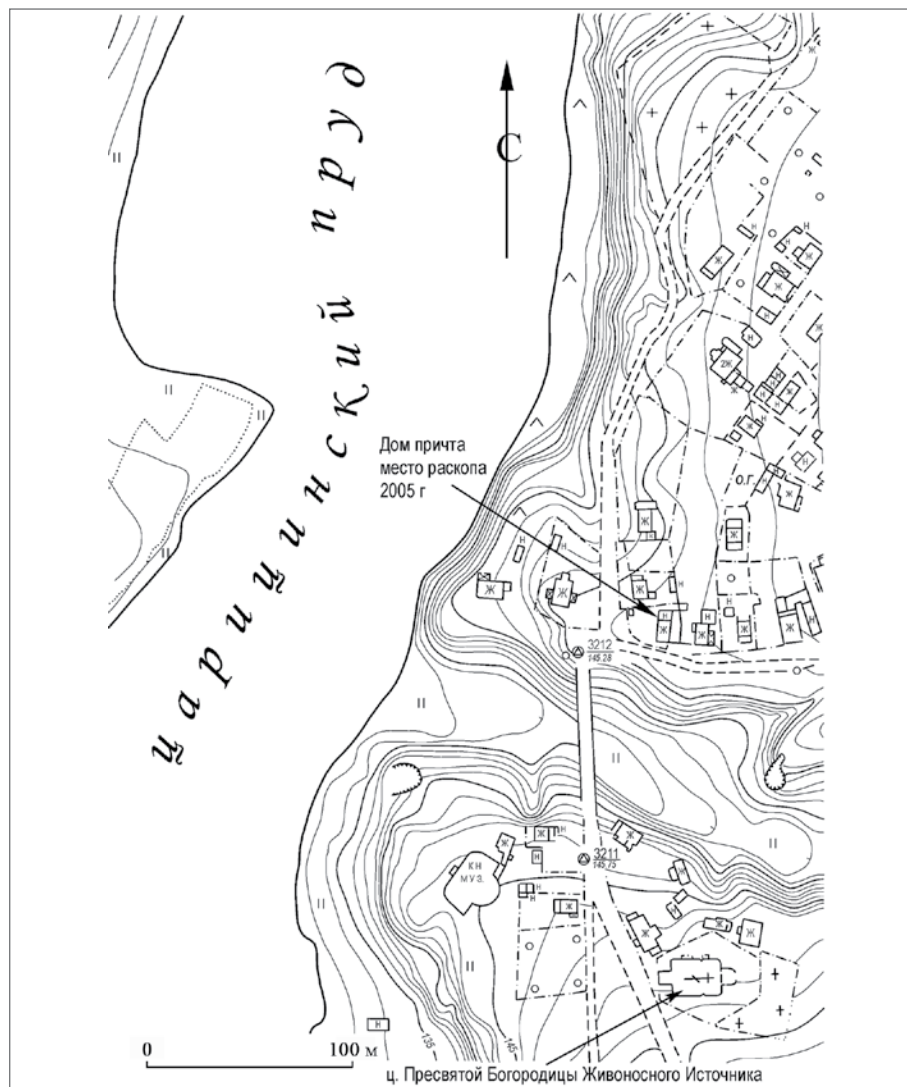

Рис. 11. План северной части комплекса «Царицыно» и Нижнего Царицынского пруда 1932 г. с нанесением места раскопа 2005 г. в районе домов причта

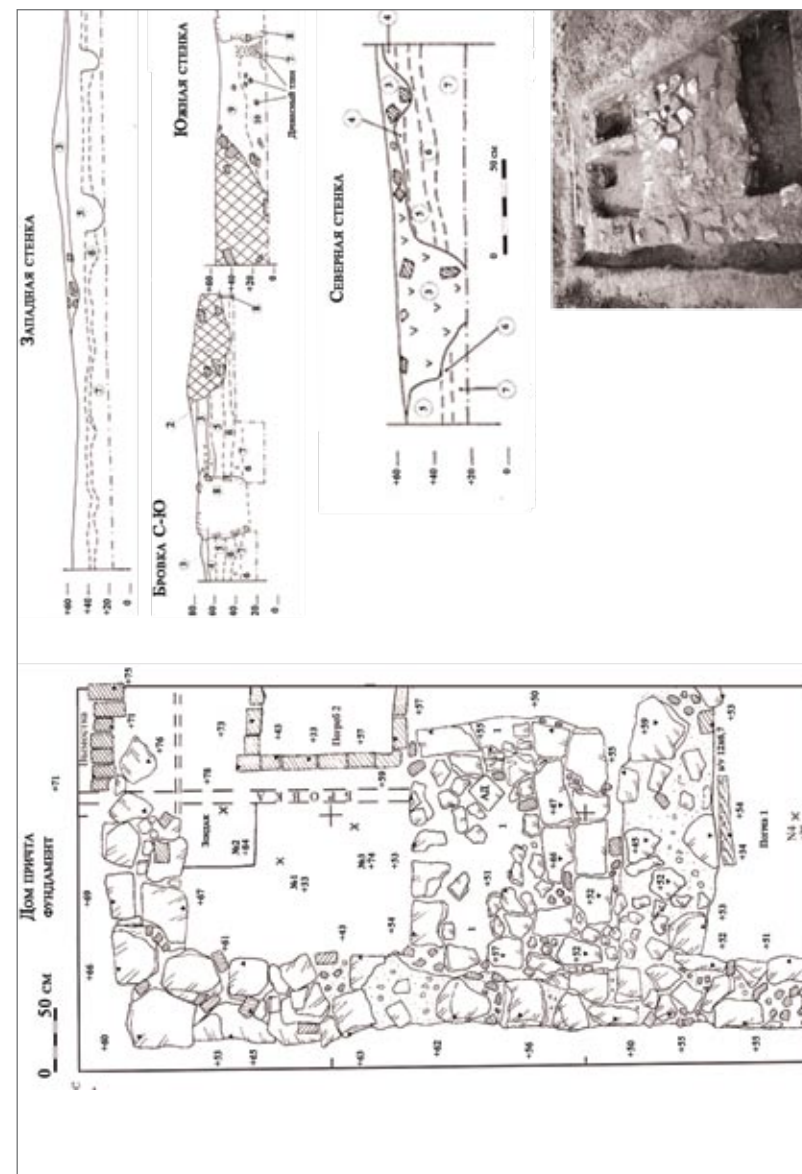

Рис. 12. Чертежи и фотография раскопа 2005 г. в районе домов причта в заовой части «Царицыно»

Рис. 13. Находки из дома причта: костяная вилка, чернильница-непроливайка, аптечный пузырек, фарфоровая фигурка

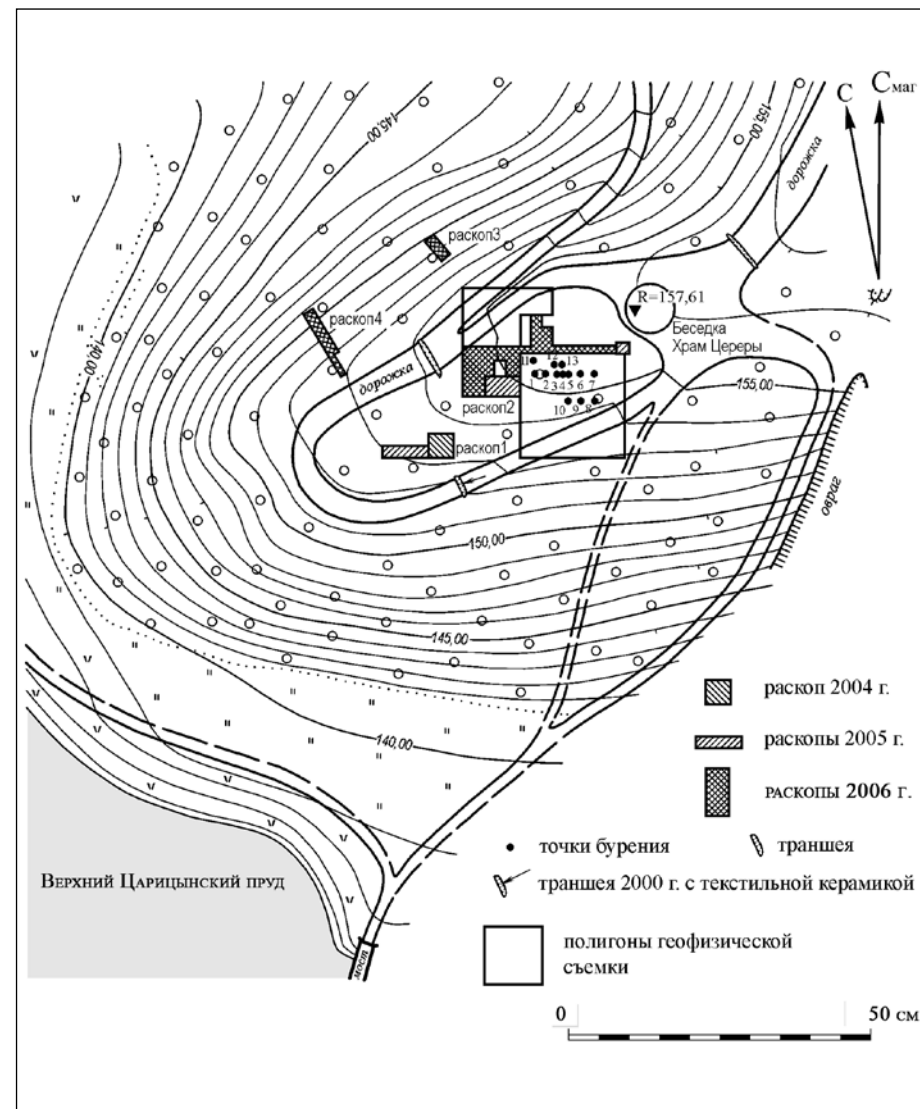

Рис. 14. План поселения Царицыно-1 (Церера) с нанесением мест раскопов 2004–2006 гг.

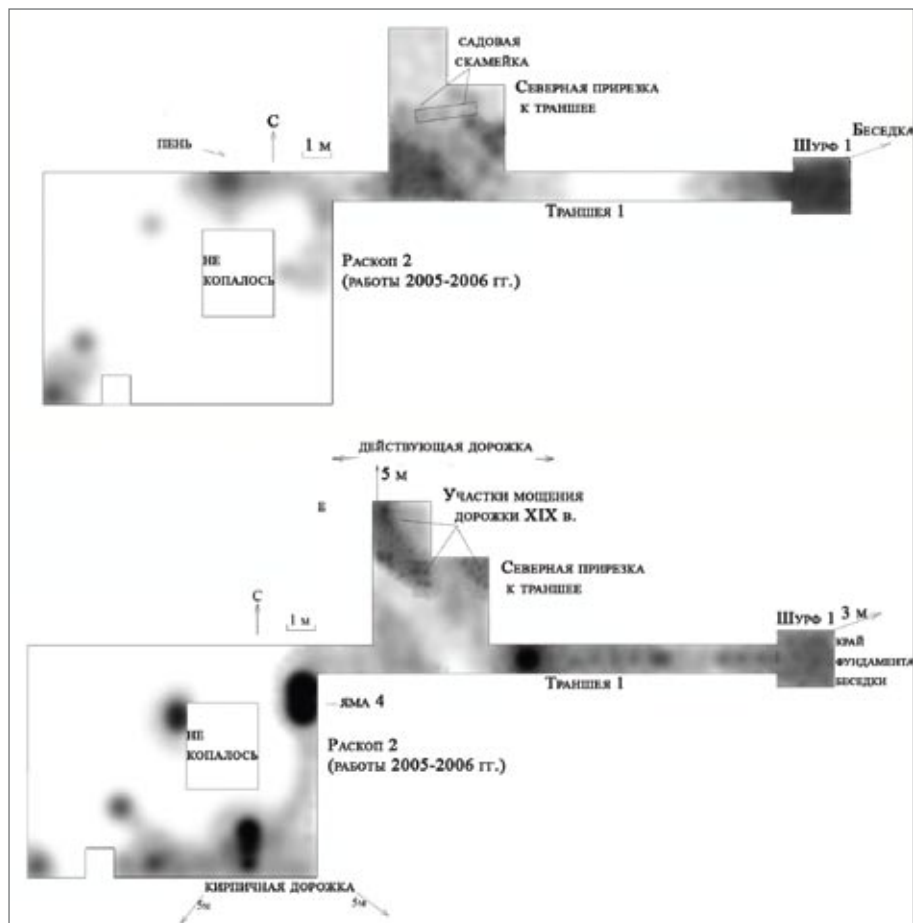

Рис. 15. План раскопа 2 на поселении Царицыно-1 (Церера) с нанесением плотности находок битого стекла (вверху) и фрагментов кирпича (внизу)

Рис. 16. Фрагменты стеклянных бутылок XX в. из раскопок в Царицыно

Рис. 17. Крышки водочных и пивных бутылок и банок из шурфа 1 2004 г. под Малым дворцом; крышка банки от рыбных консервов Пярнуского рыбокомбината из заполнения межевой ямы XVIII в. на территории селища Царицыно-3

Рис. 18. Гильзы от ружейных и пистолетных патронов из раскопок в Царицыно

Рис. 19. План Верхнего Царицынского пруда с нанесением мест раскопов 2005 г.

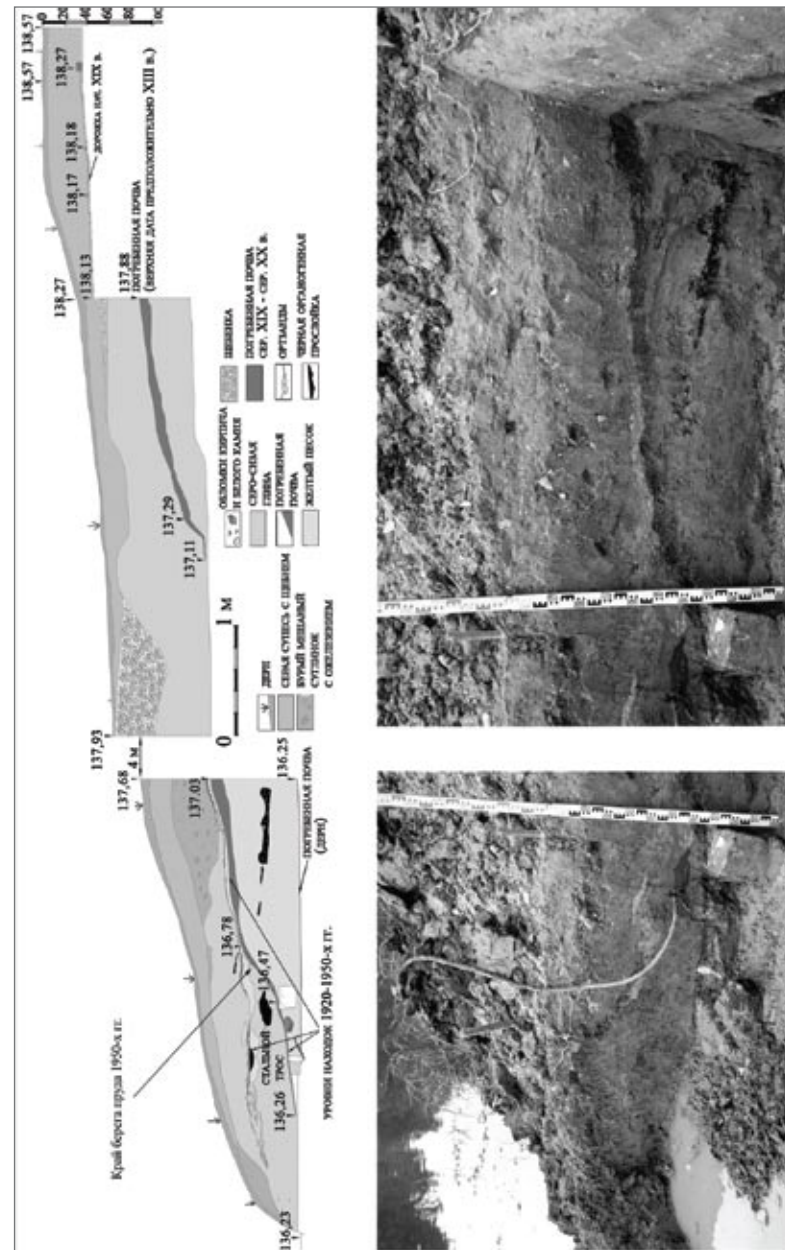

Рис. 20. Профиль (вверху) и фотография (внизу) западного борта раскопа 1 на берегу Верхнего Царицынского пруда под башней-руиной

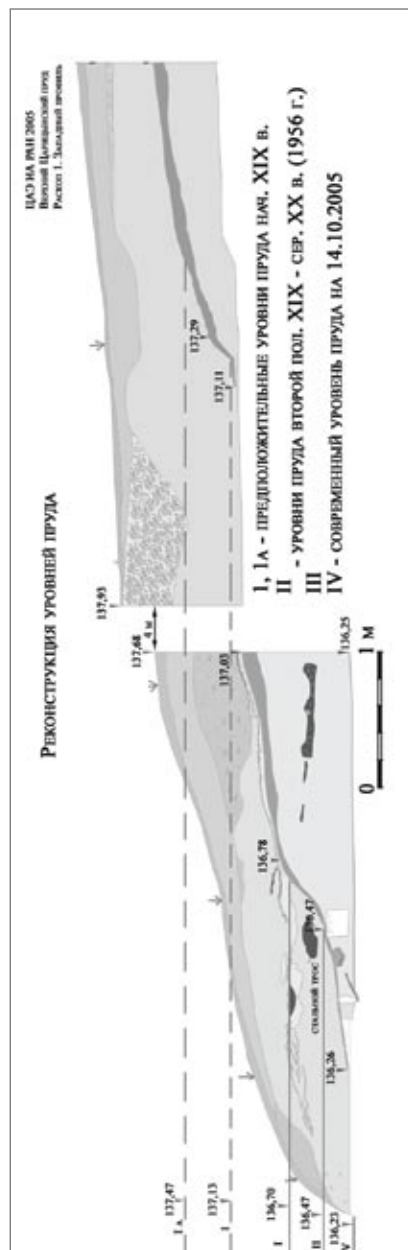

Рис. 21. Реконструкция изменений уровней Верхнего Царицынского пруда, нанесенная на профиль западного борта раскопа 1 под башней-руной

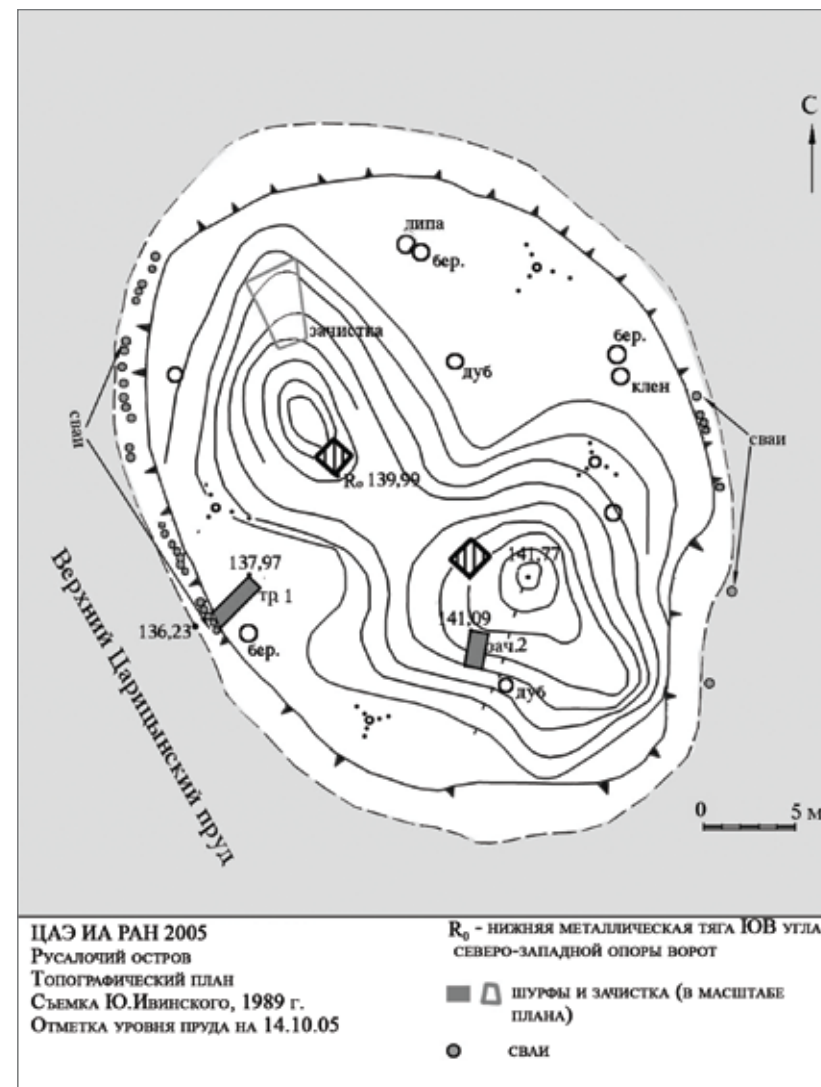

Рис. 22. План Русалочьего острова с нанесением свай берегоукрепления середины (?) XX в. и раскопов 2005 г.

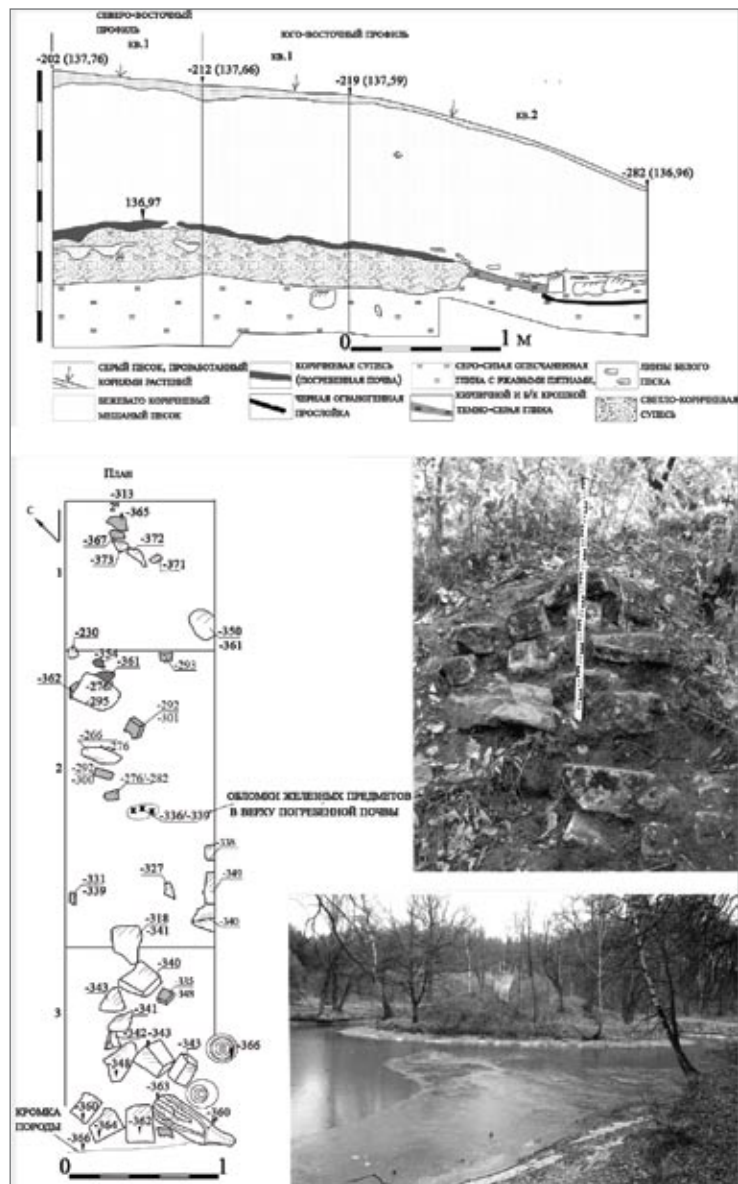

Рис. 23. Чертежи и фотографии археологических шурфов и зачисток 2005 г. на Русалочьем острове

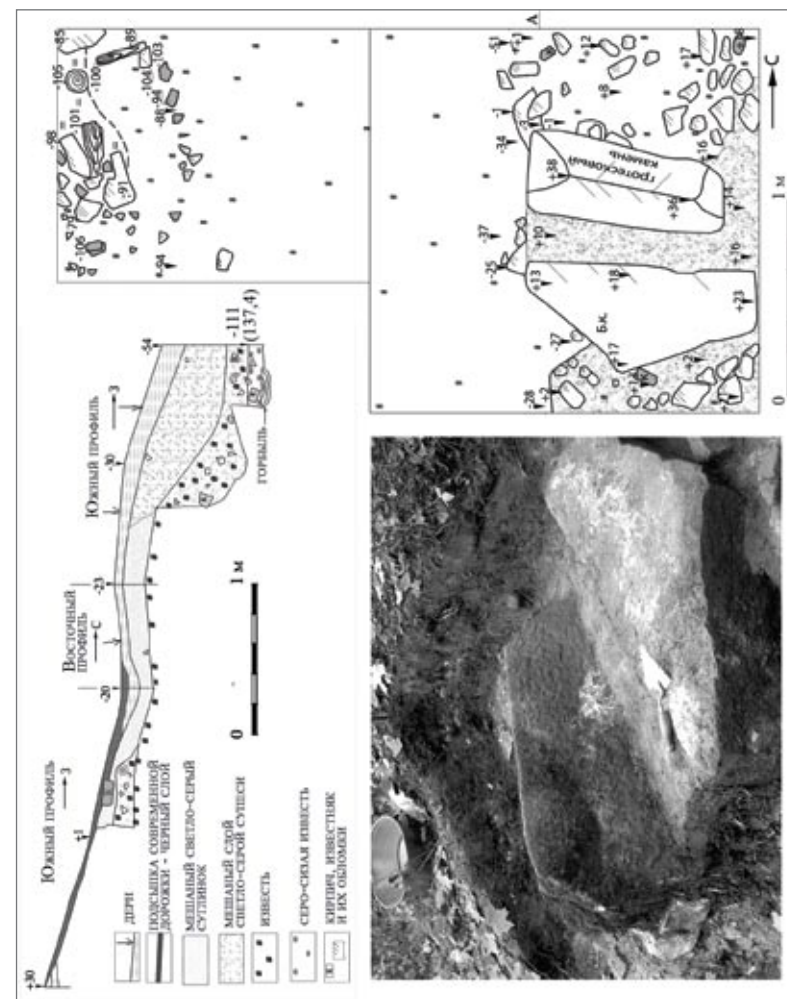

Рис. 24. Чертежи и фотография археологического шурфа возле основания моста XVIII в. через ручей, впадающий в р. Язвенку выше Ореховской плотины

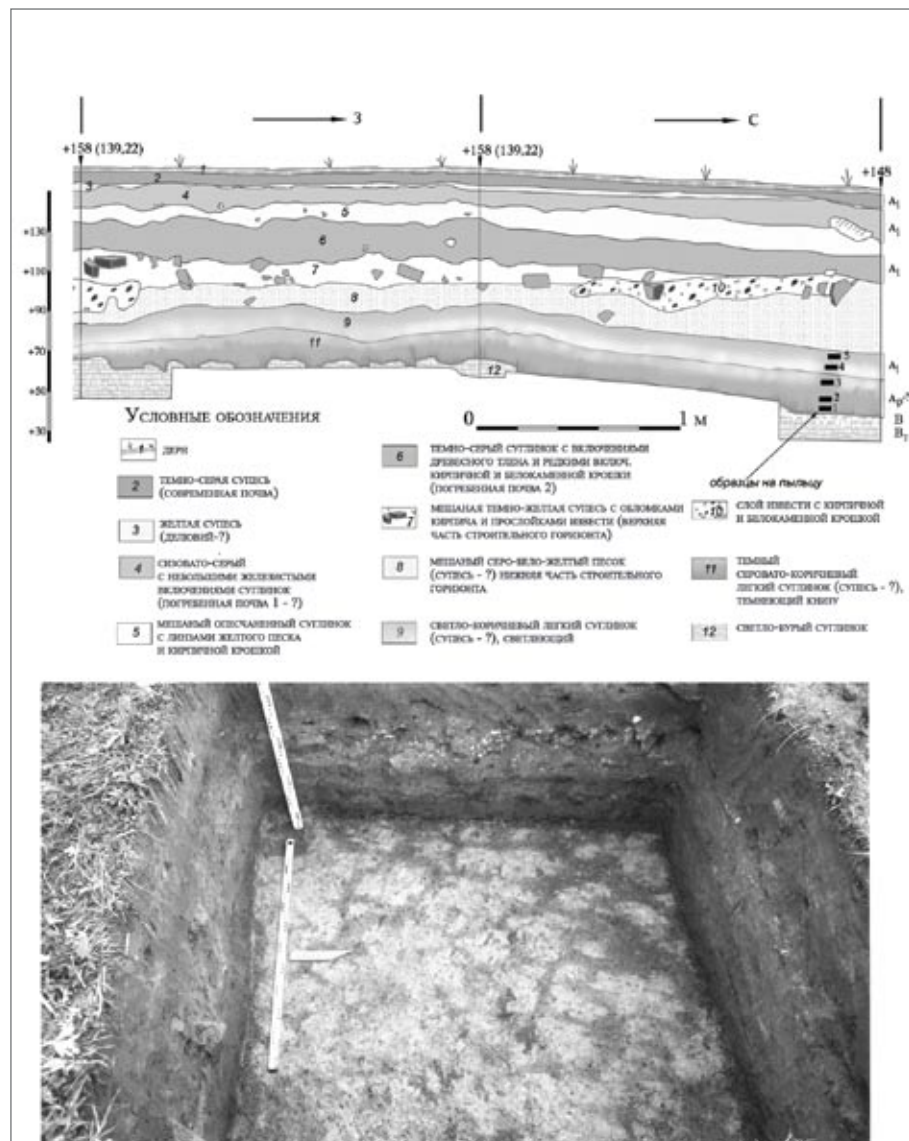

Рис. 25. Профили бортов и фотография шурфа 2005 г. возле дамбы Ореховской плотины

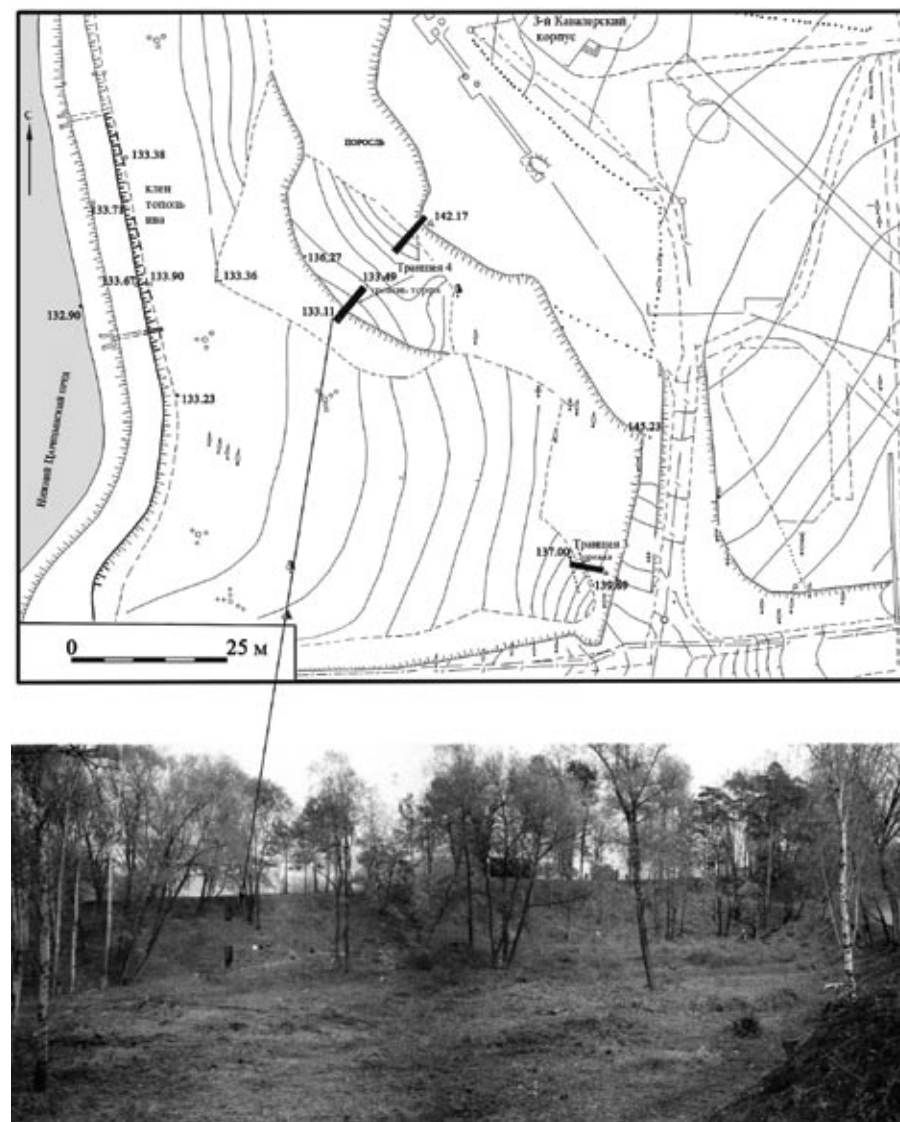

Рис. 26. План и фотография участка работ на берегу Нижнего Царицынского пруда под Третьим Кавалерским корпусом, траншеи № 3 и № 4

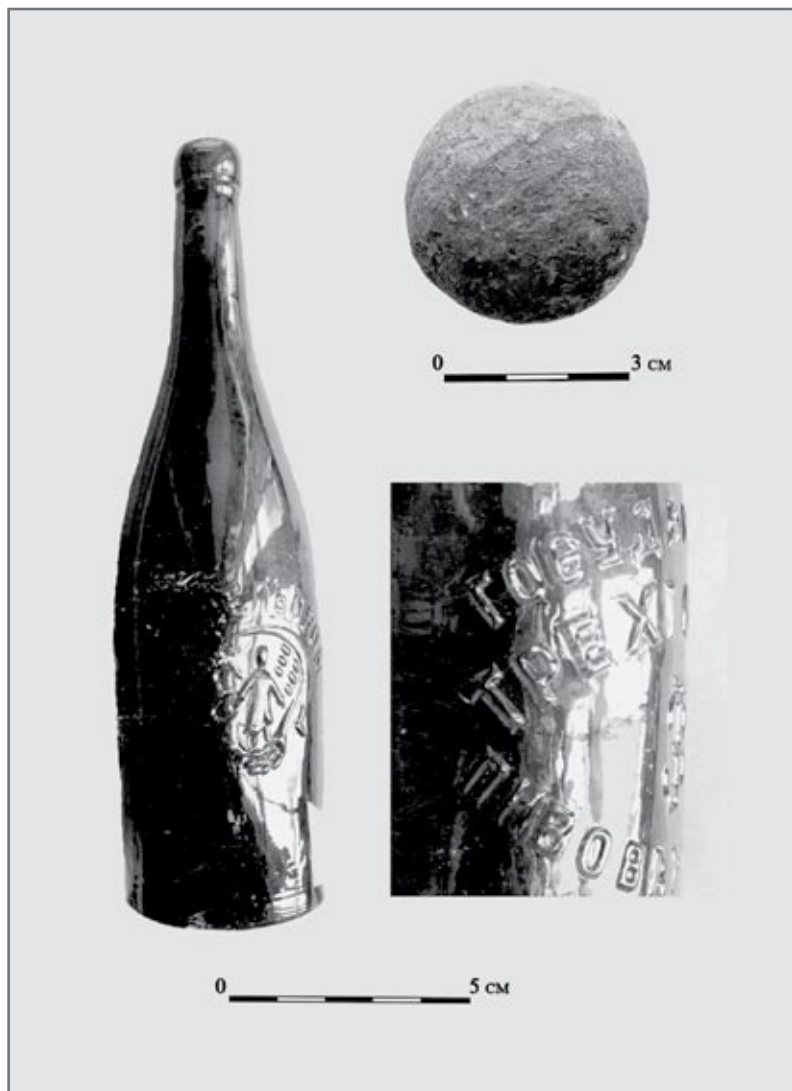

Рис. 27. Бутылка из-под «Трехгорного пива» и железное ядро из раскопов на берегу Верхнего Царицынского пруда

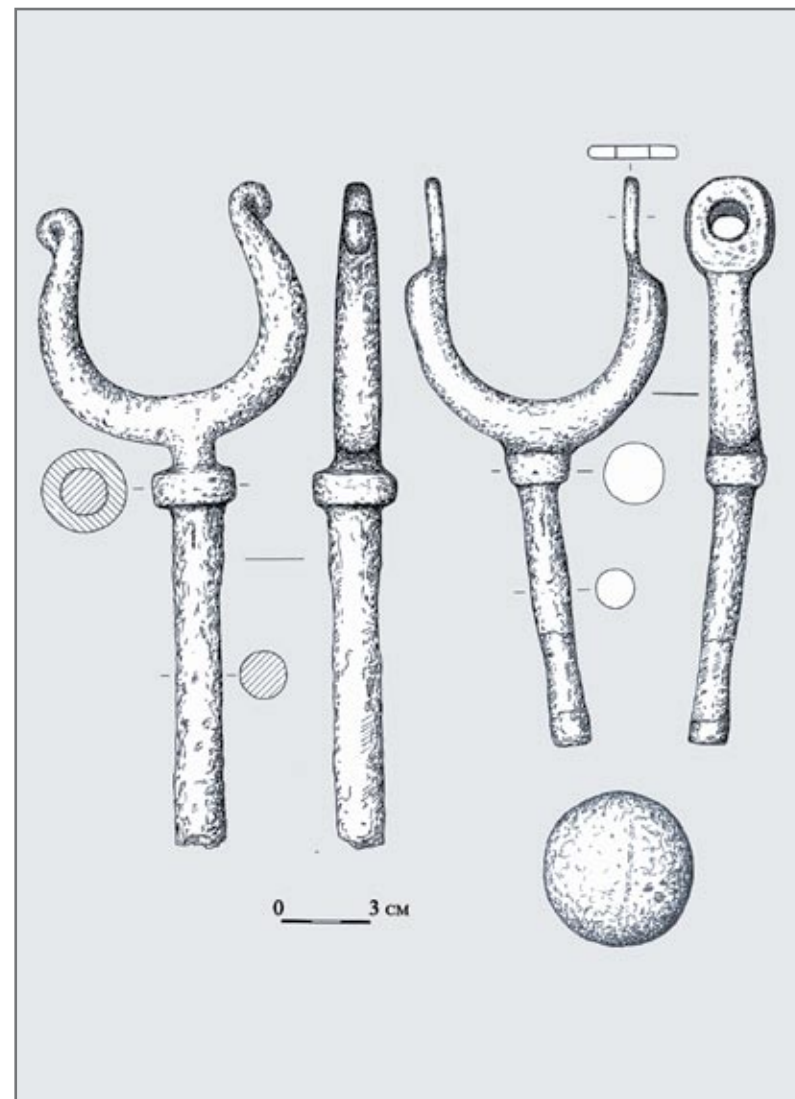

Рис. 28. Железные лодочные уключины и ядро из траншеи № 4 на берегу Нижнего Царицынского пруда

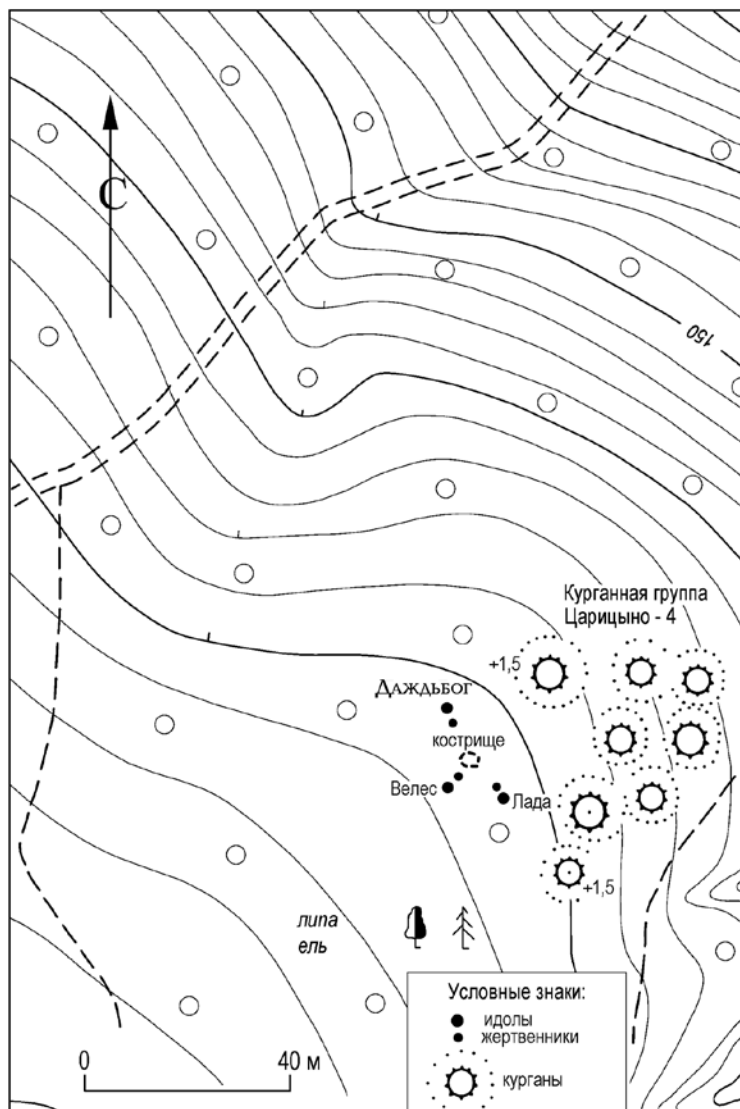

Рис. 29. План курганный группы Царицыно-4 и капище современной языческой общины «Коляда вятичей» на левом берегу Верхнего Царицынского пруда

Рис. 30. Идолы языческих богов Велеса, Даждьбога, Лады (слева направо) на капище общины «Коляда вятичей». Фото 2006 г.

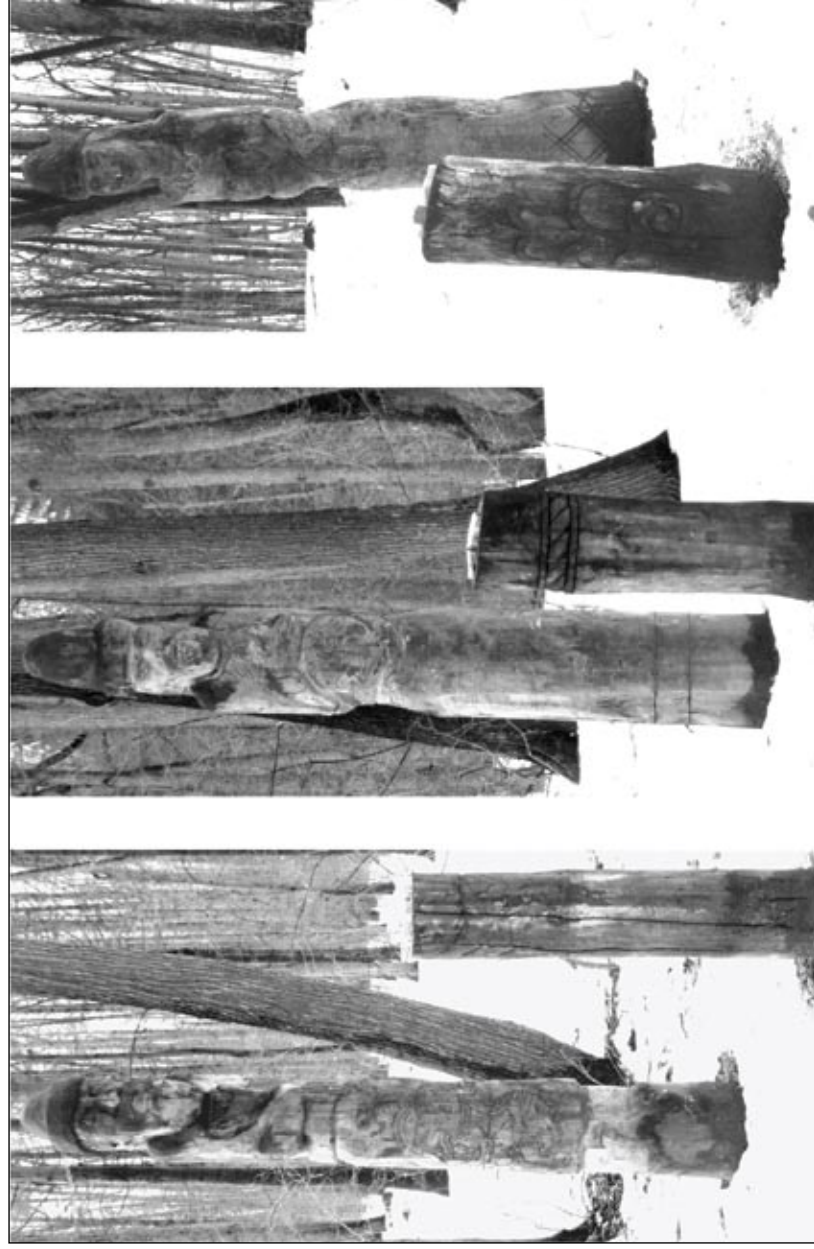

Рис. 31. Идолы языческих богов Велеса, Даждьбога, Лады (слева направо) на кашпце общины «Коляда вятичей». Фото ранней весны 2007 г.

Рис. 32. Рука идола Лады с вбитыми в нее гвоздями; приношения на жертвеннике перед иолом Даждьбога

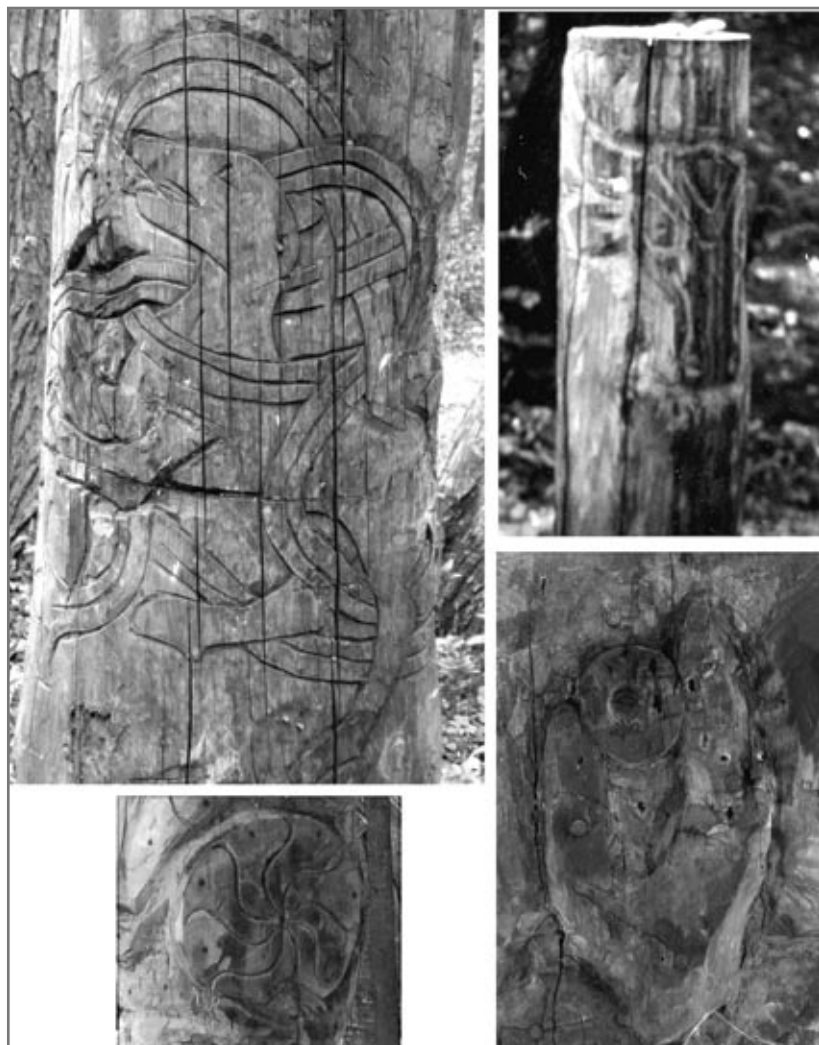

Рис. 33. Фрагменты резьбы на идолах и жертвенниках капища общины «Коляда вятичей».
 1 – жертвенник перед идолом Велеса (2006 г.); 2 – жертвенник перед идолом Велеса (2004 г.); 3 – солнечный диск в руках Дажьбога;
 4 – рука Лады с пряслицем (?)

Рис. 34. Идол на городище Боровский в Раменском районе Московской области, установленный в 2006 г.

Институт археологии РАН

Агеева Кира Евгеньевна
 Кренке Николай Александрович
 Александрова Олеся Игоревна
 Ершов Иван Николаевич
 Леонова Елена Викторовна
 Нефедов Василий Сергеевич

Моспроект-2

Ким Ольга Георгиевна

Государственный Исторический музей

Двуреченский Олег Викторович

LIST WRITERS

Institute of archaeology

Ageeva Kira Evgenyevna
 Krenke Nikolay Aleksandrovich
 Alexandrova Olga Igorevna
 Erschov Ivan Nikokaevich
 Leonova Lena Viktorovna
 Nefedov Vasily Sergeevich

Moscowproject-2

Kim Olga Georgievna

The State History Museum

Dvurechensky Oleg Victorovich

The book presents a series of articles devoted to the finds collected in 2002-2006 dated from the late 19th – 20 cc. It is an archaeological glance on the recent past and present time. The study focuses on the graffiti at the walls of ruined palace, coins lost by park visitors, rubbish, cartridge-cases, basements of dwellings demolished few decades ago. The active heathen temple of modern pagans is described in details. The authors did some hypothetic speculations about social changes reflected in the graffiti contents, set and number of finds.

The number of graffiti with proper date on the walls of the palace shows two peaks. The early one covers the interval 1930-1960-s. Texts of this period were continuation of 19th c. tradition of memorial inscriptions. In 1990-s the situation changed. The number of inscriptions rises again, but the wall now used mostly for critic or declaration of affiliation to popular music styles (rap, metal etc.) or modern mythology groups as Tolkien, pagans.

The reflection of war-culture was actualized by the remains of real anti-aircraft shells fell down from the sky in 1941 and very number finds of cartridge-cases used as toys, pencil holders, military symbols for a long time after the war. The list of rubbish items gives the mirror of society. Certainly most plenty are the things connected with alcohol consumption. Vodka/beer balance appeared as very sensitive marker of society drift.

Modern pagans occupied medieval barrows with idols carved from trunks and played their rituals since 1995. We tried to see the place from the point of view of future archaeologists.

CONTENTS

I. Archaeology of modern time (<i>N. Krenke</i>)	5
II. Graffiti on the walls of Bolshoi palace (<i>V. Nefedov, I. Ershov, N. Krenke</i>)	10
<i>Appendix.</i> The catalog of Graffiti on the walls of Bolshoi palace in Tsaritsyno	32
III. The coins lost in Tcaritsyno park as a source for study of chronological dynamic of mass relax (<i>I. Ershov, V. Nefedov</i>)	65
<i>Appendix.</i> The catalog of moneies	74
IV. Investigation of the basement of priest house (<i>N. Krenke</i>)	87
<i>Appendix.</i> The former dwellings belonged to priest of the church of Saint Mary Lifebring Source according to historical documents (<i>O. Kim</i>)	94
V. The spatial pattern study of rubbish at the site Tcaritsyno 1 (<i>Ceres</i>) (<i>I. Ershov</i>)	97
VI. The finds of cartridge-cases and their role in the context of Tcaritsyno's park archaeology (<i>I. Ershov</i>)	109
<i>Appendix.</i> The catalog of cartridge-cases from the test pit located near ruined tower at the ponds bank (<i>O. V. Dvurechenskyi</i>)	114
VII. The ponds at Tcaritsyno park in the light of archaeological investigations (<i>O. Alexandrova, L. Leonova, V. Nefedov, N. Krenke</i>)	118
<i>Appendix.</i> Extractions from literary miscellany "Tsaritsyno lights" in the newspaper "Leninets" (<i>C. Ageeva</i>)	149
VIII. The heathen temple of pagan community «Koljada Vjatichei» (<i>N. Krenke</i>)	152
Bibliography	166
List of abbreviations	170
Illustrations	171
List writers	204
Summary	205

СОДЕРЖАНИЕ

I. Археология современности (<i>Н.А. Кренке</i>)	5
II. Надписи на стенах Большого дворца (<i>В.С. Нефедов, И.Н. Ершов, Н.А. Кренке</i>)	10
<i>Приложение:</i> Каталог надписей на стенах Большого дворца в Царицыно	32
III. Монеты Царицынского парка как исторический источник по изучению хронологической динамики массового отдыха (<i>И.Н. Ершов, В.С. Нефедов</i>)	65
<i>Приложение:</i> Каталог монет	74
IV. Исследования фундамента «Дома причта» (<i>Н.А. Кренке</i>)	89
<i>Приложение:</i> Утраченная застройка дворов причта церкви Пресвятой Богородицы Живоносный Источник по историческим данным (<i>О.Г. Ким</i>)	94
V. Анализ распределения бытового мусора на площади раскопов поселения «Церера» (<i>И.Н. Ершов</i>)	97
VI. Находки оружейных гильз при археологических исследованиях на территории паркового ансамбля в Царицыно и их место в контексте «современной» археологии парка (<i>И.Н. Ершов</i>)	109
<i>Приложение:</i> Каталог коллекции пистолетных, револьверных и пехотных гильз из шурфа 2005 г. на берегу пруда под башней-руиной (<i>О.В. Двуреченский</i>)	114
VII. Царицынские пруды: история бытования и обустройства в свете археологических исследований (<i>О.И. Александрова, Е.В. Леонова, В.С. Нефедов Н.А. Кренке</i>)	118
<i>Приложение:</i> Выписки из литературного приложения «Царицынские огни» к газете «Ленинец» (<i>К.Е. Агеева</i>).....	149
VIII. Капище общины «Коляда Вятчей» (<i>Н.А. Кренке</i>)	152
Литература	166
Список сокращений	170
Иллюстрации	171
Список авторов	204
Summary	205

Научное издание

Царицыно: археология современности / Кренке Н.А., Александрова О.И.,
Ершов И.Н., Леонова Е.В., Нефедов В.С. : Государственный
историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-
заповедник «Царицыно» ; Институт археологии РАН

Редакторы *И.В. Ключкина, С.Б. Григорян*
Оригинал-макет *О.Ю. Ларкина*
Верстка *О.Ю. Ларкина*

Гарнитура UkrainianPeterburg. Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

Государственный музей-заповедник «Царицыно»

115569, г. Москва, ул. Дольская, д. 1

www.tsaritsyno-museum.ru

Издательство «Трэвел-Дизайн», Москва

тел. (916) 112-3893, e-mail: postmaster@traveld.ru

© Все права защищены, 2008

ISBN 978-5-903829-04-0

9 785903 829040